

АРТУРА МИРЫ ПИМА ГОРДОУА

ЭДГАР АЛЛАН ПО
ЖЮЛЬ ВЕРН • ЧАРЛЬЗ РОМИН ДЕЙК
ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

Мастера магического реализма (АСТ)

Жюль Верн

**Миры Артура Гордона
Пима. Антология**

«АСТ»

УДК 82(І-87)-312.9

ББК 84(0)-44

Верн Ж. Г.

Миры Артура Гордона Пима. Антология / Ж. Г. Верн — «АСТ»,
— (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-103106-0

«Сообщение Артура Гордона Пима». Единственный законченный роман Эдгара Аллана По, впервые опубликованный ровно 180 лет назад и до сих пор не утративший ни своего темного очарования, ни увлекательности. «Фирменный» для великого писателя микс из жестоких убийств, черного предательства, безграничного отчаяния и, разумеется, Тайны, помноженный на романтику классического морского приключения, в финале оборачивается столкновением с безграничным Хаосом и экзистенциальным ужасом. Все это, а главное, намеренная незавершенность истории Пима, позволили роману По стать первоисточником для других, ничуть не менее самобытных произведений – «Ледяного сфинкса» Жюль Верна, «Странного открытия» Чарльза Ромина Дейка и, конечно, неподражаемых «Хребтов безумия» Говарда Филлипса Лавкрафта.

УДК 82(І-87)-312.9

ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-17-103106-0

© Верн Ж. Г.

© АСТ

Содержание

Эдгар Аллан По	6
Сообщение Артура Гордона Пима	6
Предуведомление	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	44
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	51
Глава двенадцатая	55
Глава тринадцатая	59
Глава четырнадцатая	64
Глава пятнадцатая	69
Глава шестнадцатая	71
Глава семнадцатая	75
Глава восемнадцатая	78
Глава девятнадцатая	82
Глава двадцатая	84
Глава двадцать первая	88
Глава двадцать вторая	90
Глава двадцать третья	94
Глава двадцать четвертая	98
Глава двадцать пятая	102
Жюль Верн	107
Ледяной сфинкс	107
Часть первая	107
I	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Миры Артура Гордона Пима: [антология]

Художественное оформление *Василия Половцева*

© В. Бернацкая, перевод на русский язык

© А. Кабалкин, перевод на русский язык

© М. Куренная, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Эдгар Аллан По

Сообщение Артура Гордона Пима

Сообщение Артура Гордона Пима,

содержащее подробности возмущения и жестокой резни на американском бриге «Грампус» в пути его к Южным морям, с рассказом о вторичном захвате корабля уцелевшими в живых; об их крушении и последующих ужасных страданиях от голода; о спасении их британской шхуной «Джэн Гай»; о кратком крейсеровании этого последнего судна в Полуденном океане; о захвате шхуны и избиении ее экипажа среди группы островов на 84-й параллели южной широты, о невероятных приключениях и открытиях еще дальше на юг, к коим привело это прискорбное злополучие.

Предуведомление

По моем возвращении несколько месяцев тому назад в Соединенные Штаты после необычайного ряда приключений в Южных морях и иных местах, о чем я рассказываю на последующих страницах, случай свел меня с обществом нескольких джентльменов в Ричмонде, в Виргинии, и они, сильно заинтересовавшись всем касательно областей, которые я посетил, настойчиво убеждали меня, что мой долг предоставить повествование мое публике. Я имел, однако, причины уклоняться от этого – некоторые из них были совершенно личного характера и не касаются никого, кроме меня самого; но были еще причины и другого свойства. Одно соображение, удерживавшее меня, было таково: не ведя дневника в продолжение большей части времени, когда я был в отсутствии, я боялся, что не смогу написать по памяти рассказа столь подробного и связного, чтобы он имел вид той правды, которая была в нем в действительности, и выкажу только естественное неизбежное преувеличение, к которому склонен каждый из нас, описывая происшествия, имевшие могущественное влияние на возбуждение наших способностей воображения. Другая причина была та, что происшествия, которые должно было рассказать, по природе своей были столь положительно чудесны, что я, ввиду неподдержанности моих утверждений никакими доказательствами, как это поневоле должно было быть (кроме свидетельств одного индивидуума, да и тот индеец смешанной крови), мог бы надеяться только на то, что мне поверят в моей семье и среди тех моих друзей, которые в продолжение целой жизни имели основание увериться в моей правдивости, – но, по всей вероятности, большая публика стала бы смотреть на то, что я стал бы утверждать, просто как на наглую и простодушную выдумку. Недоверие к моим собственным способностям как писателя было со всем тем одной из главных причин, каковые мешали мне согласиться с уговариваниями моих советников.

Между теми джентльменами в Виргинии, которые выражали величайший интерес к моему рассказу, в особенности к той его части, которая относилась к Полуденному океану¹, был мистер По, недавно бывший издателем «Южного литературного вестника», ежемесячного журнала, печатаемого мистером Томасом В. Уайтом в городе Ричмонде. Он очень советовал, вместе с другими, теперь же приготовить полный рассказ о том, что я видел и пережил, и положиться на пронизательность и здравый смысл публики – утверждая с полной правдоподобностью, что, несмотря на необработанность в чисто литературном отношении, с какой вышла бы

¹ В подлиннике: Антарктический океан. – Прим. ред.

в свет моя книга, самая ее неуклюжесть, ежели в ней есть таковая, придаст наибольшее вероятие тому, что ее примут за истину.

Несмотря на это увещание, я не мог настроить свой ум сделать так, как он мне советовал. Видя, что я не займусь этим, он предложил мне изложить своими собственными словами первую часть моих приключений по данным, сообщенным мною, и напечатать это в «Южном вестнике» под видом вымысла. Не имея против этого никаких возражений, я согласился, условившись только, что настоящее мое имя будет сохранено. Два выпуска мнимого вымысла появились последовательно в «Вестнике», в январе и феврале (1837), и для того, чтобы на это смотрели действительно как на вымысел, имя мистера По приложено было к очеркам в оглавлении журнала.

То, как принята была эта хитрость, побудило меня наконец предпринять правильное составление и печатание упомянутых повествований, ибо я нашел, что, несмотря на вид вымысла, каковой был так находчиво придан той части моего отчета, которая появилась в «Вестнике» (без изменения или искажения хотя бы одного случая), публика совсем не была расположена принять это как выдумку, и несколько писем было послано по адресу мистера По, которые ясно свидетельствовали об убеждении читателей в противном. Отсюда я заключил, что события и случаи моего повествования были такого свойства, что сами в себе имели достаточную очевидность их собственной достоверности, и следовательно, я мог мало опасаться насчет недоверия публики.

Теперь когда все начистоту сказано, сразу будет видно, на что из последующего я притязаю как на мое собственное писание; и также будет понятно, что ни один случай не искажен в первых нескольких страницах, которые написаны мистером По. Даже тем читателям, которые не видали «Вестника», будет излишне указывать, где кончается его часть и начинается моя: разница в слоге будет вполне заметной.

А. Г. Пим

Нью-Йорк, шоль, 1838

Глава первая

Мое имя Артур Гордон Пим. Мой отец был почтенным торговцем морскими материалами в Нантукете, где я родился. Дед мой по матери был стряпчим и хорошо вел дела, которых у него было достаточно. Он был счастлив во всем и совершил несколько удачных оборотов на акциях Эдгартонского нового банка, когда тот был только что основан. Этим способом и другими он скопил порядочную сумму денег. Ко мне он был привязан, как мне кажется, более чем к кому-либо другому на свете, и я рассчитывал унаследовать большую часть его состояния после его смерти. Когда я был в возрасте шести лет, он отдал меня в школу старого мистера Риккетса, джентльмена с одной лишь рукой и чудаческими манерами – он хорошо известен почти каждому, кто посетил Нью-Бедфорд. Я пробыл в его школе до шестнадцати лет и потом покинул его, чтобы перейти в школу мистера Э. Рональда, что на горе. Здесь я подружился с сыном мистера Барнарда, морского капитана, который обыкновенно совершал плавания на судах Ллойда и Реденбурга, – мистер Барнард также хорошо известен в Нью-Бедфорде, и я уверен, что у него есть родственные связи в Эдгартоне. Его сына звали Августом, он почти на два года был старше меня. Он совершил плавание с отцом на китобойном судне «Джон Дональдсон» и всегда рассказывал мне о своих приключениях в южном Тихом океане. Часто я отправлялся вместе с ним к нему на дом и оставался там целый день, а иногда и всю ночь. Мы спали в одной постели, и он мог быть уверен, что я не засну почти до рассвета, если он будет рассказывать мне истории о туземцах острова Тиниана и других местах, которые он посетил во время своих путешествий. Под конец я не мог не быть захвачен тем, что он гово-

рил, и мало-помалу чувствовал величайшее желание отправиться в море. У меня была парусная лодка, называвшаяся «Ариэль», стоимостью около семидесяти пяти долларов. Она имела полудек с каморкой и была оснащена на манер шлюпки – я забыл ее вместимость, но в ней могло бы поместиться до десяти человек без особой тесноты. На этой лодке мы имели обыкновение совершать безумнейшие в мире проделки; и когда я теперь о них думаю, мне кажется одним из величайших чудес, что я донныне нахожусь в живых.

Я расскажу одно из этих приключений как введение к более длинному и более серьезному повествованию. Однажды вечером у мистера Барнарда были гости, и мы оба, Август и я, порядочно выпили к концу вечера. Как обыкновенно в этих случаях, я предпочел разделить с ним его постель, нежели идти домой. Он уснул, как мне показалось, очень спокойно (было около часу, когда общество разошлось), не сказав ни слова на свою любимую тему. Могло пройти около получаса, как мы были в постели, и я только что стал погружаться в дремоту, как вдруг он вскочил и поклялся страшной клятвой, что не будет спать ни из-за какого Артура Пима во всем христианском мире, когда дует такой великолепный ветер с юго-запада. Никогда в жизни я не был столь удивлен, не зная, что он разумел, и думая, что вина и крепкие напитки, которые он выпил, совершенно вывели его из себя. Он продолжал говорить очень спокойно; он знает, сказал он, что я думаю, будто он пьян, но он никогда в жизни не был более трезв. Он только устал, прибавил он, лежать в постели в такую чудесную ночь, точно собака, и был твердо намерен встать, одеться и выехать на лодке повеселиться. Вряд ли смогу я сказать, что овладело мной, но не успели слова эти вылететь из его уст, как я почувствовал дрожь величайшего возбуждения и удовольствия, и его сумасшедшая затея показалась мне одной из самых чудесных и разумнейших вещей в мире. Ветер переходил почти в бурю, и погода была очень холодная – это было в конце октября. Тем не менее я вскочил с постели в некоторого рода восхищении и сказал ему, что я так же смел, как и он, так же, как и он, устал лежать в постели, точно собака, и готов на всякую веселую выдумку и забаву, как и какой-нибудь Август Барнард в Нантукете.

Не теряя времени, мы оделись и бросились к лодке. Она была причалена у старой обветшалой пристани около склада материалов «Панкея и К^о» и почти ударялась своими боками о грубые плахи. Август вошел в нее и стал вычерпывать воду, ибо лодка почти до половины была полна. Когда это было сделано, мы подняли кливер и грот и, распустив паруса, смело направились в море.

Как я уже сказал раньше, дул свежий ветер с юго-запада. Ночь была светлая и холодная. Август взялся за руль, а я встал у мачты на деке коморки. Мы летели прямо с большой быстротой, никто из нас не произнес ни слова, с тех пор как мы отвязали лодку от пристани. Теперь я спросил моего товарища, в каком направлении он думал править и как он думает, когда будет возможно вернуться назад. Он свистел в продолжение нескольких минут, потом сказал сварливо: «Я иду в море, ты можешь отправляться домой, если считаешь это уместным». Обратив на него взор, я заметил тотчас, что, несмотря на его деланую небрежность, он был очень взволнован. Я мог ясно видеть его при свете луны, лицо его было бледнее мрамора, и рука так дрожала, что он с трудом удерживал ручку румпеля. Я увидел, что тут что-то неладно, и серьезно встревожился. В те времена я мало что понимал в управлении лодкой и был таким образом в полной зависимости от навигационного искусства моего друга. Ветер, кроме того, вдруг усилился, и мы быстро вышли из подветренной береговой линии, все же я стыдился выказать какой-либо страх и с полчаса сохранял решительное молчание. Я не мог, однако, выдержать дольше и стал говорить Августу о необходимости вернуться назад. Как и раньше, прошло с минуту, прежде нежели он ответил или обратил какое-либо внимание на мое замечание. «Сейчас, – сказал он наконец. – Времени довольно... домой сейчас». Я ожидал такого ответа, но было что-то в тоне этих слов, что наполнило меня неопределимым чувством страха. Я снова со вниманием посмотрел на говорившего. Его губы были совершенно бледны и колени его так сильно дрожали, что, казалось, он с трудом мог стоять. «Ради Бога, Август! – закричал

я, теперь совершенно испуганный. – Что с тобой? Что случилось? Что ты хочешь делать?» – «Случилось?.. – сказал он, заикаясь, с видом величайшего удивления, и, выпустив румпель, упал вперед на дно лодки. – Случилось?.. почему, ничего... не случилось... едем домой... ч-черт... разве ты не видишь?» Вся правда вспыхнула передо мной. Я бросился к нему и приподнял его. Он был пьян, смертельно пьян, он не мог больше ни стоять, ни говорить, ни видеть. Его глаза были совершенно остекленелыми; и когда я выпустил его в крайнем отчаянии, он покатился, как чурбан, в килевую воду, из которой я его поднял. Очевидно, в течение вечера он выпил гораздо больше, чем я подозревал, и его поведение в постели было следствием крайнего состояния опьянения – состояния, которое, подобно безумию, делает жертву часто способной подражать внешне поведению тех, кто находится в полном обладании своим рассудком. Прохлада ночного воздуха, однако же, оказала свое обычное действие – умственная энергия начала уступать ее влиянию, и то смутное сознание опасности, которое, без сомнения, поначалу у него было, ускорило катастрофу. Теперь он впал в совершенно бесчувственное состояние, и не было никакой вероятности, чтобы в продолжение нескольких часов он пришел в себя.

Вряд ли возможно вообразить крайнюю степень моего ужаса. Винные пары улетучились, оставляя меня вдвойне смущенным и нерешительным. Я знал, что был совершенно неспособен управлять лодкой, а свирепый ветер и сильный отлив несли нас к гибели. За нами, очевидно, собиралась гроза; у нас же ни компаса, ни запасов провизии, и было ясно: если мы будем держаться того же направления, до наступления рассвета мы потеряем из виду землю. Страшные мысли толпой пронеслись в моем уме с ошеломляющей быстротой и на некоторое время парализовали меня до полной невозможности сделать какое-либо усилие. Лодка по ветру убежала с ужасающей скоростью без рифа в кливере или главном парусе, то и дело погружая свою переднюю часть в пену. Величайшее чудо, что она не рыскала, ибо Август, как я сказал раньше, упустил руль, а я был слишком взволнован, чтобы подумать взяться за него самому. К счастью, судно держалось крепко, и постепенно я обрел некоторое присутствие духа. Ветер, однако же, страшно усиливался; каждый раз, когда мы поднимались после нырка вперед, сзади море вставало страшными гребнями над нашей кормой и затопляло нас водой. Все тело так у меня онемело, что я почти не сознавал каких-либо ощущений. Наконец я воззвал к решимости отчаяния и, бросившись к главному парусу, отпустил его. Как и можно было ожидать, он полетел через борт и, окунувшись в воду, сорвал мачту. Только последнее обстоятельство спасло меня от немедленной гибели. С одним лишь кливером я быстро плыл теперь вперед по ветру, иногда зачерпывая тяжелую волну, но освобожденный от страха немедленной смерти. Я взялся за руль и вздохнул с большим облегчением, увидав, что для нас еще оставалась возможность окончательного спасения. Август все продолжал лежать без чувств на дне лодки, и так как была серьезная опасность, что он захлебнется (воды набралось около фута глубины как раз где он упал), я придумал приподнять его хоть немного и удержать в сидячем положении, пропустив веревку вокруг его пояса и привязав ее к железному кольцу на деке коморки. Устроив все как только мог лучше, в том полузамерзшем и взволнованном состоянии, в каком я был, я поручил себя Богу и настроил свой ум так, чтобы вынести твердо что бы ни случилось, со всем мужеством, которое было в моей власти.

Только что я пришел к этому решению, как вдруг громкий и долгий крик, будто из глоток тысячи демонов, казалось, заполнил всю атмосферу вокруг лодки. Никогда в жизни я не смогу забыть напряженной агонии ужаса, которую я испытал в тот миг. Волосы мои стали дыбом, я почувствовал, что кровь застыла в жилах, сердце совсем перестало биться, и, не подняв даже глаз, чтобы узнать причину моей тревоги, я рухнул без чувств на тело моего упавшего товарища.

Когда я пришел в себя, я находился в каюте большого китобойного судна «Пингвин», возвращавшегося в Нантукет. Несколько человек стояло надо мною, и Август, бледнее смерти, усердно растирал мне руки. Когда он увидел, что я открыл глаза, его вскрики благодарности

и радости возбудили попеременно смех и слезы среди стоявших около меня людей, суровых на вид. Тайна того, что мы были еще живы, без промедления разъяснилась. Мы были опрокинуты китобойным судном, которое, держась круто под ветром, пробиралось к Нантукету на всех парусах, какие только дерзнуло распустишь, и шло, следовательно, почти под прямым углом к нашему собственному пути. Несколько человек было на дозоре на верху мачты, но они не видели нашей лодки до тех пор, когда уже не было возможности избежать столкновения, – их крики предупреждения, когда они увидели нас, и были тем, что так ужасно испугало меня. Огромный корабль, сказали мне, проплыл над нами с такой же легкостью, как если бы наше собственное суденышко прошло над пером, – без малейшего заметного препятствия в своем ходе. Ни вскрика не раздалось с палубы погибающих: был слышен только слабый скрипящий звук, смешавшийся с ревом ветра и воды, когда хрупкая лодка, будучи поглощена, на минуту проскребля вдоль киля днище своего разрушителя; и это было все. Думая, что наша лодка (которая, как нужно припомнить, была без мачты) – просто остов, плывущий по воле ветра, капитан (капитан Э. Т. В. Блок из Нью-Лондона) хотел продолжать свой путь, не беспокоясь больше о случившемся. К счастью, двое были на посту, и они положительно клялись, что видели кого-то у нашего руля, и утверждали, что еще возможно спасти этого человека. Последовало обсуждение, но Блок рассердился и сказал: «Не его дело вечно следить за яичными скорлупами, корабль он не будет поворачивать из-за такой бессмыслицы; а если и есть какой-нибудь утопающий, так это ничья вина, как его собственная; он может тонуть, и черт бы его побрал», или что-то в этом роде. Хендерсон, штурман, опять поднял этот вопрос, справедливо возмущенный, так же как и весь экипаж корабля, речью капитана, которая доказывала жестокое бессердечие. Штурман говорил начистоту, чувствуя себя поддерживаемым своими людьми, и сказал капитану, что почитает его достойным виселицы и что ослушается его приказаний, даже если бы он должен был быть повешен за это в тот самый миг, как ступит на берег. Он быстро шагнул назад, толкнув Блока в сторону (тот сильно побледнел и ничего не ответил), и, ухватив руль, отдал команду твердым голосом: «Руль под ветер!» Люди устремились на свои посты, и корабль быстро повернул на другой галс. Все произошло приблизительно в пять минут, и было вряд ли возможно кого-нибудь спасти – если допустить, что кто-нибудь был на борту лодки. Все же, как это видел читатель, мы оба, Август и я, были спасены; и наше спасение казалось следствием одной из тех непонятных счастливых случайностей, которые приписываются людьми мудрыми и набожными особому вмешательству Провидения.

Пока корабль еще поворачивался, штурман спустил четверку и прыгнул в нее с двумя матросами, я думаю, теми самыми, которые говорили, что видели меня у руля. Они только что оставили подветренную сторону судна (луна все еще светила ярко), как вдруг корабль сильно и длительно качнулся к наветренной стороне и Хендерсон в тот же самый миг вскочил на своем месте и крикнул матросам: «Задний ход! – Он ничего не хотел сказать другого, с нетерпением повторяя: – Задний ход! Задний ход!» Люди направились назад так скоро, как только было возможно; но в это время корабль повернул и пошел прямым ходом вперед, хотя на корабле делали страшные усилия, чтобы уменьшить паруса. Несмотря на опасность попытки, штурман уцепился за грот-руслени, как только он мог их достать. Другое сильное накренивание корабля вывело теперь правую сторону судна из воды приблизительно до киля, и причина того, что штурман был в таком волнении, стала вполне ясной. Тело человека было видно, прикрепленное самым необычайным образом к гладкому и блестящему дну («Пингвин» был выслан медью и укреплен медными скрепами), и при каждом движении корпуса корабля тело сильно ударялось о днище. После нескольких напрасных усилий, делаемых при каждом накренивании корабля, с неминуемым риском опрокинуть лодку, меня, ибо это было мое тело, наконец высвободили из опасного положения и взяли на борт корабля. Оказалось, что один из скрепляющих стержней, проломав медь и выдвинувшись наружу, задержал мое тело под кораблем и прикрепил меня столь необычайным образом к его дну. Верхушка стержня проткнула воротник зеленой

байковой куртки, которая была на мне, и через заднюю часть шеи, между двух сухожилий, вышла как раз под правым ухом. Меня тотчас положили в постель, хотя моя жизнь, казалось, совершенно угасала. На корабле не было врача. Капитан, однако, выказал мне всевозможное внимание, чтобы искупить, как я полагаю, в глазах своего экипажа бесчеловечное свое поведение в предыдущей части происшествия.

В это же самое время Хендерсон опять отчалил от корабля, несмотря на то что ветер теперь был почти ураганным. Он не проплыл и нескольких минут, как наткнулся на обломки нашей лодки, а вскоре один из людей, бывших с ним, стал утверждать, что в промежутках между ревом бури он может различить крик о помощи. Это побудило бесстрашных моряков продолжать поиски еще в течение более получаса, несмотря на то что капитан Блок давал повторные сигналы к возвращению и каждое мгновение в хрупкой лодке им угрожала неминуемая и смертельная опасность. Правда, почти невозможно понять, как эта малая четверка, в которой они находились, могла хоть одно мгновение противостоять гибели. Она была, однако, построена для китобойной службы и была снабжена, как я потом имел основание думать, вместилищами для воздуха, на манер некоторых спасательных лодок, употребляющихся на побережье Уэльса.

После безуспешных поисков в продолжение упомянутого времени было решено вернуться на корабль. Не успели они прийти к этому решению, как раздался слабый крик от темного предмета, с быстротой проплывавшего мимо них. Погнавшись за ним, они вскоре настигли его. Оказалось, это был цельный дек коморки «Ариэля». Август барахтался около него, по-видимому в последней агонии. Когда он был вытасчен, заметили, что он привязан веревкой к держащемуся на воде ребру лодки. Эту веревку, как нужно припомнить, я сам обвязал вокруг его поясницы и прикрепил к железному кольцу, чтобы удержать его выпрямленным, и то, что я сделал, как оказалось, в конце концов спасло ему жизнь. «Ариэль» был легко построен, и, идя ко дну, его сруб естественно разлетелся на куски; дек коморки, как можно предположить, был оторван от главного сруба силой воды, которая устремилась внутрь, и всплыл (с другими обломками, без сомнения) на поверхность – Август держался на поверхности вместе с ним и таким образом избег ужасной смерти.

Когда его взяли на борт «Пингвина», прошло более часа, прежде чем он мог опомниться или понять, что произошло с нашей лодкой. Наконец, он вполне пробудился и много говорил о своих ощущениях тех минут, когда находился на воде. Впервые он пришел до некоторой степени в сознание, когда увидел себя под водой, с непостижимой быстротой вращающимся кругом и кругом, а веревка тремя или четырьмя перехватами туго обвивала его шею. Через мгновение он почувствовал, как быстро поднимается кверху и как вдруг голова его сильно ударилась обо что-то твердое, и он опять впал в беспамятство. Снова придя в себя, он уже более овладел своим рассудком, который, однако же, в величайшей степени был помрачен и спутан. Теперь он знал: что-то случилось и он оказался в воде, хотя рот его находился над поверхностью и он мог дышать довольно свободно. Возможно, в это время дек быстро несся по ветру и тащил его за собой, плывущего на спине. Конечно, пока он мог держаться в этом положении, было почти невозможно, чтобы он утонул. Вдруг большой вал бросил его поперек дека, где он и старался удержаться, время от времени крича о помощи. Как раз перед тем, когда его нашел мистер Хендерсон, он обессилел и принужден был отпустить то, за что держался, и, падая в море, счел себя погибшим. В продолжение всего времени, пока он боролся с волнами, у него не было даже самого слабого воспоминания об «Ариэле» или о чем-нибудь связанном с причиной его злополучия. Смутное чувство ужаса и отчаяния вполне завладело его умственными способностями. Когда он наконец был выловлен, все силы ума оставили его, и, как было сказано раньше, лишь через час приблизительно, после того как его взяли на борт «Пингвина», он вполне сознал свое положение. Что касается меня, я был воскрешен из состояния, граничащего весьма близко со смертью (всевозможные средства применялись напрасно

в продолжение трех с половиной часов), сильным растиранием фланелью, намоченной в горячем масле, – средство, присоветованное Августом. Рана на шее, несмотря на ее безобразный вид, оказалась в действительности маловажной, и я скоро поправился.

«Пингвин» вошел в гавань около девяти часов утра, встретив один из сильнейших штормов, когда-либо виданных около Нантукета. Август и я изловчились так, чтобы явиться к мистеру Барнарду завтракать вовремя, завтрак, по счастью, немного запоздал вследствие вчерашней вечеринки. Я думаю, что все, кто был за столом, сами были слишком утомлены, чтобы заметить наш измученный вид, который, конечно, был бы вполне усмотрен при сколько-нибудь внимательном наблюдении. Школьники, однако, могут совершать чудеса обмана, и, я уверен, ни один из наших друзей в Нантукете не имел ни малейшего подозрения, что ужасная история, которую рассказывали в городе моряки о том, как они потопили тридцать-сорок горемык, имела какое-либо отношение к «Ариэлю», к моему товарищу или ко мне самому. Впоследствии мы оба очень часто говорили о случившемся – но никогда без содрогания. В одной из наших бесед Август чистосердечно признался мне, что никогда во всей своей жизни не испытал такого мучительного чувства смятения, как тогда в нашей маленькой лодке, когда он заметил всю силу своего опьянения и почувствовал себя ослабевающим под его влиянием.

Глава вторая

Ни при каком понесенном ущербе мы не можем вывести с полной уверенностью никаких заключений за или против даже из самых простых данных. Можно было бы предположить, что катастрофа, о которой я только что рассказал, вполне охладила мою зарождающуюся страсть к морю. Напротив, я никогда не испытывал более пламенного стремления к безумным приключениям в жизни моряка, чем неделю спустя после нашего чудесного спасения. Этого короткого промежутка времени оказалось вполне достаточно, чтобы стереть из моей памяти все тени и явить в ярком свете все радостно возбуждающие красочные пятна, всю живописность недавнего опасного происшествия. Мои разговоры с Августом день ото дня становились все более частыми и все более полными интереса. У него была особая манера рассказывать свои повествования об океане (добрая половина которых, как я теперь предполагаю, была сущим вымыслом), с помощью ее он завладевал моим восторженным темпераментом и несколько мрачным, хотя и пламенным, воображением. Странно еще то, что он наиболее сильно захватывал мои чувства в пользу жизни моряка, когда описывал самые страшные минуты страдания и отчаяния. К светлой стороне живописания у меня была ограниченная симпатия. Мои мечты устремлялись к кораблекрушению и голоду; к смерти или плену среди варварских племен; к влачению жизни в скорби и слезах на какой-нибудь серой пустынной скале в недоступном и неведомом океане; такие мечты или желания – ибо мечты доходили до желания, – как я уверился с тех пор, свойственны всей многочисленной породе меланхоликов среди людей. В то время, о котором я говорю, я смотрел на это лишь как на пророческие проблески судьбы, к выполнению которой я чувствовал себя до некоторой степени предназначенным. Август совершенно вошел в образ моего мышления. Вероятно, на самом деле, наши интимные беседы кончились частичным обменом характеров.

Приблизительно восемнадцать месяцев спустя после того, как погиб «Ариэль», фирма «Ллойд и Реденбург» (дом некоторым образом, как я полагаю, связанный с господами Эндерби в Ливерпуле) предприняла починку двухмачтового судна «Грампус» и приспособила его для китобойного плавания. Это было старое изношенное судно, едва пригодное к морской службе, даже тогда, когда для него было сделано все, что только возможно. Мне трудно понять, почему его предпочли другим хорошим судам, принадлежавшим тем же владельцам, – но это было так. Мистеру Барнарду было поручено им командовать, и Август ехал с ним. Когда бриг был в починке, Август часто соблазнял меня благоприятным случаем, представлявшимся для того,

чтобы удовлетворить мое желание путешествовать. Он нашел во мне отнюдь не неохотного слушателя. Однако же это не так легко было устроить. Мой отец не противился прямо, но мать впадала в истерику при одном упоминании о таком намерении, а главное, мой дед, от которого я ожидал многого, поклялся, что не оставит мне ни гроша, если я когда-нибудь еще буду распространяться при нем на эту тему. Трудности, однако, вместо того чтобы уменьшить мое желание, подливали только масла в огонь. Я решил ехать во всяком случае; и после того как я сообщил Августу о своем намерении, мы принялись за выполнение плана.

В то же время я воздерживался говорить о путешествии с кем-либо из моих родственников, и, так как я с показным усердием принялся за свои обычные занятия, было предположено, что я оставил мое намерение. После я часто рассматривал мое поведение в этом случае с чувством неудовольствия, так же как и удивления. Глубокое лицемерие, которое я употребил для выполнения моего проекта, – лицемерие, распространявшееся на каждое слово, на каждый поступок моей жизни в продолжение такого долгого времени, – могло сделаться сколько-нибудь извинительным для меня лишь в силу безумного и пылкого ожидания, с которым я мечтал о выполнении моих давно лелеемых видений путешествия.

При осуществлении моего обманного плана я по необходимости должен был предоставить многое изобретательности Августа, который большую часть дня был занят на «Грампусе», помогая своему отцу по части кое-каких устройств в каюте и трюме. Ночью все же мы были уверены, что беседа у нас будет и мы будем говорить о своих надеждах. Приблизительно после месяца, проведенного таким образом, не натолкнувшись поначалу ни на какой выполнимый план, под конец Август сказал мне, что пришел к необходимому решению. У меня был родственник, живший в Нью-Бедфорде, некий мистер Росс, в доме которого я имел обыкновение проводить иногда две-три недели подряд. Бриг должен был отплыть около середины июня (июнь 1827), и мы решили, что за день или за два до его отправления в море мой отец получит, как обыкновенно, письмо от мистера Росса с просьбой, чтобы я приехал и провел недели две с Робертом и Эмметом (его сыновьями). Август брал на себя устроить так, что письмо будет написано и доставлено моему отцу. Выехав, как предполагалось, в Нью-Бедфорд, я должен был присоединиться к моему товарищу, который устроил бы мне прибежище на «Грампусе», чтобы укрыться. Это потаенное место, он уверял меня, было устроено довольно удобно для пребывания в нем на несколько дней, пока я не должен был показываться. После того как бриг отойдет настолько далеко, что о возвращении назад не сможет быть и речи, я устроюсь со всем комфортом в каюте, сказал он; а что до его отца, так он только от всего сердца посмеется этой проделке. Нам встретится достаточное количество судов, с которыми может быть послано письмо домой, объясняющее происшествие моим родителям.

Половина июня настала наконец, и все было готово. Письмо было написано и доставлено, и раз утром в понедельник я покинул дом, чтобы ехать, как все предполагали, в Нью-Бедфорд с пассажирским судном. Меж тем я отправился прямо к Августу, который ожидал меня на углу одной улицы. По нашему первоначальному плану я должен был скрываться до сумерек и после проскользнуть на борт брига; но густой туман благоприятствовал нам, и решено было не терять времени на утайку. Август отправился к пристани, я следовал за ним на небольшом расстоянии, завернувшись в толстый морской плащ, который он принес с собой, так что узнать меня было нелегко. Как раз когда мы завернули за второй угол, пройдя колодец мистера Эдмунда, кто бы мог появиться и стать передо мной, смотря мне прямо в лицо, как не старый мистер Питерсон, мой дед! «Господи помилуй! В чем дело, Гордон? – сказал он после долгой паузы. – Почему, почему на тебе... чей это грязный плащ?» – «Сэр! – отвечал я, изображая так хорошо, как только мне позволяло замешательство того мгновения, оскорбленное удивление, и говоря грубейшим голосом, какой только можно себе представить. – Сэр! Вы совершенно ошибаетесь; прежде всего, имя мое совсем не сродни с Геддэном, а потом, вы бы лучше протерли себе глаза... сам неряха, а называет грязным мое новое пальто!» Клянусь, я с трудом мог удер-

жаться, чтобы не разразиться пронзительным смехом, так чудно воспринял старый джентльмен эту щедрую головомойку. Он отступил шага на три, сначала побледнел, потом сильно покраснел, вскинул свои очки, потом опустил их и бросился на меня с поднятым зонтиком. Однако вдруг остановился, как бы пораженный каким-то внезапным воспоминанием; и тотчас, повернув кругом, заковылял вниз по улице, трясясь все время от бешенства и бормоча сквозь зубы: «Дело не пойдет... новые стекла... думал, что это Гордон... проклятый бездельник Том... этакая орясина».

Едва спасшись от опасности, мы продолжали путь с большей осторожностью и благополучно достигли назначенного места. Лишь два-три человека, занятых спешной работой, делали что-то на передней части корабля. Капитан Барнард, мы знали это достоверно, был приглашен к Ллойд и Реденбургу и должен был пробыть там до позднего вечера, так что на его счет нам нечего было беспокоиться. Август первый вошел на борт корабля, а через некоторое время я последовал за ним, не замеченный работавшими. Мы прошли немедленно в каюту и там не встретили никого. Она была устроена самым комфортабельным образом – что несколько необычно для китобойного судна. На судне было еще четыре чудесные офицерские каюты с широкими и удобными койками. Я заметил еще большую печь и удивительно толстый ценный ковер, покрывавший пол каюты и офицерских помещений. Потолок был вышиною в полных семь футов, и, в общем, все показалось мне больших размеров и лучше, чем я ожидал. Август, однако, не долго позволил мне рассматривать все: необходимо было спрятаться возможно скорее. Он направился в свою собственную каюту на правой стороне брига, рядом с переборкой. Войдя, он закрыл дверь и запер ее на задвижку. Я подумал, что никогда не видывал комнатки лучше, чем та, в которой я очутился. Она была около десяти футов длины и имела одну только койку, которая, как я сказал раньше, была широка и удобна. Ближе к переборке было пространство в четыре квадратных фута, где находился стол, стул и несколько висячих полок с книгами, главным образом по части путешествий и мореплавания. Было в этой комнате много и других небольших удобств, между ними я не должен забыть про шкаф, или холодильник, в котором Август показал мне множество вкусок по части питья и еды.

Он нажал суставом пальца некую точку на ковре в одном из углов упомянутой загородки, указав мне часть пола в шестнадцать квадратных дюймов, ловко вырезанную и опять прилаженную. Когда он нажимал, часть эта приподнималась с одной стороны настолько, чтобы дать ему просунуть палец вниз. Таким образом он приподнял закрышку трапа (к которому ковер был еще прикреплен гвоздиками), и я увидел, что ход ведет в задний трюм. С помощью фосфорных спичек Август тотчас зажег небольшую восковую свечу и, вставив ее в потайной фонарь, стал спускаться с ним в отверстие, сказав мне следовать за ним. Я вошел за ним, он потянул закрышку на отверстие с помощью гвоздя, вогнанного в нижнюю сторону ее; ковер, конечно, возвратился на свое первоначальное место на полу каюты, и все следы отверстия были скрыты. Восковая свеча бросала такой слабый луч, что лишь с величайшим трудом я мог ошупывать дорогу через нагромождение всякого хлама, среди которого очутился. Мало-помалу, однако, глаза привыкли к темноте, и я продолжал путь с меньшим смущением, держась за полу куртки моего друга. Наконец после ползания и кружения по бесчисленным узким проходам он привел меня к ящику, обитому железом, какие иногда употребляются для укладки тонкого фаянса: около четырех футов вышины, целых шести футов длины, но очень узкому. Два больших пустых бочонка из-под масла лежали на крышке, а на них еще большое количество циновок, наваленных одна на другую до пола каюты. Кругом, во всех других направлениях, был тесно нагроможден до самого потолка, в страшнейшем беспорядке, всевозможный корабельный материал, с разнородной смесью плетенки, больших корзин, бочонков и тюков, так что казалось прямо чудом, что мы могли найти хоть какой-нибудь проход к ящику. После я узнал, что Август намеренно устроил такую нагрузку в трюме – с целью приготовить мне настоящий тайник, имея только одного помощника, человека, который не отплывал на бриге.

Мой товарищ показал мне, что одна сторона ящика по желанию могла быть сдвинута. Он заставил ее соскользнуть в сторону и показал мне внутреннее помещение, чем я был пресерьезно позабавлен. Матрац с одной из коек каюты покрывал целиком дно ящика, и там находились всевозможные предметы настоящего комфорта, какие только могли поместиться в таком малом пространстве, в то же время предоставляя мне достаточно места, чтобы устроиться или в сидячем положении, или в лежачем во весь рост. Среди других вещей там было несколько книг, перья, чернила и бумага, три шерстяных одеяла, большой кувшин, полный воды, бочонок морских сухарей, три или четыре огромных болонских колбасы, громадный окорок, холодная баранья нога и полдюжины бутылок целительных настоек и крепких напитков. Я тотчас вступил в обладание моим маленьким обиталищем, и с чувством большего довольства, чем то, какое, я уверен, испытывает монарх, входя в новый дворец. Август указал мне способ закреплять открывавшуюся стенку ящика и потом, держа свечу близко к деку, показал конец темной бечевки, которая проходила вдоль него. Она была протянута, сказал он, от моего убежища через все необходимые извилины среди хлама, к гвоздю, вогнанному в дек трюма, как раз под дверью трапа, ведущего в его каюту. С помощью этой бечевки я мог хорошо найти дорогу и выйти без его помощи, если бы какой-нибудь непредвиденный случай сделал такой шаг необходимым. Затем он ушел, оставив фонарь с обильным запасом свечей и фосфора и обещая навещать меня так часто, как только сможет, не вызывая чужого внимания. Было семнадцатое июня.

Я оставался в моем тайнике три дня и три ночи (как приблизительно я мог заключить), не выходя из него, исключая два раза, что я сделал, дабы расправить члены, стоя выпрямившись между двух плетенок, как раз против отверстия. В продолжение всего этого времени я ничего не знал об Августе, но мало тревожился, ибо мне было известно, что бриг каждый час намеревался выйти в море и в суе мой друг нелегко мог найти удобный случай спуститься ко мне. Наконец я услышал, как трап открылся и закрылся, и сейчас же Август позвал меня тихим голосом, спрашивая, все ли благополучно и не нужно ли мне чего-нибудь. «Ничего, – ответил я. – Мне так удобно, как только может быть; когда бриг отплывает?» – «Он снимется с якоря скорее чем через полчаса, – отвечал он. – Я пришел дать тебе знать об этом и сказать, чтобы ты не тревожился о моем отсутствии. Некоторое время у меня не будет возможности спускаться вниз – может, приду не раньше трех-четырёх дней. Все идет хорошо наверху. Когда я уйду туда и закрою трап, проползи вдоль бечевки до места, где вогнан гвоздь. Ты найдешь там мои часы – они тебе пригодятся, а то у тебя нет дневного света, чтобы узнавать по нему время. Я думаю, ты не можешь сказать, как долго ты был погребен – только три дня, сегодня двадцатое. Я бы принес часы к твоему ящику, да боюсь, меня хватятся». С этим он ушел.

Полчаса спустя после его ухода я ясно почувствовал, что бриг в движении, и поздравил себя с прекрасно начатым наконец путешествием. Довольный этой мыслью, я решил настроить мой ум возможно веселее и ожидать, когда ход событий настолько двинется вперед, что мне будет позволено переменить ящик на более обширное, хотя и вряд ли более удобное, помещение каюты. Моей первой заботой было достать часы. Оставив свечу зажженной, я ощупью стал пробираться в темноте, следуя по бечевке, вдоль по бесчисленным извилинам; некоторыми, после того как я долгое время пробирался, я был снова приведен назад, на фут или два от прежнего места. Наконец я достиг гвоздя и, обеспечившись предметом моего странствия, благополучно возвратился с ним. Теперь я стал рассматривать заботливо приготовленные книги и выбрал экспедицию Льюиса и Клерка к устью Колумбии. Я услаждался этим некоторое время, пока на меня не напала дремота, и, потушив свечу с большой осторожностью, я вскоре погрузился в крепкий сон.

Проснувшись, я почувствовал странную спутанность в моем мозгу, и протекло некоторое время, прежде нежели я мог припомнить все разнообразные обстоятельства моего положения. Постепенно, однако, я вспомнил все. Я зажег свет и посмотрел на часы; но они остановились,

следовательно, не было возможности определить, как долго я спал. Члены мои сильно свела судорога, и я принужден был дать им отдых, стоя между корзинами. Вдруг почувствовав почти бешеный голод, я вспомнил о холодной баранине, которой я несколько поел перед тем, как заснуть, и которую нашел превосходной. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что она была в состоянии полного разложения. Это обстоятельство привело меня в большое беспокойство; ибо, сопоставляя это со спутанностью моего ума, которую я испытывал проснувшись, я начал предполагать, что, верно, я спал в продолжение необычайно долгого времени. Спертая атмосфера трюма могла тут что-нибудь да значить и в конце концов могла привести к самым серьезным последствиям. У меня ужасно болела голова; мне казалось, что каждый раз я с трудом перевожу дыхание; словом, я был подавлен множеством мрачных ощущений. Тем не менее я не мог рискнуть поднять тревогу, открыв трюм или иначе, и потому, заведя часы, удовлетворял себя как умел.

В продолжение всех следующих томительных двадцати четырех «часов никто не пришел мне на помощь, и я не мог не обвинять Августа в грубейшем невнимании. Главным образом беспокоило меня, что вода в кувшине уменьшилась до половины пинты, и я очень страдал от жажды, ибо щедро поел болонской колбасы, утратив мою баранину. Мне стало очень не по себе, и я не мог больше интересоваться книгами. Кроме того, меня обременяло желание спать, и я дрожал при мысли поддаться этому, из опасения, что здесь, в спертom воздухе трюма, могло быть вредное влияние, как от горящего древесного угля. Меж тем ровная качка брига говорила мне, что мы были далеко в открытом океане, и глухой гудящий звук, который достигал моего слуха как бы на огромном расстоянии, убедил меня, что дул бурный ветер. Я не мог объяснить себе причины отсутствия Августа. Мы, конечно, достаточно далеко ушли вперед в нашем плавании, чтобы позволить мне подняться наверх. С ним могло что-нибудь случиться, но я не мог придумать ни одного обстоятельства, которое объяснило бы, почему он так долго держит меня узником, исключая одно: он внезапно умер или упал за борт, а на этой мысли я не мог остановиться без содрогания. Возможно, мы были задержаны переменными противными ветрами и находились еще в недалеком расстоянии от Нантукета. Однако я должен был оставить подобное предположение: будь это так, бриг часто поворачивал бы на другой галс; а видя его непрерывное накренивание к левой стороне, я твердо заключил, что он плывет прямым путем, подгоняемый стойким и свежим ветром, дувшим на него с правой кормовой части. С другой стороны, допуская, что мы были еще недалеко от острова, почему бы Августу не навестить меня и не сообщить об этом обстоятельстве? Размышляя таким образом о трудностях моего одинокого и безрадостного положения, я решил ждать теперь еще в продолжение других двадцати четырех часов, и если не получу помощи, то пройти к трапу и попытаться затеять переговоры с моим другом или хотя бы подышать свежим воздухом через отверстие и снабдить себя водой в его каюте. Меж тем как я был занят этими мыслями, несмотря на все усилия, я погрузился в состояние глубокого сна, или скорее оцепенения. Сны мои были самого чудовищного характера. Всевозможного рода бедствия и ужасы напали на меня. Среди других злосчастий я был до смерти удушаем между огромных подушек демонами – привидениями самого свирепого и страшного вида. Огромные змеи держали меня в своих тисках и внимательно смотрели мне в лицо своими страшными блестящими глазами. Потом пустыни, безграничные, безнадежные, потерянные и грозно внушительные, расстилались передо мной. Необъятно высокие стволы деревьев, серых и безлиственных, вздымались в бесконечном ряду так далеко, как только мог достигнуть глаз. Их корни были скрыты в далеко расстилавшихся болотах, мрачные воды которых лежали напряженно черные, тихие и страшные. И странные деревья, казалось, наделены были человеческой жизненностью и, размахивая своими скелетами-руками, взывали к безгласным водам о милосердии в пронзительно резких звуках острой агонии и отчаяния. Картина изменилась, и я стоял нагой и одинокий среди раскаленных равнин Сахары. У моих ног лежал, припав к ним, свирепый лев тропиков. Вдруг его безумно дикие глаза открылись и взгляд упал на

меня. Судорожным скачком он вспрыгнул, встал на ноги и обнажил свои ужасающие зубы. Еще миг, и из его красной глотки вырвался рев, подобный грому с небосвода, и я упал стремительно на землю. Задыхаясь в судороге ужаса, я наконец почувствовал себя отчасти пробудившимся. Мой сон, значит, не вовсе был сном. Теперь, по крайней мере, я овладел моими чувствами. Лапы громадного настоящего чудовища сильно давили мне грудь, его горячее дыхание было в моих ушах, и его белые и страшные клыки блестели надо мной сквозь темноту.

Если бы тысяча жизней зависела от того, двину ли я рукой или ногой или произнесу хоть один звук, я не мог бы ни двинуться, ни заговорить. Зверь, какой бы он ни был, оставался в том же положении, не пытаясь оказать какое-нибудь немедленное насилие, между тем я лежал в полной беспомощности, и мне казалось, что я умираю под ним. Я чувствовал, что все силы ума и тела быстро оставляют меня – одним словом, я погибаю, и погибаю от ужаса. Голова у меня шла кругом – мной овладела смертельная дурнота, зрение помутилось, даже сверкающие надо мной глаза зверя стали туманными. Сделав последнее усилие, я наконец устремил робкую, но жаркую мольбу к Богу и приготовился умереть. Звук моего голоса, казалось, разбудил всю скрытую ярость зверя. Он бросился на мое тело; но каково было мое удивление, когда, долго и тихо повизгивая, он стал лизать мое лицо и руки с самыми необычайными проявлениями привязанности и радости! Я был ошеломлен, совершенно потерялся в изумлении – но я не забыл особенного визга моего ньюфаундленда Тигра и особенную манеру его ласки, которую я знал хорошо. Это был он. Я почувствовал мгновенный прилив крови к вискам – головокружительное и захватывающее чувство освобождения и воскресения. Поспешно я вскочил с матраца и, бросившись на шею моему верному спутнику и другу, облегчил долгую тоску своего сердца потоком самых страстных слез.

Как и в предыдущем случае, когда я встал с матраца, мои восприятия были в состоянии величайшей неясности и спутанности. В продолжение долгого времени мне было почти невозможно сколько-нибудь собраться с мыслями; но постепенно, крайне медленно, мои мыслительные способности вернулись, и я опять вызвал в своей памяти различные обстоятельства моего положения. Присутствие Тигра я напрасно пытался объяснить, и после того как построил тысячу различных догадок относительно него, был принужден удовольствоваться радостью, что он со мной разделяет мое мрачное одиночество и что он утешит меня своими ласками. Многие любят своих собак, но к Тигру у меня была привязанность гораздо более страстная, чем то бывает обыкновенно; и, верно, никогда ни одно создание не заслужило ее больше, чем он. В продолжение семи лет он был моим неразлучным спутником и во множестве случаев выказал все те качества, за которые мы ценим животное. Я спас его, когда он был щенком, из когтей злого маленького негодяя в Нантукете, который, обмотав ему веревку вокруг шеи, вел его к воде; и выросши, собака отплатила за одолжение года через три, спасши меня от дубины уличного бродяги.

Взяв часы и приложив их к уху, я понял, что они опять остановились; но я нисколько не был удивлен этим, так как убедился по странному состоянию моих чувств, что я, как и раньше, проспал очень долго; как долго, этого, конечно, невозможно было сказать. Я сгорал от лихорадки, и жажда моя была почти нестерпимой. Я стал искать малый остаток моего запаса воды, ощупывая ящик вокруг себя, ибо у меня не было света, свеча в фонаре выгорела до основания, а коробка спичек не попадалась мне под руку. Однако, нащупав кувшин, я нашел, что он пуст – Тигр без сомнения искусился и вылакал его, он пожрал и остаток баранины, кость которой, хорошо обглоданная, лежала у отверстия ящика. Я мог вполне обойтись без испорченного мяса, но сердце у меня упало, когда я подумал о воде. Я был так ужасно слаб, что дрожал весь как от приступа перемежающейся лихорадки при малейшем движении или усилении. В придачу к моим беспокойствам бриг кувыркался и качался с носа на корму с большой силой и бочки из-под масла, которые лежали на моем ящике, грозили каждое мгновение упасть, так что закрыли бы единственный путь входа и выхода. Я чувствовал также ужаснейшее страдание

от морской болезни. Это обстоятельство понудило меня во что бы то ни стало попытаться пробраться к трапу и получить немедленную помощь, прежде нежели я совершенно лишусь способности сделать это. Придя к такому решению, я опять стал ощупью искать коробку спичек и свечи. Коробку я нашел без особого труда, но, не находя свечей так скоро, как я предполагал (ибо я помнил очень хорошо место, куда их положил), я на время оставил поиски и, приказав Тигру лежать тихо, предпринял немедля мое странствие к трапу.

При этой попытке моя великая слабость сделалась более чем когда-либо явной. С величайшим трудом я мог ползти вперед, и очень часто руки и ноги внезапно изменяли мне; тогда, падая лицом вниз, я оставался несколько минут в состоянии, граничащем с бесчувствием. Все же я с усилием пробирался понемногу вперед, боясь каждое мгновение, что лишусь чувств среди узких запутанных извилин нагроможденного груза, в каковом случае я не мог ожидать ничего иного, кроме смерти. Под конец толкнувшись вперед со всей энергией, которой мог располагать, я сильно ударился лбом об острый угол корзины, обитой железом. Это происшествие только ошеломило меня на несколько мгновений, но к моему несказанному огорчению я увидел, что быстрая и сильная качка судна сбросила корзину поперек моего пути, так что она совершенно загородила проход. Делая величайшие усилия, я не мог сдвинуть ее ни на один дюйм с места, ибо она была плотно стиснута окружающими ящиками и корабельным материалом. Потому, при тогдашней моей слабости, сделалось необходимым, чтобы я или оставил путь, указываемый бечевкой, и отыскал новый проход, или перелез через препятствие и продолжал путь с другой стороны. Первый выбор представлял кроме всего слишком много трудностей и опасностей, чтобы я мог подумать об этом без содрогания. При моем теперешнем состоянии – слабости ума и тела – я неизбежно потерял бы верный путь, если бы решился на это, и жалко погиб бы среди мрачного и отвратительного лабиринта трюма. Поэтому я без колебания собрал весь остаток своей храбрости и сил, чтобы постараться, как только станет возможно, перелезть через корзину.

Меж тем, как только я встал прямо, имея в виду двинуться дальше, я увидел, что предприятие это даже более серьезная задача, чем мой страх мог это мне представить. С каждой стороны узкого прохода поднималась целая стена разнообразного тяжелого груза, который при малейшей моей неосторожности мог упасть мне на голову; или, не случись этого, путь мог быть загороден вновь свалившейся кучей, как это было теперь с препятствием, находившимся передо мной. Сама корзина – длинное тяжеловесное вместилище, о нее невозможно было бы упереться ногой. Напрасно я старался изо всех сил, которые были в моей власти, достать до крышки, с надеждой, что смогу взобраться вверх. Если бы мне и удалось это, конечно мои силы были бы вполне недостаточными для выполнения такой задачи, и оказалось во всех отношениях лучше, что это не удалось. Под конец, безнадежно силясь сдвинуть корзину с места, я почувствовал сильное дрожание сбоку от меня. Я с нетерпением сунул руку к краю досок и увидел, что одна очень толстая отставала. Складным ножом, который, по счастью, был со мной, мне удалось с большим трудом приподнять ее вполне, как рычагом, и, проникнув через отверстие, я увидал к моей чрезвычайной радости, что с противоположной стороны не было досок – другими словами, что крышки не доставало и что я пробил себе дорогу через дно. Теперь без больших затруднений я продолжал двигаться по прямой линии, пока наконец не достиг гвоздя. С бьющимся сердцем я стоял выпрямившись и, тихо дотронувшись до крышки трапа, надавил на нее. Она не поднялась так скоро, как я ожидал, и я надавил с несколько большею решительностью, хотя опасался, как бы в каюте кроме Августа не было еще кого другого. Дверь, однако, к моему удивлению, оставалась неподвижной, и я стал беспокоиться, ибо знал, что раньше вовсе не требовалось усилия или нужно было малое усилие для того, чтобы ее сдвинуть. Я сильно толкнул ее – тем не менее она оставалась неподвижной; толкнул изо всей силы – она все еще не подавалась; с бешенством, с яростью, с отчаянием – она издевалась над всеми моими усилиями; и по неподдающемуся упорству было очевидно: или отверстие

было усмотрено и совершенно заколочено, или на него поместили огромную тяжесть, которую напрасно было бы думать сдвинуть.

Мои ощущения были ощущениями величайшего ужаса и смятения. Напрасно старался я объяснить себе, какова вероятная причина того, что я был таким образом погребен. Я не мог собрать мысли в связную цепь и, опустившись на пол, предался неудержимо самым мрачным фантазиям, среди которых мысли об ужасной смерти от жажды, голода, удушения и преждевременных похорон налегли на меня как самые выдающиеся злополучия, которые меня ожидали. Наконец ко мне вернулось некоторое присутствие духа. Я встал и ощупал пальцами сшивки или трещины отверстия. Найдя их, я рассмотрел их внимательно, чтобы узнать, пропускают ли они некоторый свет из каюты; но ничего не было видно. Тогда я стал просовывать сквозь них лезвие ножа, пока не встретил какое-то твердое препятствие. Поцарапав его, я увидел, что это был цельный кусок железа; по волнообразному ощущению, которое я испытал, проводя по нему лезвием, я заключил, что это железный канат. Единственно, что оставалось мне, – возвратиться к ящику и там или отдался моей печальной участи, или постараться успокоить свой ум настолько, чтобы сделать его годным создать какой-либо план спасения. Я тотчас же принялся за выполнение этого, и после бесконечных трудностей мне удалось вернуться назад. Когда я, совсем обессиленный, упал на матрац, Тигр растянулся во всю длину около меня и, казалось, хотел своими ласками утешить меня в моих огорчениях и побудить меня переносить их с твердостью.

Особливая странность его поведения наконец поневоле приковала мое внимание. После того как в продолжение нескольких минут он лизал мое лицо и руки, он мгновенно прекращал делать это и издавал тихий визг. Когда протягивал к нему руку, я неизменно находил его лежащим на спине лапами кверху. Это поведение, так часто повторяемое, показалось мне странным, и я никаким образом не мог объяснить его себе. Так как собака, казалось, мучилась, я решил, что она ранена; и, взяв ее лапы в руки, я рассмотрел их одну за другой, но не нашел ни следа какого-либо повреждения. Я подумал, что она голодна, и дал ей большой кусок окорока, который она поглотила с жадностью, – после, однако, возобновила свои необычайные телодвижения. Тогда я вообразил, что она страдала, как и я, от мучения жажды, и готов был счесть это заключение за верное, как вдруг мне пришла мысль, что до тех пор я рассмотрел только ее лапы, и возможно, что у нее рана где-нибудь на теле или на голове. Я осторожно ощупал голову, но не нашел ничего. Проводя рукой вдоль ее спины, я почувствовал легкое поднятие шерсти, простирающееся поперек спины. Ощупав шерсть пальцем, я нашел шнурок и, проследив его, увидал, что он шел вокруг всего тела. При тщательном исследовании я наткнулся на небольшую узкую полоску, показавшуюся мне на ощупь запиской, через которую шнурок был продет таким образом, что держал ее как раз под левым плечом животного.

Глава третья

Внезапно мне пришло в голову, что это записка от Августа, и так как некоторая необъяснимая случайность помешала ему освободить меня из моей тюрьмы, он придумал такой способ известить меня об истинном состоянии дел. Дрожа от нетерпения, я снова начал искать фосфорные спички и свечи. У меня было смутное воспоминание, что я тщательно отставил их в сторону как раз перед тем, как заснуть; и на самом деле перед последним моим странствием к трапу я был способен припомнить точное место, где я положил их. Но теперь я напрасно пытался вызвать в уме воспоминания об этом и хлопотал целый час, находясь в бесплодных и мучительных поисках недостающих вещей; никогда, конечно, не испытывал я более терзающего состояния тревоги и недоумения. Наконец, пока я ощупывал кругом, держа голову совсем вплоть к балласту, около отверстия ящика и вне его, я заметил слабое мерцание света по направлению к тому месту, где находилась каюта. Чрезвычайно удивленный, я попы-

тался пробраться к нему, потому что, как мне казалось, от меня до этого мерцания было лишь несколько шагов. Едва я двинулся с таковым намерением, как совершенно потерял из виду мерцание, и, прежде чем я смог увидеть его опять, я должен был ощупывать вдоль ящика, пока не занял совершенно точно мое прежнее положение. Теперь, осторожно поворачивая голову туда и сюда, я заметил, что, двигаясь медленно, с большим тщанием, в направлении противоположном тому, в каком я сначала устремился, я получал способность приближаться к свету, имея его перед глазами. Тотчас же я пришел прямо к нему (протеснившись через бесчисленные узкие извилины) и увидел, что мерцание происходило от нескольких обломков моих спичек, лежавших в пустом бочонке, повернутом на бок. Я спрашивал себя, каким образом они сюда попали, как вдруг рука моя наткнулась на два-три куска свечного воска, который, очевидно, был изжеван собакой. Я тотчас заключил, что она пожрала весь мой запас свеч, и чувствовал, что теряю надежду когда-нибудь получить возможность прочесть записку Августа. Небольшие остатки воска были так передавлены среди другого мусора в бочонке, что я отчаялся извлечь из них какую-нибудь пользу и оставил их так, как они были. Фосфор, которого там было лишь два-три кусочка, я собрал с наивозможной тщательностью и, держа его в руке, кое-как пробрался к моему ящику, где Тигр оставался все это время.

Что нужно было делать теперь, я не мог бы сказать. В трюме была такая непроглядная тьма, что я не мог увидеть собственную руку, как бы близко к лицу ни держал ее. Белая полоска бумаги была едва различима, даже тогда, когда я глядел на нее совсем вплоть; наблюдая ее несколько искоса, я нашел, что она делалась до некоторой степени различимой. Таким образом, можно представить, каков был мрак моей тюрьмы, и записка моего друга, если действительно это была записка от него, казалось, могла только ввергнуть меня в еще большее смущение, беспокоя без всякой надобности мой уже ослабленный и потрясенный ум. Напрасно я перебирал в уме целое множество нелепых способов добыть свет – способов, в точности какие был бы способен для подобной цели придумать человек в потревоженном сне, причиненном действием опиума; все способы, каждый по очереди, кажутся дремлющему самыми разумными и самыми нелепыми, то есть соответствуют тому, что рассуждающие или воображительные способности перепархивают поочередно одни над другими. Наконец одна мысль пришла мне в голову, которая казалась разумной и которая заставила меня подивиться, весьма справедливо, что она не возникла у меня раньше. Я положил полоску бумаги на корешок книжного переплета, и, собрав вместе обломки фосфорных спичек, которые я принес из бочонка, положил их на бумагу. Потом ладонью я потер все это очень быстро, но крепко. Ясный свет распространился немедленно по всей этой поверхности; и если бы на бумаге было что-нибудь написано, мне не представилось бы, я уверен, ни малейшей трудности прочесть письмо. Там не было, однако, ни слова – ничего, кроме смутной и безутешной белизны; озарение исчезло в несколько секунд, и сердце мое замерло вместе с ним, по мере того как оно погасало.

Я уже раньше говорил неоднократно, что разум мой в течение некоторого предшествовавшего времени был в состоянии, почти граничащем с идиотизмом. Были, конечно, краткие моменты совершенного здравомыслия, а время от времени даже энергии, но их было немного. Нужно помнить, что я в течение нескольких дней, конечно, вдыхал почти чумной воздух замкнутого трюма на китобойном судне и в продолжение значительной части этого времени лишь скудно был снабжен водой. Последние четырнадцать-пятнадцать часов у меня вовсе не было воды, и я также не спал в течение этого времени. Соленая провизия самого возбуждающего свойства была моей главной и, после утраты баранины, моей единственной пищей, кроме морских сухарей, а эти последние, вполне бесполезные, были слишком сухи и тверды, чтобы быть проглоченными моим распухшим и воспаленным горлом. Я находился теперь в состоянии сильной лихорадки, и во всех отношениях мне было чрезвычайно худо. Этим можно объяснить то обстоятельство, что много жалких часов угнетенности прошло после моего последнего приключения с фосфором, прежде чем во мне возникла мысль, что я рассмотрел только одну сто-

рону бумаги. Я не буду пытаться описать чувство бешенства (ибо думаю, что именно чувство гнева было сильнее всего), когда совершенный мною перворазрядный недосмотр мгновенно сверкнул в моем восприятии. Самая ошибка была бы неважной, если бы не мое сумасбродство и нетерпеливый порыв – в разочаровании, не найдя на полоске бумаги никаких слов, я совершенно ребячески разорвал ее в клочья и бросил прочь, куда – решить было невозможно.

От худшей части дилеммы я был освобожден чутьем Тигра. Найдя после долгих поисков небольшой клочок записки, я приложил его к носу собаки и попытался дать ей понять, что она должна принести мне остальное. К удивлению моему (ибо я не научил ее никакой из обычных проделок, коими эта порода славится), она, по-видимому, сразу поняла, что я разумею, и, пошарив кругом в течение нескольких мгновений, вскоре нашла другую значительную часть записки. Принеся мне ее, Тигр несколько помедлил и, потеревшись носом о мою руку, по-видимому, ждал моего одобрения тому, что он сделал. Я потрепал его по голове, и он немедленно отправился на дальнейшие розыски. Теперь прошло несколько минут, прежде чем он вернулся, но он, когда пришел назад, принес с собой длинную полоску, и это оказалось всей недостающей бумагой – ибо записка, по видимости, была разорвана только на три куска. К счастью, я без затруднений нашел те немногие обломки фосфора, которые еще оставались, будучи руководим неясственным мерцанием, еще исходившим от одной-двух частиц. Мои затруднения научили меня необходимости быть осторожным, и я теперь не торопясь подумал, что мне делать. Было весьма вероятно, так я размышлял, что какие-то слова написаны на той стороне бумаги, которая не была осмотрена, – но какая это сторона? Приладив куски один к другому, я не получил в этом отношении никакой разгадки, хотя эта обстоятельство уверило меня, что слова (если какие-либо слова тут были) могли бы быть найдены на одной стороне и соединенными надлежащим образом, как они были написаны. Данное обстоятельство тем более необходимо было поставить вне сомнения, что остававшегося фосфора совсем было бы недостаточно для третьей попытки, если бы не удалась та, которую я намеревался сделать теперь. Я положил бумагу на книгу, как раньше, и сидел несколько минут, озабоченно перебирая в мысли все эти обстоятельства. Наконец я подумал, что единственная возможность – это что исписанная сторона могла бы иметь на своей поверхности некоторую неровность, каковую тонкое чувство осязания могло бы позволить мне открыть. Я решил сделать опыт и очень тщательно провел пальцем по стороне, которая представилась мне сперва, – ничего осязаемого, и я, перевернув бумагу, опять приладил ее на книге. Снова осторожно провел указательным пальцем вдоль и заметил чрезвычайно слабое, но все еще различимое мерцание, которое возникло по следу пальца. Это, я знал, должно было произойти из каких-нибудь очень маленьких оставшихся частиц фосфора, которым я покрыл бумагу в первичной моей попытке. Другая, или нижняя, сторона была, значит, той, на которой было написано, если в конце концов что-нибудь оказалось бы там написанным. Снова я перевернул записку и сделал то, что я уже делал раньше. Я потерял фосфор, возник, как и раньше, блеск – но на этот раз несколько строк, написанных крупно и, по видимости, красными чернилами, сделались явственно видимы. Сияние, хотя и достаточно яркое, было лишь мгновенным. Все же, если бы я не был слишком взволнован, у меня было бы совершенно довольно времени перечитать целиком все три фразы, передо мной находившиеся, ибо я увидел, что было их три. В тревоге же и в торопливом желании прочесть их все сразу я успел только прочитать десять заключительных слов, которые предстали таким образом: «...кровью – твоя жизнь зависит от того, чтобы быть в скрытости».

Если бы я был способен увидеть все содержание записки – полное значения увещание, с которым мой друг пытался ко мне обратиться, это увещание, если бы даже оно разоблачало злополучие самое несказанное, не могло бы, в этом я твердо убежден, напоить мой ум и десятой долей того терзающего и, однако же, неопределимого ужаса, который внушило мне оборванное предостережение, так полученное. И «кровь» – это слово всех слов, столь богатое во все времена тайной, и страданием, и страхом, – как явилось оно теперь трижды полным значе-

ния, как леденяще и тяжело (будучи оторвано от каких-либо предшествующих слов, чтоб его оценить или сделать его ясным) упали его смутные буквы среди глубокого мрака моей тюрьмы в сокровеннейшие уголки души моей!

У Августа, без сомнения, были добрые основания желать, чтобы я оставался в скрытости, я построил тысячу догадок относительно того, что бы это могло быть, но я не мог придумать ничего, что доставляло бы удовлетворительное разрешение тайны. Как раз после возвращения из последнего моего странствия к трапу и прежде чем мое внимание было отвлечено странным поведением Тигра, я пришел к решению сделать так, чтоб во что бы то ни стало меня услышали те, кто был на корабле – или, если бы я не успел в этом прямо, попытаться прорезать себе путь через кубрик. Полууверенность, бывшая во мне, что я способен выполнить один из двух этих замыслов в последней крайности, придала мне мужества (вряд ли я имел бы его иначе) претерпеть все беды моего положения. Те немногие слова, однако, которые я был способен прочесть, отрезали от меня эти последние пути, и теперь в первый раз я почувствовал все злосчастие своей судьбы. В припадке отчаяния я бросился опять на матрац, на котором приблизительно в продолжение дня и ночи я лежал в некоем оцепенении, облегчаемый только мгновенными пробуждениями рассудка и воспоминания.

Наконец, я еще раз поднялся и стал усиленно размышлять об ужасах, меня окружавших. Существовать еще двадцать четыре часа без воды было бы только едва возможно – на дальнейшее время возможность прекращалась. В первое время моего заключения я свободно пользовался крепительными напитками, которыми Август снабдил меня, но они только возбуждали лихорадку, ни в малейшей степени не утоляя жажду. У меня оставалось теперь лишь около четверти пинты крепкой персиковой настойки, которую желудок мой не принимал. Колбасы были совершенно истреблены; от окорока ничего не оставалось, кроме небольшого куска кожуры; а сухари, за исключением немногих обломков одного, были съедены Тигром. Во усиление моей тревоги головная боль с минуты на минуту увеличивалась, а с нею некоторого рода бред, который мучил меня более или менее с тех пор, как я впервые заснул. Уже несколько часов, как я мог дышать вообще лишь с большим трудом, теперь же каждая попытка дыхания сопровождалась самым мучительным судорожным сокращением грудной клетки. Но был еще другой, и совершенно иной, источник беспокойства, и поистине эти терзающие ужасы были главным обстоятельством, заставившим меня очнуться от оцепенения. Ужас был связан с поведением собаки.

Впервые я заметил изменение в ее повадке, когда растер фосфор на бумаге, пытаясь в последний раз прочесть записку. Когда я растирал его, собака сунулась носом к моей руке и слегка огрызнулась, но я был слишком возбужден, чтобы обратить на это обстоятельство особое внимание. Вскоре после того, да не будет это забыто, я бросился на матрац и впал в некоторого рода летаргию. Тут я заметил какой-то особенный свистящий звук совсем около моего уха и убедился, что его издавал Тигр, который тяжело дышал и храпел в состоянии величайшего явного возбуждения, причем глазные его яблоки яростно сверкали во тьме. Я сказал ему несколько слов, он ответил тихим рычанием и после этого замолк. Тут я впал опять в оцепенение, из которого снова был пробужден подобным же образом. Это повторилось три или четыре раза, и, наконец, его поведение исполнило меня таким великим страхом, что я совершенно проснулся. Тигр лежал теперь вплотную к дверце ящика, огрызаясь устрашающим образом, хотя в каком-то пониженном тоне, и скрежеща зубами, как если бы находился в сильных конвульсиях. Я нимало не сомневался, что недостаток воды или спертый воздух трюма вызвали в нем бешенство, и был в полном недоумении, что теперь предпринять. Мысль убить его была для меня невыносима, однако же это казалось безусловно необходимым для моей собственной безопасности. Я мог явственно видеть, что его глаза были прикованы ко мне с выражением самой смертельной враждебности, и каждое мгновение я ждал, что он бросится на меня. Наконец, я не мог больше выносить страшного моего положения и решил проложить себе дорогу

из загородки во что бы то ни стало, если же его сопротивление вынудит меня к тому, убить его. Чтобы выбраться вон, я должен был пройти как раз над его туловищем, и он, по-видимому, уже усмотрел мое намерение, приподнялся на передние лапы (что я заметил по изменившемуся положению его глаз) и явил целиком свои белые клыки, которые были легко различимы. Я взял остатки кожиры от окорока и бутылку с водкой и приспособил их на себе вместе с большим ножом-резаком, который Август оставил мне, после этого, закутавшись в плащ так плотно, как это было возможно, я сделал движение к отверстию ящика. Но едва я его сделал, как собака с громким рычанием бросилась к моему горлу. Вся тяжесть ее тела ударила меня в правое плечо, и я с силой упал на левое, между тем как взбешенное животное прошло мимо меня. Я упал на колени, голова моя вся закуталась в шерстяные одеяла, и они-то предохранили меня от вторичного яростного нападения; я чувствовал, как острые зубы с силою впиваются в шерстяную ткань, окутывающую мою шею, но, к счастью, не могут проникнуть во все ее сгибы. Я был теперь под собакой, и несколько недолгих мгновений должны были целиком предать меня ее власти. Отчаяние придало мне мужества, я смело приподнялся, стряхнул ее с себя, отталкивая изо всей силы и таща за собой одеяла с матраца. Я бросил их теперь на нее, прежде чем она могла выпутаться, выбрался через дверцу и захлопнул ее хорошенько на случай преследования. В этой борьбе, однако, я поневоле выронил кусок ветчинной кожиры, и весь мой запас провианта был теперь сведен до четверти пинты крепкой настойки. Как только это соображение промелькнуло в моем уме, мной овладел один из тех приступов извращенности, которые, можно думать, овладевают при подобных обстоятельствах избалованным ребенком, и, приподняв бутылку к губам, я осушил ее до последней капли и с яростью бросил об пол.

Едва только эхо от звука разбившегося стекла замерло, как я услышал, что имя мое произнесено нетерпеливым, но подавленным голосом, и зов этот исходил со стороны каюты. Столь неожиданным был зов и так напряженно было мое волнение, что напрасно я пытался ответить. Способность речи совершенно покинула меня, и в пытке страха, что друг мой сочтет меня умершим и вернется назад, не попытавшись добраться до меня, я стоял между корзинами около двери загородки, судорожно трепеща всем телом, раскрывая рот и задыхаясь и напрасно стараясь произнести хоть какой-нибудь звук. Если бы тысяча миров зависела от одного слога, я не мог бы его сказать. Теперь было слышно какое-то слабое движение среди нагроможденного хлама, где-то там впереди от того места, где я стоял. Звук стал теперь менее явственным, и потом еще менее явственным, и потом еще менее. Забуду ли я когда-нибудь мои чувства того мгновения? Он уходил – мой друг, мой товарищ, от которого я имел право ждать столь многого, он уходил, он хотел покинуть меня, он ушел! Он мог оставить меня жалко погибать, испустить последний вздох в самой ужасной и отвратительной из темниц – и одно слово, один маленький слог мог бы спасти меня, но этого единственного слога я не мог произнести! Я чувствовал, в том я уверен, десять тысяч раз агонию самой смерти. Мозг мой кружился, и я упал в смертельном недуге у края ящика.

Когда я падал, нож-резак выскочил у меня из-за пояса и с треском упал на пол. Никогда никакая волна богатейшей мелодии не вошла так сладостно в мой слух! С напряженнейшей тревогой я слушал, чтоб удостовериться, как подействует этот шум на Августа, ибо я знал, что никто иной, кроме него, не мог звать меня по имени. Все было тихо несколько мгновений. Наконец, я опять услышал слово «Артур!», повторенное подавленным голосом, исполненным колебаний. Воскресающая надежда развязала наконец во мне способности речи, и я закричал во все горло: «Август! о, Август!» – «Тс-с! Ради Бога молчи!» – ответил он голосом, дрожащим от волнения. – Я буду с тобой сейчас, как только проберусь через трюм». Долгое время я слышал, как он движется среди хлама, и каждое мгновение казалось мне вечностью. Наконец я почувствовал, что его рука на моем плече, и он приложил в то же самое мгновение бутылку с водой к губам моим. Те только, что были мгновенно освобождены из пасти гробницы, или те, что знали нестерпимые пытки жажды при обстоятельствах столь отягощенных, как обсто-

яательства, стеной сомкнувшиеся вокруг меня в мрачной моей тюрьме, могут составить представление о неизреченной усладе, которую дал мне один долгий глоток богатейшего из всех телесных наслаждений.

Когда я несколько удовлетворил жажду, Август вынул из своего кармана три-четыре холодные вареные картофелины, и я пожрал их с величайшею жадностью. Он принес с собой также свечу в потайном фонаре, и приятные лучи доставляли мне, пожалуй, не менее радости, чем пища и питье. Но я нетерпеливился узнать причину столь длительного его отсутствия, и он начал рассказывать, что случилось на борту во время моего заключения.

Глава четвертая

Бриг вышел в море, как я и предполагал, около часу спустя после того, как Август оставил мне часы. Это было двадцатое июня. Нужно припомнить, что тогда я уже находился в трюме три дня, в продолжение этого времени на борту была такая постоянная суета и так много беготни взад и вперед, особенно в каютах, что Август не имел возможности посетить меня без риска, что тайна трапа будет открыта. Когда, наконец, он пришел, я уверил его, что мне хорошо, как только может быть, и поэтому следующие два дня он только немного беспокоился на мой счет – все же, однако, выжидая удобного случая спуститься вниз. Только на четвертый день ему представился случай. Несколько раз в продолжение этого времени ему приходило в голову сказать своему отцу о приключении и, наконец, вызвать меня наверх, но мы были еще в близком расстоянии от Нантукета, и по некоторым словам, вырвавшимся у капитана Барнарда, было сомнительно, не вернется ли он тотчас же, если откроет меня на корабле. Притом, обдумав все, Август (так он мне сказал) не мог представить себе, чтобы я находился в такой крайности или что я в этом случае стал бы колебаться дать ему знать о себе через трап. Итак, обсудив все, он решил оставить меня одного, до того как встретится благоприятный случай навестить меня не будучи замеченным. Как я сказал прежде, это случилось не ранее четвертого дня после того, как он принес мне часы, и на седьмой после того, как я впервые вошел в трюм. Тогда он сошел вниз, не захватив с собой воды и съестного, имея сначала в виду только привлечь мое внимание и заставить меня выйти из ящика к трапу, после чего он взошел бы в каюту и оттуда передал бы мне вниз припасы. Когда он с этою целью спустился, то увидел, что я сплю, ибо, оказывается, я храпел очень громко. Из всех соображений, какие по этому поводу я могу делать, это, должно быть, был тот сон, в который я погрузился как раз после моего возвращения с часами от трапа и который, следовательно, длился самое меньшее – более чем три дня и три ночи. В последнее время я имел основание, по моему собственному опыту и по уверениям других, узнать о сильном снотворном свойстве зловония, исходящего от старого рыбьего жира, когда он находится в замкнутом помещении; и когда я думаю о состоянии трюма, где я был заключен, и о долгом времени, в продолжение которого бриг служил как китобойное судно, я более склонен удивляться тому, что я вообще пробудился, раз погрузившись в сон, нежели тому, что я мог спать непрерывно в продолжение означенного срока.

Август позвал меня сначала тихим голосом и не закрывая трапа, но я не ответил ему. Тогда он закрыл трап и заговорил более громко и наконец очень громким голосом, я же все продолжал храпеть. Он был в полной нерешительности, что ему сделать. Ему нужно было бы некоторое время, для того чтобы проложить себе путь через нагроможденный хлам к моему ящику, и в это время отсутствие его было бы замечено капитаном Барнардом, который нуждался в его услугах каждую минуту, приводя в порядок и переписывая бумаги, относящиеся к цели путешествия. Поэтому, обдумав все, он решил подняться и подождать другого благоприятного случая, чтобы посетить меня. Он тем легче склонился к этому решению, что мой сон показался ему очень спокойным, и он не мог предположить, чтобы я испытывал какие-либо неудобства от моего заключения. Он только что принял такое решение, как внимание его было

приковано какой-то необычной суматохой, шум которой исходил, казалось, из каюты. Он бросился через трап как только мог скоро, закрыл его и распахнул дверь своей каюты. Не успел он перешагнуть через порог, как выстрел из пистолета блеснул ему в лицо, и в то же самое мгновение он был сшиблен с ног ударом ганшпуга.

Сильная рука держала его на полу каюты, крепко сжав за горло; но он мог видеть все, что происходило вокруг него. Его отец был связан по рукам и по ногам и лежал на ступенях лестницы, что возле капитанской каюты, головой вниз, с глубокой раной на лбу, из которой кровь струилась непрерывным потоком. Он не говорил ни слова и, по-видимому, умирал. Над ним стоял штурман, смотря на него с выражением дьявольской насмешки, и спокойно шарил у него в карманах, из которых вытащил большой бумажник и хронометр. Семь человек из экипажа (среди них был повар-негр) обшаривали офицерскую каюту на левой стороне судна, ища оружие, где они вскоре запаслись мушкетам и амуницией. С Августом и капитаном Барнардом в каюте всего-навсего было девять человек – именно те самые, что имели наиболее разбойничий вид из всего экипажа. Негодяи теперь поднялись на палубу, захватив с собой моего друга и связав ему руки за спиной. Они прошли прямо к баку, который был замкнут, – двое из бунтовщиков стояли около него с топорами. Штурман закричал громким голосом: «Слышите вы там, внизу? Живо наверх, один за другим... теперь, слушаться... не ворчать!» Прошло несколько минут, прежде нежели кто-либо появился; наконец, один англичанин, который нанялся на судно как новичок, пошел наверх, жалостно плача и умоляя штурмана самым смиренным образом пощадить его жизнь. Единственным ему ответом был удар топором по лбу. Бедняга без стога упал на палубу, черный повар поднял его на руки, как ребенка, и спокойно швырнул в море. Людей, бывших внизу и слышавших удар и плеск тела, упавшего в воду, не могли принудить выйти на палубу ни угрозами, ни обещаниями, пока не было постановлено выкурить их дымом. Последовала всеобщая схватка, и одно мгновение казалось возможным, что бриг может быть отвоеван. Бунтовщикам, однако, удалось под конец совсем закрыть бак, прежде нежели шестеро из их противников взобрались наверх. Эти шестеро, найдя себя в таком меньшинстве и без оружия, сдались после короткой схватки. Штурман надавал им обещаний – без сомнения, чтобы склонить тех, что были внизу, уступить, так как они без труда могли слышать все, что говорилось на палубе. Последовавшее доказало его прозорливость не менее, чем и его дьявольское негодяйство. Все бывшие в баке теперь выразили намерение подчиниться и, поднимаясь один за другим, были связаны по рукам и брошены на спину вместе с первыми шестью – из всего экипажа не присоединились к бунту лишь двадцать семь человек.

Последовала самая ужасная бойня. Связанные матросы были притащены к шкафуту. Здесь стоял повар с топором, он ударял каждую жертву по голове, в то время как другие бунтовщики держали ее над краем судна. Таким образом погибло двадцать два человека, и Август считал себя пропавшим, ожидая каждое мгновение, что настанет его черед. Но казалось, что негодяи были или утомлены, или до некоторой степени отвращены от своей кровавой работы, ибо исполнение приговора над четырьмя оставшимися узниками вместе с моим другом, который с остальными был брошен на палубу, было отсрочено, меж тем как штурман послал вниз за ромом, и вся шайка убийц устроила пьяную оргию, которая продолжалась до захода солнца. Тут они начали спорить относительно судьбы оставшихся в живых, которые лежали чуть не в двух шагах и могли расслышать каждое сказанное слово. На некоторых бунтовщиков крепкие напитки, по-видимому, оказали умягчающее действие, ибо несколько голосов было за то, чтобы освободить пленников всех вместе с условием, чтобы они присоединились к бунту и разделили добычу. Черный повар, однако (который во всех отношениях был совершенным дьяволом и который, казалось, имел столько же влияния, если не больше, чем сам штурман), не хотел слушать такого рода предложений и несколько раз вставал с целью возобновить свою работу у шкафута. К счастью, он так был ослаблен опьянением, что менее кровожадным из компании легко было его удержать, среди них был канатчик по имени Дёрк Питерс. Этот чело-

век был сыном индианки из племени упсарока, которое живет среди твердынь Черных Холмов около истоков Миссури. Отец его, полагаю, был торговцем шкурами или, по крайней мере, имел какие-либо отношения с торговыми становищами на реке Льюис. Сам Питерс был одним из людей наиболее свирепого вида, каких я когда-либо видел. Он был низкого роста, не более четырех футов восьми дюймов, но члены его были совершенно геркулесовские. Кисти его рук были так ужасно толсты и широки, что едва похожи были на человеческие. Руки у него, так же как и ноги, были согнуты очень странным образом и, казалось, не обладали гибкостью. Голова была равно уродлива, будучи огромных размеров и с запавшим теменем (как у большинства негров), и совершенно лысая. Чтобы скрыть этот недостаток, который происходил не от преклонного возраста, он обыкновенно носил парик из чего-нибудь похожего на волосы, иногда из шерсти болонки или американского серого медведя. В то время, о котором я говорю, он носил кусок из такой медвежьей шерсти, и это немало увеличивало естественную свирепость его вида – отличительные черты типа упсароки. Рот у Питерса тянулся от уха до уха; губы были тонки и, казалось, как и другие части его тела, были лишены естественной гибкости, так что преобладающее выражение его лица никогда не менялось под влиянием какого бы то ни было волнения. Это преобладающее выражение можно себе представить, если принять во внимание, что зубы у него были ужасно длинные: выдающиеся вперед, они никогда даже отчасти не закрывались губами. Смотря на этого человека беглым взглядом, можно было подумать, что он сведен смехом, но вторичный взгляд заставлял с содроганием убедиться: если это выражение и указывало на веселье, то веселье это было весельем демона. Об этом странном человеке ходило много рассказов среди моряков Нантукета. Рассказы эти доказывали его изумительную силу, когда он находился под влиянием какого-нибудь возбуждения, и некоторые из них вызывали сомнение относительно здравости его ума. Но на борту «Грампуса» во время бунта на него смотрели с чувством скорее насмешки, чем с каким-либо иным. Я так подробно говорю о Дёрке Питерсе, ибо, несмотря на кажущуюся свирепость, он был главным орудием спасения Августа, и так как я часто буду иметь случай упоминать о нем позднее в ходе моего повествования – повествования, которое, да будет мне позволено здесь сказать, в последней своей части будет заключать в себе случаи, столь выходящие из уровня человеческого опыта и потому столь вне границ человеческого легковерия, что я продолжаю свое сообщение с полной безнадежностью вызвать к нему доверие и все же твердо уповаю, что время и успехи знания удостоят некоторые из самых важных и самых невероятных моих утверждений.

После многих колебаний и двух или трех резких ссор было наконец решено, что все узники (за исключением Августа, относительно которого Питерс шутя настаивал, что он возьмет его себе в секретари) будут посажены в одну из самых маленьких китобойных лодок и брошены на произвол судьбы. Штурман спустился в каюту, чтобы посмотреть, жив ли еще капитан Барнард – нужно припомнить, что он был оставлен внизу, когда бунтовщики поднялись наверх. Вскоре появились они оба, капитан бледный как смерть, но несколько оправившийся от раны. Он говорил еле слышным голосом, обращаясь к матросам, умолял их не предоставлять его воле ветра и волн, но вернуться к своему долгу и обещался высадить их, где они захотят, и не предпринимать никаких шагов для предания их правосудию. Так же успешно он мог бы говорить к ветрам. Двое из злодеев схватили его за руки и бросили через борт брига в лодку, которая была спущена, когда штурман ходил вниз. Четырех человек, которые лежали на палубе, развязали, и им было приказано повиноваться, что они и сделали, не пытаясь сопротивляться; Август все еще оставался в своем мучительном положении, несмотря на то что он бился и просил только об одной малой радости – позволить ему проститься с отцом. Горсть морских сухарей и кружка воды были переданы вниз, но ни мачты, ни паруса, ни весла, ни компаса. Лодка была привязана за кормой несколько минут, в течение которых бунтовщики держали другой совет, наконец она была отвязана и пущена по ветру. Тем временем настала ночь – ни луны, ни звезд не было видно, и волны вздымались крутые и зловещие, хотя не было большого

ветра. Лодка тотчас же пропала из вида, и мало оставалось надежды насчет злополучных страдальцев, которые находились в ней. Это происшествие случилось, однако, на 35°30' северной широты и 61°21' западной долготы, и следовательно, не в далеком расстоянии от Бермудских островов. Поэтому Август старался утешиться мыслью, что лодке или удастся достичь земли, или она сможет подойти к суше настолько близко, что встретится с судами этого побережья.

Все паруса на бриге были теперь подняты, и он продолжал свой первоначальный путь к юго-западу – бунтовщики задумали какую-то пиратскую экспедицию, в которой, как можно было понять, намеревались перехватить какой-нибудь корабль на пути от островов Зеленого Мыса к Пуэрто-Рико. На Августа, который был развязан, не обращали внимания, и он мог ходить всюду до капитанской каюты. Дёрк Питерс обращался с ним с некоторой добротой и при одном обстоятельстве спас его от свирепости повара. Положение Августа было еще очень ненадежно, ибо люди были почти всегда пьяны и нельзя было полагаться на их постоянное благорасположение или беззаботность по отношению к нему. Однако его опасения на мой счет были, как он говорил, самым мучительным в его положении; и правда, у меня никогда не было причины сомневаться в искренности его дружбы. Несколько раз он решался рассказать бунтовщикам тайну того, что я нахожусь на борту, но не делал этого, отчасти при воспоминании об ужасах, которые он уже видел, отчасти из надежды, что ему удастся вскоре прийти мне на помощь. Для этого он был постоянно настороже, но, несмотря на постоянное бодрствование, три дня истекло после того, как лодка была пущена по воле моря и ветра, пока представился случай. Наконец, на третий день вечером с восточной стороны набежал сильный ветер, и все были призваны наверх поднять паруса. Во время суеты, которая последовала, он прошел незамеченным в свою каюту. Каково было его огорчение и ужас, когда он увидел, что эта последняя была превращена в место склада различных запасов и корабельного материала и что различные грузила старых железных канатов, который были раньше сложены около лестницы к каюте, теперь были притащены сюда, чтобы дать место ящику, и лежали как раз на трапе! Сдвинуть их так, чтобы этого не заметили, было невозможно, и он вернулся на палубу как только мог скоро. Когда он поднялся, штурман схватил его за горло и, спросив, что он делал в каюте, был готов швырнуть его через борт, и тут жизнь его была еще раз спасена вмешательством Дёрка Питерса. Августу надели наручни (которых на борту было несколько пар), и ноги его были крепко связаны. Потом его снесли в каюту под лестницей и бросили на нижнюю койку, примыкавшую к переборке трюма, с заявлением, что он больше не взойдет на палубу, «пока бриг остается бригом». Так выразился повар, который бросил Августа на койку, – вряд ли возможно сказать, какой точный смысл он разумел в этих словах. Все это, однако, способствовало моему спасению, как сейчас это будет видно.

Глава пятая

Несколько минут спустя, после того как повар ушел из бака, Август предался отчаянию, не надеясь больше живым оставить койку. Теперь он решил сообщить первому, кто спустится вниз, о моем положении, думая, что лучше предоставить меня случайности среди бунтовщиков, нежели дать мне погибнуть от жажды в трюме – ведь прошло десять дней, с тех пор как я впервые был заключен, а мой кувшин с водой не был достаточным запасом даже на четыре дня. Когда он думал об этом, ему пришло в голову, что можно, вероятно, найти сообщение со мной через главный трюм. При других обстоятельствах трудность и неуверенность этого предприятия удержали бы его от попытки; но теперь, во всяком случае, было мало надежды на возможность сохранить жизнь и, следовательно, мало что было терять – поэтому он целиком сосредоточил свою мысль на данной задаче.

Его ручные кандалы были первым соображением. Сначала он не видел способа сдвинуть их и боялся, что потерпит неудачу в самом начале, но, при более внимательном рассмотре-

нии, он увидел, что железки могли соскальзывать с небольшим лишь усилием или неудобством – просто нужно было протискивать руки через них; этот род ручных оков был совершенно непригоден, чтобы заковывать в кандалы людей юных, у которых кости более тонкие и гибкие. Он развязал затем ноги и, оставя веревку таким образом, чтобы она легко могла быть вновь приложена, на случай, если кто сойдет вниз, продолжал исследовать переборку там, где она примыкала к койке. Перегородка была здесь из мягких сосновых досок в дюйм толщины, и он увидал, что ему будет очень легко прорезать себе путь через них. Вдруг послышался голос на лестнице бака, и он только что успел вложить свою правую руку в кандалу (левая не была снята) и натянуть веревку затяжной петлей вокруг щиколки, как сошел вниз Дёрк Питерс в сопровождении Тигра, который тотчас прыгнул на койку и растянулся на ней. Собака была приведена на борт Августом, который знал о моей привязанности к животному и подумал, что мне доставит удовольствие иметь его с собой во время плавания. Он отправился за ним к нам в дом тотчас после того, как посадил меня в трюм, но забыл упомянуть об этом обстоятельстве, когда приносил часы. После бунта Август не видал Тигра до его появления перед Дёрком Питерсом и считал его погибшим, думал, что он был брошен за борт одним из злокозненных негодяев, принадлежавших к шайке штурмана. Позднее оказалось, что собака заползла в дыру под китобойной лодкой, откуда она не могла сама высвободиться, не имея достаточно места, чтоб повернуться, Питерс наконец выпустил ее и с тем особым благодушием, которое друг мой сумел хорошо оценить, привел ее к нему в бак в качестве товарища, оставив в то же время солонины и картофеля с кружкой воды; потом он вернулся на палубу, обещая сойти вниз с чем-нибудь съедобным на следующий день.

Когда он ушел, Август высвободил обе руки из наручней и развязал ноги. Потом он отвернул изголовье матраца, на котором лежал, и своим складным ножом (злодеи сочли излишним обыскать его) начал с силой прорезать насквозь одну из досок перегородки, как только мог ближе к полу у койки. Он решил сделать прорезь именно здесь, потому что, если бы его внезапно прервали, он мог бы скрыть то, что было сделано, предоставив изголовью матраца упасть на обычное место. Однако в продолжение остатка дня никакого нарушения не произошло, и ночью он совершенно разъединил доску. Нужно заметить, что никто из экипажа не занимал бака как места для сна. Со времени бунта все жили вместе в каюте, распивая вино, пируя морскими запасами капитана Барнарда и заботясь о плавании брига лишь в размерах безусловной необходимости. Эти обстоятельства оказались счастливыми для нас обоих, как для меня, так и для Августа; ибо, если бы все обстояло по-иному, он не нашел бы возможности добраться до меня. А так он продолжал начатое, твердо веруя в свое предприятие. Близился рассвет, прежде чем он окончил второй разрез доски (которая была около фута выше первой, надрезанной), таким образом проделав отверстие для свободного прохода к главному кубрику. Добравшись до него, он проложил себе путь к главному нижнему люку, хотя пришлось перелезть через ряды бочек для ворвани, нагроможденных чуть не до самого верхнего дека, где оставалось лишь едва достаточно места, чтобы пропустить его. Достигнув люка, он увидел, что Тигр последовал за ним вниз, протискавшись между двух рядов бочек. Было слишком поздно, однако, пытаться дойти ко мне до зари, ибо главная трудность заключалась в том, чтобы пройти через тесно нагруженный нижний трюм. Он решил поэтому возвратиться и ждать следующей ночи. С этой целью он продолжал раздвигать предметы в люке, чтобы меньше задерживаться, когда опять сойдет вниз. Не успел он расчистить путь, как Тигр нетерпеливо прыгнул к сделанному малому отверстию, обнюхал его и издал протяжный вой, царапая лапами, как будто непременно желая сдвинуть крышку. Не могло быть сомнения, что он почуял мое присутствие в трюме, и Август считал, что собака добралась бы до меня, если б он спустил ее. Он нашел способ послать мне записку, ибо было особенно желательно, чтобы я не пытался силой проломиться к выходу, по крайней мере при теперешних обстоятельствах, а у него не было уверенности, что назавтра он сможет спуститься сам, как предполагал. Последующие события дока-

зали, как счастлива была эта мысль; ибо, если бы записка не была получена, я без сомнения натолкнулся бы на какой-нибудь план, хотя бы отчаянный, чтобы поднять тревогу среди матросов, и очень возможно, что обе наши жизни в результате были бы погублены.

Решив написать, он оказался в затруднении как добыть необходимый для этого материал. Старая зубочистка была тотчас превращена в перо, при этом он действовал на ощупь, ибо между деками не было видно ни зги. Бумага нашлась – обратная сторона письма к мистеру Россу. Это был первоначальный набросок, но, так как почерк бы недостаточно хорошо подделан, Август написал другое письмо, сунув первое, по счастью, в карман куртки, теперь письмо нашлось кстати. Недоставало только чернил, и замена была тотчас найдена: он надрезал складным ножом палец, как раз над ногтем – из него, как обычно в этом случае, кровь потекла в изобилии. Письмо было теперь написано, сколь это возможно было в темноте и при данных обстоятельствах. Оно вкратце объясняло, что был бунт; что капитан Барнард был пущен по морю на произвол судьбы и что я мог ожидать скорой помощи, поскольку это касалось запасов, но не должен был пытаться поднимать какую-либо тревогу. Письмо заканчивалось словами: «Я написал это кровью – твоя жизнь зависит от того, чтобы быть в скрытности».

После того как полоска бумаги была привязана на собаке, она была спущена вниз в люк, Август же возвратился в бак, и у него не было никаких оснований думать, что кто-нибудь из экипажа заходил туда в его отсутствие. Чтобы скрыть отверстие в переборке, он вонзил свой нож как раз над ним и повесил на него матросскую куртку, которую нашел на койке. Наручники были вновь надеты, и веревка прилажена вокруг щиколоток.

Только что все было устроено, как сошел вниз Дёрк Питерс, очень пьяный, но в прекрасном расположении духа, и принес с собой для моего друга съестное на день: дюжину больших жареных ирландских картофелин и кувшин воды. Он уселся на ящик около койки и без стеснения заговорил о штурмане и вообще о делах на бригае. Его повадка была необыкновенно свое нравна и даже причудлива. Некоторое время Август был очень встревожен его странным поведением. Наконец, однако, Питерс ушел на палубу, пробормотав обещание принести назавтра хороший обед. В продолжение дня двое из экипажа (гарпунщики) спускались вниз в сопровождении повара, все трое были в последней степени опьянения. Как Питерс, они нимало не стеснялись и говорили совершенно открыто о своих планах. Оказалось, что они были совершенно несогласны между собой касательно их окончательного пути, не сходясь ни в чем, кроме мысли о нападении на корабль с островов Зеленого Мыса, с которым они с часу на час ожидали встречи. Насколько можно было удостовериться, бунт произошел вовсе не ради грабежа; частное недовольство главного штурмана капитаном Барнардом было главным побуждением. Теперь, казалось, было две главные партии среди экипажа – одной руководил штурман, другой – повар. Первая партия была за то, чтобы перехватить любое пригодное судно, какое только попадется, и снарядить его на одном из Вест-Индских островов для пиратского крейсирования. Вторая партия, однако, более сильная, среди своих сторонников включала Дёрка Питерса, была склонна продолжать первоначально установленный путь брига на юг Тихого океана; там или заняться ловлей китов, или делать что-либо другое, как укажут обстоятельства. Доводы Питерса, который часто посещал эти области, оказывали, по-видимому, большое впечатление на бунтовщиков, колебавшихся между соображениями выгоды и удовольствия. Питерс уверенно говорил, что там их ждет целый мир новизны и забавы среди бесчисленных островов Тихого океана, полнейшая безопасность и безграничная свобода от каких бы то ни было препон, особенно же указывал на очаровательный климат, на возможность хорошо пожить и на чувственную красоту женщин. Ничего еще не было вполне решено, но описания индейца-канатчика сильно завладели горячим воображением моряков, и было очень вероятно, что его замыслы привели бы наконец к определенным следствиям.

Эти трое ушли приблизительно через час, и никто больше не входил в бак в продолжение целого дня. Август лежал смиренно почти до ночи. Потом он освободил себя от веревки

и железок и стал готовиться к новой попытке. На одной из коек он нашел бутылку и наполнил ее водой из кружки, оставленной Питерсом, набив карманы холодными картофелинами. К его великой радости он также натолкнулся на фонарь с маленьким огарком сальной свечи. Он мог зажечь его каждое мгновение, ибо у него была коробка фосфорных спичек. Когда совсем стемнело, он пролез сквозь отверстие в переборке, из предосторожности так расположив одеяло на койке, чтобы создать впечатление закутавшегося человека. Когда он пролез, повесил матросскую куртку на свой нож, как и раньше, чтобы скрыть отверстие – это было легко сделать, вынутый кусок досок он приспособил только после. Теперь он был на главном кубрике и стал пробираться к главному решетчатому люку, как и прежде, между верхним деком и бочками для ворвани. Достигнув его, он зажег огарок свечи и, с большим трудом пробираясь ощупью среди сплошного груза в трюме, спустился вниз. Через несколько мгновений он очень забеспокоился из-за невыносимой вони и спертости воздуха. Он подумал, что едва ли я выжил такое долгое время в моем заключении, дыша таким тяжелым воздухом. Он несколько раз позвал меня по имени, но я не отвечал, и опасения его, казалось, таким образом подтвердились. Бриг испытывал сильнейшую качку, и вследствие этого, из-за большого шума, напрасно было прислушиваться к какому-либо слабому звуку, вроде моего дыхания или храпа. Он открыл фонарь и поднимал его возможно выше всякий раз, как представлялся для этого удобный случай, чтобы, заметив свет, если я еще жив, я мог быть извещен, что помощь близится. Все же я не подавал никакого знака жизни, и предположение, что я умер, начало принимать характер достоверности! Он решил тем не менее пробить себе, если возможно, путь к ящику и наконец удостовериться с полной несомненностью в своих догадках. Некоторое время он продирался вперед, находясь в самом жалком состоянии тревоги, пока наконец не нашел, что проход совершенно загроможден и что нет никакой возможности продолжать путь дальше в том направлении, какое он выбрал вначале. Победенный своими ощущениями, он бросился в отчаянии среди хлама и заплакал как дитя. В это время он услышал треск бутылки, которую я швырнул. Счастье, конечно, что так случилось – ибо каким бы ни казалось пустяшным это обстоятельство, с ним была связана нить моей судьбы. Много времени протекло, однако, прежде нежели я узнал об этом. Естественный стыд и раскаяние в своей слабости и нерешительности помешали Августу сообщить мне это тотчас же, в чем более интимная и непринужденная дружба побудила его впоследствии признаться. Задержанный в трюме препятствиями, которые не мог преодолеть, он решил отказаться от своей попытки добраться до меня и вернуться тотчас же к люку. Прежде чем вполне осудить его за это, нужно принять в соображение мучительные обстоятельства, которые его затрудняли. Ночь быстро проходила, и исчезновение его из бака могло быть обнаружено; и конечно это было бы так, если бы он не вернулся к койке до расвета. Свеча его догорала в фонаре, и было бы чрезвычайно трудно пробраться до люка в темноте. Нужно также допустить, что он имел все основания считать меня мертвым; в этом случае ничего благого для меня не могло произойти, если бы он добрался до ящика и целый мир опасностей встретился бы ему совершенно напрасно. Он звал меня многократно, и я не отвечал ему. В течение одиннадцати дней и ночей у меня было не большее количество воды, чем то, которое содержалось в кувшине, им оставленном, – совершенно невероятно, чтобы я приберег этот запас в начале моего заключения, ибо у меня были все основания ждать скорого освобождения. Атмосфера трюма также казалась ему, пришедшему со свежего сравнительно воздуха в баке, совершенно отравной и гораздо невыносимее, чем показалось мне, когда я впервые получил убежище в ящике, ибо до того люк постоянно был открыт в продолжение нескольких месяцев. Прибавьте к этим размышлениям соображение о картине кровопролития и ужаса, свидетелем чего так недавно был мой друг; его тюремное заключение, лишения и то, что он сам едва-едва спасся от смерти, все те шаткие и неверные обстоятельства, в коих жизнь его висела на волоске, – обстоятельства, столь способные умертвить всякую силу духа, – и чита-

тель легко сможет, как смог я, посмотреть на кажущуюся его измену дружбе и верности скорее с чувством печали, нежели гнева.

Август ясно слышал треск бутылки, но не был уверен, что он исходил из трюма. Однако сомнение побудило его продолжать начатое. Он вскарабкался почти до дека кубрика, пользуясь как опорой грузом, и тогда, выждав затишья в килевой качке, позвал меня столь громко, сколь только мог, не считаясь с опасностью быть услышанным наверху. Нужно припомнить, что его голос достиг до меня, но я был до того побежден захватившим меня волнением, что лишился способности ответить. Уверенный, что самые худшие его предположения имели полное основание, он спустился с целью возвратиться к баку, не теряя времени. В поспешности он опрокинул несколько малых ящиков, и этот шум, как можно припомнить, я услышал. Он уже значительно отошел назад, когда падение моего ножа опять заставило его поколебаться. Он тотчас вернулся по своим следам и, вторично перебравшись через груз, громко позвал меня по имени, как и раньше выждав мгновение затишья. На этот раз я обрел голос для ответа. Придя в великую радость от того, что я еще жив, он решил теперь пойти напролом, чтобы достичь меня, не боясь никаких трудностей и опасностей. Быстро выпутавшись из лабиринта нагроможденного хлама, которым он был стиснут, он наконец натолкнулся на проход, обещавший лучшие возможности, и в конце концов после ряда усилий достиг ящика в состоянии полного истомления.

Глава шестая

Только главные обстоятельства этого повествования сообщил мне Август, пока мы стояли у ящика. Лишь позднее он вполне вошел во все подробности. Он опасался, как бы его не хватились, а горел нетерпением покинуть ненавистное мне место заключения. Мы решили тотчас пройти к отверстию в переборке, около которого я должен был пока оставаться, в то время как он пойдет на разведку. Никто из нас не мог допустить мысли оставить Тигра в ящике; но как поступить с ним, вот в чем был вопрос. Тигр, казалось, совершенно успокоился, и мы не могли различить его дыхания, даже приложив ухо вплотную к ящику. Я был убежден, что пес мертв, и решил открыть крышку. Мы нашли его лежащим во всю длину, по-видимому в глубоком оцепенении, но он был жив. Времени терять было нельзя, однако я не мог решиться покинуть животное, которое дважды спасло мне жизнь, не попытавшись что-нибудь для него сделать. Мы потащили его за собой, хотя нам было очень трудно и мы были утомлены; некоторое время Августу пришлось карабкаться через препятствия, находившиеся на нашем пути, держа огромную собаку на руках, – подвиг, к которому полная слабость делала меня совершенно неспособным. Наконец нам удалось достичь отверстия, Август пролез в него, а затем был втолкнут туда Тигр. Все обошлось благополучно, и мы не могли не возблагодарить Бога за избавление от великой опасности, которой избежали. Было решено, что я останусь пока около отверстия, через которое мой товарищ вполне сможет снабжать меня частью своих ежедневных съестных припасов и где у меня будет преимущество дышать сравнительно чистым воздухом.

В пояснение некоторых мест этого повествования, где я говорил о нагрузке брига, как-вые места могут показаться двоясмысленными иным из моих читателей, которые могли видеть настоящую или правильную нагрузку, я должен сказать здесь, что способ, каким это важнейшее дело было выполнено на борту «Грампуса», являлся позорнейшим примером небрежения со стороны капитана Барнарда, ибо он отнюдь не был столь заботливым и опытным моряком, как того, казалось, безусловно требовал рискованный род службы, ему порученной. Настоящая нагрузка не может быть выполнена небрежно, и множество самых злополучных случаев, даже на моем собственном опыте, произошли от небрежности или неумения в этой области. Береговые суда в частой спешке и суматохе, сопровождающей прием груза или разгрузку его, наиболее подвержены злополучиям, благодаря недостатку надлежащего внимания при укладке

груза. Главный пункт – не дать возможности грузу или балласту перемещаться даже во время самой сильной боковой качки. Для этой цели большое внимание должно быть обращено не только на объем груза, но и на свойства его, и на то, будет ли это полная или частичная нагрузка. В большинстве случаев нагрузка производится с помощью шнека. Таким образом в клади из табака или муки все бывает так тесно уплотнено в трюме судна, что тюки при разгрузке находят совершенно сплюснутыми и лишь через некоторое время они принимают свой первоначальный вид. К этому уплотнению, однако, прибегают главным образом с целью получить больше места в трюме, потому что при полной нагрузке таких товаров, как мука или табак, не может быть опасности какого бы то ни было перемещения, или по крайней мере оно таково, что не может проистечь несчастья. Были, правда, случаи, где этот способ уплотнения привел к самым плачевным последствиям, обусловленным, однако, причинами, совершенно отличными от опасности, заключающейся в перемещении груза.

Уплотненный груз хлопка, находясь в известных условиях, как известно, распространяется в своем объеме до такой степени, что разрывает корабль, открывая ход воде. Не может быть никакого сомнения, что такое же обстоятельство могло бы возникнуть и с табаком, когда он находится в обычном брожении, если бы не промежуточные щели благодаря округлости тюков.

Главная опасность возникает, когда принят неполный груз, грозящий передвижением, и нужно всегда в этих случаях принять особые предосторожности против такового несчастья. Лишь те, кто встречался на море с сильным ветром, переходящим в бурю, или скорее те, кто испытывал боковую качку судна во время мгновенного затишья после бури, могут составить какое-нибудь представление о потрясающей силе этих нырков и о следующем отсюда страшном толчке, который дается всем незакрепленным предметам на судне. Именно тогда необходимость тщательной нагрузки, при наличии неполного груза, становится очевидной. Когда корабль лежит в дрейфе (в особенности с малым передним парусом), судно, которое не надлежащим образом построено в передней части, нередко опрокидывается на бок; это случается даже каждые пятнадцать-двадцать минут средним счетом и все же без каких-либо серьезных последствий, если только нагрузка была сделана надлежаще. Если же, однако, это не было в точности выполнено, при первом же из этих тяжелых накрениваний судна весь груз рухнет на ту его сторону, которая лежит на воде, и, будучи лишено возможности снова прийти в состояние равновесия, что оно неизбежно сделало бы при других условиях, судно достоверно наполнится водой в несколько секунд и пойдет ко дну. Не слишком много сказать, что по крайней мере в половине тех случаев, когда суда пошли ко дну во время тяжелых порывов ветра на море, случилось это благодаря перемещению груза или балласта.

Когда неполный груз какого бы то ни было рода взят на борт, после того как все предвзительно было так тесно уложено, как только возможно, он должен быть прикрыт рядом толстых незакрепленных досок, простирающихся вдоль всего протяжения поперек судна. На этих досках должны быть воздвигнуты временные подпоры, достигающие до ребер судна наверху и таким образом обеспечивающие всему достоверное место. При нагрузке зерна или материала подобного же свойства потребны еще добавочные предосторожности. Трюм, целиком наполненный зерном по оставлении порта, будет, когда достигнет назначения, наполнен лишь на три четверти, и это даже в тех случаях, когда весь груз, смиренный четверик за четвериком товарополучателем, будет значительно превышать (по причине вздутости зерна) предназначенное количество. Происходит это благодаря оседанию во время плавания и более заметно в соразмерности с бурностью погоды. Если зерно, неплотно нагруженное в судне, хорошо закреплено подвижными досками и подпорами, оно может перемещаться во время длинного морского перехода настолько, что способно обусловить самые тягостные злополучия. Чтобы предупредить это, всяческие способы должны быть применены, прежде чем порт оставлен, дабы заставить груз осесть как только возможно, и для этого существуют различные приспособления,

среди которых может быть упомянут способ вгонять в зерно клинья. Даже когда все это сделано и необыкновенные хлопоты предприняты для обеспечения подвижных досок, никакой моряк, который знает, в чем дело, не будет чувствовать себя вполне обеспеченным во время сколько-нибудь сильной бури, если он везет груз зернами, в особенности если он везет неполный груз. Существуют, однако, сотни наших береговых судов и, вероятно, гораздо большее количество судов, принадлежащих к портам европейским, которые ежедневно плавают с неполным грузом даже наиболее опасных разрядов, и это без принятия каких-либо предосторожностей. Дивно, что случается не больше несчастных случаев, чем это есть в действительности. Мне известен прискорбный случай такой неосмотрительности, случившийся с капитаном Джоилем Райсом на шхуне «Светляк», которая плыла из Ричмонда, штат Виргиния, в Мадейру с грузом зерна в 1825 году. Капитан совершил много плаваний без серьезных злополучий, хотя он имел обыкновение не обращать никакого внимания на свою нагрузку, лишь бы груз был закреплен заурядным способом. Он никогда ранее не плавал с грузом зерна, и в данном случае зерно было нагружено неплотно, оно наполняло судно немного более чем наполовину. В первой части плавания он повстречался лишь с легкими ветерками, но, когда он был на один день плавания от Мадейры, примчался бурный ветер с северо-северо-востока и судно было принуждено лечь в дрейф. Он поставил шхуну под ветер лишь под одним передним парусом с двумя рифами, и она держалась так хорошо, как только можно было ожидать, не зачерпывая ни капли воды. К ночи буря несколько улеглась, и шхуна стала испытывать боковую качку с меньшей устойчивостью, чем прежде, но все продолжало идти хорошо до тех пор, пока одним тяжелым накрениванием она не была брошена набок, к правой стороне. Послышалось, как зерно все целиком переместилось, сила движения взломала и открыла главный люк. Судно пошло ко дну как камень. Это случилось на расстоянии голоса от малой шлюпки из Мадейры, которая подобрала одного моряка из экипажа (лишь один человек был спасен) и которая посмеивалась над бурей с совершенной безопасностью, как это может сделать малое гребное судно при должном управлении.

Нагрузка на борту «Грампуса» была сделана самым неуклюжим образом, если только может быть названо нагрузкой безразборное набрасывание бочек для ворвани² и корабельного материала. Я уже говорил, в каком состоянии находились предметы, бывшие в трюме. На палубной части кубрика было (как я говорил) достаточно места для моего тела между бочками и верхним деком, свободное место было оставлено вокруг главного люка, и другие значительные свободные промежутки были оставлены в грузе. Около отверстия, прорезанного Августом в переборке, было достаточно места для целого бочонка, и в этом промежутке я в данное время примостился с полным удобством.

Тем временем как мой друг благополучно занял свою койку и приспособил опять свои кандалы и веревку, совсем наступил день. Поистине, мы еле-еле спаслись, потому что, едва он все устроил, как сошел вниз штурман с Дёрком Питерсом и поваром. Некоторое время они говорили о судне, идущем от Зеленого Мыса, и, казалось, весьма нетерпеливились, ожидая его увидеть. В конце концов, повар подошел к койке, на которой лежал Август, и сел на нее у изголовья. Я мог видеть и слышать все из моего убежища, ибо вырезанная закрышка не была прилажена на своем месте, и каждое мгновение я ждал, что негр обратит внимание на матросскую куртку, которая висела для скрытия отверстия, и тогда все будет обнаружено и, без сомнения, нам придется немедленно расстаться с жизнью. Добрая наша судьба, однако, превозмогла, и хотя он неоднократно касался куртки из-за боковой качки судна, он ни разу не притронулся к ней настолько, чтобы сделать открытие. Низ куртки был тщательно прикреплен к переборке и, таким образом, отверстие не разоблачалось качанием ее в одну сторону. Все

² Китобойные суда обыкновенно снабжены железными чанами для ворвани; почему это не было сделано на «Грампусе», я никогда не мог узнать. – Прим. автора.

это время Тигр лежал в ногах койки, и, казалось, в некоторой мере к нему вернулись его силы, ибо я видел, что время от времени он раскрывает глаза и делает глубокие вдыхания.

Через несколько минут штурман и повар ушли наверх, оставив Дёрка Питерса, который, как только они ушли, подошел и сел на том месте, где только что был штурман. Он начал говорить очень приветливо с Августом, и мы могли теперь заметить, что видимое его опьянение в то время, как двое других были с ним, в значительной степени было притворством. Он отвечал на все вопросы моего товарища совершенно свободно; сказал ему, что его отец, конечно, был подобран каким-нибудь кораблем, потому что не меньше пяти парусов было видно перед закатом солнца в тот день, когда его пустили по воле моря и ветра; и вообще он говорил разные вещи утешительного характера, вызвавшие во мне столько же удовольствия, сколько и удивления. Я начал на самом деле питать надежды, что с помощью Питерса мы могли бы в конце концов снова завладеть бригом, и сказал об этом Августу, как только представился случай. Август нашел, что это вещь возможная, но настаивал на необходимости соблюдать при этой попытке величайшую осторожность, ибо поведение этого полуиндейца, по-видимому, было вызвано лишь самой произвольной прихотью и поистине было трудно сказать, находился ли он хоть одну минуту в здравом уме. Приблизительно через час Питерс ушел на палубу и не возвращался до полудня, в полдень он принес Августу солонины и пудинга в изобилии. Когда мы остались одни, я принял в еде живейшее участие, не возвращаясь через отверстие. Никто другой не сходил в бак в течение дня, а ночью я пробрался на койку к Августу и крепко спал сладким сном почти до рассвета; тут он меня разбудил, услышав какое-то движение на палубе, и я спрятался в мой тайник с наивозможной быстротой. Когда день совершенно занялся, мы увидели, что к Тигру почти совсем вернулись его силы и, не выказывая никаких признаков водобоязни, он с явной охотой испивал предлагаемую ему воду. В течение дня к нему совершенно вернулись его прежняя сила и аппетит. Странное его поведение несомненно было вызвано вредными качествами воздуха в трюме и не имело никакого отношения к собачьему бешенству. Я не мог достаточно нарадоваться на то, что настоял на желании взять его с собою из ящика. Это было тридцатого июня, и это был тринадцатый день с тех пор, как «Грампус» отплыл из Нантукета.

Второго июля штурман сошел вниз, пьяный, как всегда, и в чрезвычайно хорошем расположении духа. Он подошел к койке Августа и, хлопнув его по спине, спросил, будет ли он достоюльным образом вести себя, если он его освободит, и может ли Август обещать, что более не будет входить в капитанскую каюту. На это, конечно, мой друг ответил утвердительно, и негодяй освободил его, заставив предварительно выпить рому из фляжки, которую он вытащил из кармана куртки. Оба тотчас же пошли на палубу, и я не видал Августа часа три. Потом он сошел вниз с добрыми вестями: он получил позволение ходить по бригу, где ему угодно, до главной мачты, и ему был отдан приказ спать, как обычно, в баке. Он принес мне, кроме того, добрый обед и богатый запас воды. Бриг продолжал гнаться за кораблем с Зеленого Мыса, и теперь был виден парус, который был сочтен за предполагавшийся. Так как события следующих восьми дней были маловажными и не имели никакого прямого отношения к главным приключениям моего повествования, я занесу их здесь в форме дневника, ибо не хочу опускать их совсем.

Июля 3-го. Август принес мне три шерстяных одеяла, с помощью которых я смастерил себе преудобную постель в моем тайнике. Никто не сходил вниз, кроме моего товарища, в течение дня. Тигр занял свое место на койке как раз около отверстия и спал тяжелым сном, как будто бы еще не вполне оправившись от действия своей болезни. К ночи налетел ветер и ударился о бриг, прежде чем успели убрать парус; бриг сильно качнуло набок. Порыв ветра затих, однако же, немедленно, и никакого ущерба не было причинено, кроме того, что порвало передний четырехугольный парус. Дёрк Питерс держал себя по отношению к Августу весь этот день с большой добротой и вступил с ним в долгую беседу касательно Тихого океана и остро-

вов, которые он посетил в этой области. Он спросил его, не будет ли ему приятно отправиться с бунтовщиками в некоторого рода разведочное и приятственное плавание к этим областям, и сказал, что экипаж постепенно склоняется ко взглядам штурмана. Август счел за наилучшее ответить, что он был бы рад пуститься в такое предприятие, раз ничего лучшего не может быть сделано, и что какой бы то ни было план предпочтительнее пиратской жизни.

Июля 4-го. Судно, которое было в виду, оказалось небольшим бригом из Ливерпуля, и ему позволили пройти беспрепятственно. Август проводил большую часть времени на палубе с целью получить все возможные сведения касательно намерения бунтовщиков. Среди них происходили частые и бешеные ссоры, во время одной из них гарпунщик Джим Боннер был брошен за борт. Сторонники штурмана приобретают почву под ногами. Джим Боннер принадлежал к шайке повара, коего Питерс был партизаном.

Июля 5-го. Около рассвета с запада пришел стойкий ветер, который к полудню посвежел и превратился в бурю, так что на бриге пришлось убрать все паруса, кроме трайсея и фоксея. Убирая переднюю стенгу, Симмс, один из матросов, также принадлежавший к шайке повара, будучи сильно пьян, упал за борт и утонул, никакой попытки спасти его не было сделано. Всего теперь на борту брига было тринадцать человек, а именно: Дёрк Питерс; Сэймур, черный повар; Джонс; Грили; Гартман Роджерс; и Вильям Аллен из партии повара; штурман, имени которого я никогда не мог узнать; Абсалом Хиккс; Вильсон; Джон Гёнт; и Ричард Паркер из партии штурмана; да еще Август и я.

Июля 6-го. Буря продолжалась весь этот день, налетая тяжелыми шквалами, сопровождаемыми дождем. Бриг захлебнул порядком воды через свои сшивки, и один из насосов все время действовал, Август был вынужден соблюдать очередь. Как раз в сумерки совсем близко от нас прошел большой корабль, не будучи замеченным до того, как он был на расстоянии звука голоса. Согласно предположению, корабль этот был один из тех, которые высматривались мятежниками. Штурман салютовал, но ответ потонул в реве бури. В одиннадцать часов море, хлынув, рвануло корабль в середине и оторвало значительную часть укреплений левого борта, а также причинило и другие ущербы незначительного свойства. К утру погода успокоилась, и на восходе солнца было очень мало ветра.

Июля 7-го. Море надулось, и весь день было тяжелое волнение; бриг, будучи налегке, испытывал чрезвычайную качку, и в трюме многие предметы сорвались со своих мест, как я мог явственно слышать из моего тайника. Я сильно страдал от морской болезни. У Питерса был сегодня длинный разговор с Августом, и он рассказал, что двое из его шайки, Грили и Аллен, перешли на сторону штурмана и решили сделаться пиратами. Он предлагал Августу разные вопросы, которых тот не мог в это время в точности понять. В течение этого вечера на судне обнаружилась течь; и мало что могло быть сделано, чтобы устранить ее, ибо она была причинена тем, что бриг просачивался и забирал воду через сшивки. Был шпигован парус и подложен под скулы брига, что помогло нам в некоторой мере, так что мы начали овладевать течью.

Июля 8-го. Легкий ветерок пришел на восходе солнца с востока, штурман же направил бриг на юго-запад с целью пристать к одному из Вест-Индских островов в осуществление своих пиратских замыслов. Никакого противоборства не было оказано Питерсом или поваром – по крайней мере, ничего, о чем бы слышал Август. Всякая мысль о захвате судна с Зеленого Мыса была оставлена. С течью теперь легко боролись, заставляя действовать один из насосов каждые три четверти часа. Парус был убран из-под корабельных скул. Перекинулись через рупор словечком с двумя шхунами за день.

Июля 9-го. Погода прекрасная. Все работают над починкой укреплений. У Питерса опять был долгий разговор с Августом, и он говорил более начистоту, чем до сих пор. Он сказал, что ничто не могло бы его заставить склониться ко взглядам штурмана, и даже намекнул, что у него есть намерение захватить бриг в свои руки. Он спросил моего друга, может ли рассчиты-

вать в таком случае на его помощь, и Август без колебания сказал «да». Тогда Питерс сказал, что поосведомится у других своих сторонников на этот счет, после чего ушел. В продолжение остальной части этого дня у Августа не было случая говорить с ним с глазу на глаз.

Глава седьмая

Июля 10-го. Говорили в рупор с бригам, плывущим из Рио в Норфолк. Погода туманная, и легкий противный ветер с востока. Сегодня умер Гартман Роджерс, будучи схвачен еще восьмого судорогами, после того как выпил стакан грога. Этот человек был в числе сторонников повара, и на него главным образом Питерс полагал свои упования.

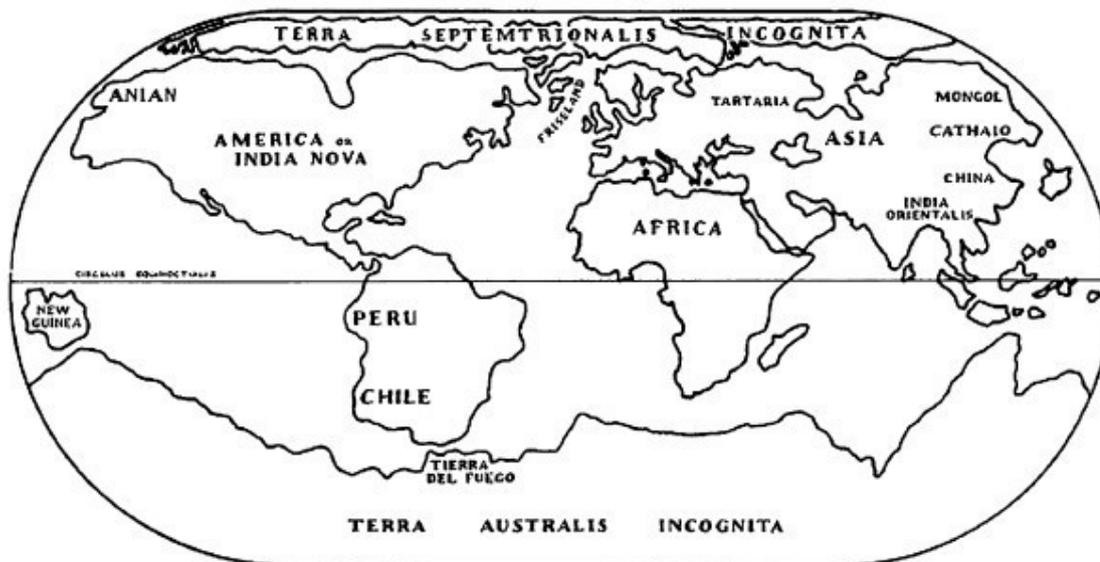
Он сказал Августу, что, верно, штурман отравил его и что если сам он не будет остерегаться, то, надо думать, придет скоро и его черед. Из его собственной шайки теперь оставались только он сам, Джонс и повар – на другой стороне было пятеро. Он сказал Джонсу насчет того, что нужно бы отобрать у штурмана командование; но проект был принят холодно, и он воздержался от дальнейшего настаивания и повару не говорил ничего. Это было хорошо, как оказалось, что он был столь осторожен, ибо пополудни повар выразил свою решимость прикнудить к штурману и формально перешел в его партию. Между тем Джонс воспользовался случаем поссориться с Питерсом и погрозился, что он ему расскажет о готовящемся плане. Было теперь очевидно, что времени терять нельзя, и Питерс выразил свою решимость попытаться захватить корабль во что бы то ни стало, если Август окажет ему помощь. Друг мой тотчас же уверил его в своей готовности сделать что угодно для выполнения такого замысла и, полагая, что данный случай весьма благоприятен, сообщил ему о моем пребывании на корабле. Этим полуиндеец не столько был изумлен, сколько восхищен, ибо он вовсе уже не полагался на Джонса, на которого он смотрел как на перешедшего в число сторонников штурмана. Они немедленно спустились вниз, Август назвал меня по имени, и мы с Питерсом познакомились. Было условлено, что мы попытаемся захватить судно при первом удобном случае, оставляя Джонса совершенно вне наших совещаний. В случае успеха мы должны были направить бриг в первый же порт, какой представится, и там сдать судно. То обстоятельство, что сторонники оставили Питерса, расстроило его замыслы отправиться в Тихий океан – такое предприятие не могло быть выполнено без экипажа, и он всецело полагался или на то, что будет оправдан по суду ввиду умственного расстройства (каковое, по торжественному его уверению, побудило его принять участие в бунте), или, если будет найден виновным, получит прощение благодаря заступничеству со стороны Августа и меня. Наши рассуждения были прерваны в эту минуту криком: «Все к парусу!», и Питерс с Августом побежали на палубу.

Как обычно, почти все были пьяны, и прежде чем парус мог быть надлежащим образом убран, порывистый шквал бросил бриг на бок. Он, однако, выдержал натиск и выпрямился, захлебнув доброе количество воды. Едва все было приведено в порядок, как другой шквал налетел на судно и за ним немедленно еще другой – ущерб, однако, не было причинено никакого. Вся видимость говорила за то, что наступает настоящая буря, и действительно, вскоре она примчалась с большим бешенством с севера и с запада. Все было приведено в порядок, как только возможно, и мы, как обычно, легли в дрейф под плотно зарифленным фокселем. По мере того как ночь надвигалась, ветер усиливался в яростности, и море было необыкновенно вздуто. Питерс теперь сошел в бак с Августом, и мы снова приступили к обсуждению нашего плана.

Мы согласно решили, что не может быть более благоприятного случая, чем настоящий, для приведения нашего замысла в исполнение, ибо в такую минуту попытка наша никоим образом не могла быть предвидена. Так как бриг был надлежащим образом положен в дрейф, не могло возникнуть необходимости приводить его в движение и управлять им до наступления хорошей погоды, а тогда, если бы попытка наша удалась, мы могли бы освободить одного или

даже двоих из людей, чтобы помочь нам довести бриг до порта. Главное затруднение заключалось в большой несоразмерности наших сил. Нас было только трое, а в каюте было девятеро. Все оружие, какое только было на борту, находилось в их обладании, за исключением двух небольших пистолетов, которые Питерс спрятал на себе, и большого кортика, который он всегда носил за поясом своих панталон. Из некоторых указаний, кроме того, – например, вещи, подобные топору или ганшпугу, не лежали на своих обычных местах – мы начали бояться, что у штурмана были свои подозрения, по крайней мере относительно Питерса, и что он не упустил бы случая от него отделаться. Было ясно на самом деле, что то, что мы решили сделать, не могло быть сделано слишком скоро. Все же неравенство сил было слишком велико, чтобы позволить нам действовать без крайней осмотрительности.

Питерс предложил, что он пойдет на палубу и вступит в разговор с дозорным (Алленом) и, как только представится удобный случай, он его сбросит в море без хлопот и не поднимая тревоги; Август же и я, мы взойдем тогда наверх и постараемся обеспечить на палубе какого-либо рода оружием; затем мы должны ринуться все вместе и захватить лестницу в каюте, прежде чем может возникнуть какое-либо сопротивление. Я восстал на это, ибо не мог поверить, чтобы штурман (пронырливый малый во всем, что нисколько не влияло на его суеверные предрассудки) позволил так легко захватить себя в западню. Уже одно то, что на палубе был дозорный, достаточно свидетельствовало о том, что он был настороже – лишь на кораблях, где дисциплина соблюдается строжайшим образом, имеют обыкновение ставить дозорного на палубе, когда судно лежит в дрейфе во время бурного ветра. Так как я обращаюсь главным образом, если не всецело, к людям, которые никогда на море не бывали, будет вполне уместным указать на точные обстоятельства, в каковых находилось тогда наше судно, лежавшее в дрейфе. Ложиться, или, говоря по-морскому, «уложить» в дрейф есть мера, применяемая для различных целей и осуществляемая различными способами. В тихую погоду она часто применяется с целью простого приведения судна в неподвижность, дабы подождать другого судна или для какой-нибудь подобной цели. Если корабль, который ложится в дрейф, находится под полными парусами, маневр обыкновенно достигается тем, что сбрасывают кругом некоторую часть парусов, так что позволяют ветру откинуть их назад, когда корабль делается неподвижным. Но мы сейчас говорим о корабле, ложащемся в дрейф при бурном ветре. Это делается, когда ветер перед носом корабля и когда он слишком силен, чтобы допустить возможность пользоваться парусами без опасности опрокинуться; и иногда даже, когда ветер попутный, но море слишком бурное, чтобы можно было пустить судно по ветру. Если позволить судну убежать перед ветром по очень бурному, как бы ухабистому, морю, много ущерба обычно причиняется кораблю в силу того, что он захлебывает воду на корме, а иногда благодаря судорожным ныркам, которые он делает передней частью. К этому приему тогда прибегают редко, лишь в случае необходимости. Когда на судне течь, его часто пускают по ветру, даже при самых тяжелых валах; ибо, когда оно лежит в дрейфе, достоверно, что сшивки его сильно раскрываются благодаря большому напряжению, чего нет в такой степени, если корабль убегает. Часто также делается необходимым предоставить судну убежать или в том случае, когда вихрь столь необычайно яростен, что рвет в куски парус, употребляемый с целью дать ему возможность держаться против ветра, или когда благодаря ошибочному строению сруба, либо в силу других каких причин, главная задача не может быть выполнена.

Карта мира Ортелиуса, взятая из атласа «Theatrum Orbis Terrarum», 1570 г.

Суда при бурном ветре кладут в дрейф различными способами, сообразно с их строением. Некоторые ложатся наилучше под фокселем, и этот парус, я полагаю, наиболее употребителен. Большие корабли с реями, поставленными поперек судна, имеют паруса для этой особой цели, называемые буревыми штаг-парусами. Но иногда кливер принимается сам по себе — временами кливер и фоксель или двойным образом зарифленный фоксель, нередко прибегают также к задним парусам.

Передние стеньги очень часто оказываются лучше отвечающими данной цели, нежели другие разряды парусов. «Грампус» обыкновенно ложился в дрейф под фокселем, плотно зарифленным.

Когда судно положено в дрейф, переднюю его часть подводят под ветер как раз настолько, чтобы наполнить парус, под которым оно лежит, между тем как он положен на стеньгу, то есть проходит по диагонали поперек судна. После того как это сделано, нос корабля наведен на несколько градусов от направления, из которого исходит ветер, и нос судна, будучи наветренным, конечно, получает удар волн. Находясь в таком положении, доброе судно может преодолеть очень тяжелый вихревой ветер, не зачерпнув ни капли воды и не требуя никакого дальнейшего внимания со стороны экипажа. Кормило обыкновенно привязывают внизу, но это совершенно бесполезно (если не считаться с шумом, который оно производит, будучи свободным), ибо руль не имеет никакого влияния на судно, когда оно лежит в дрейфе. В действительности кормило было бы гораздо лучше оставлять вольным, нежели крепко привязывать его, ибо руль имеет склонность быть отрываемым тяжелыми валами, если у кормила нет достаточно места для свободного движения. Пока парус выдерживает, хорошо построенный корабль будет сохранять свое положение и преодолеет всякий вал, как если бы он был одарен жизнью и разумом. Но если ярость ветра разорвет парус в куски (для такого деяния, при обычных обстоятельствах, требуется настоящий ураган), возникает неминуемая опасность. Судно выпадает из правильного действия ветра и, повертываясь боком к валам, находится всецело в их власти: единственно, к чему можно прибегнуть в данном случае, это спокойно подставить его под ветер, дав ему возможность убегать, пока не будет натянут какой-нибудь другой парус. Некоторые суда ложатся в дрейф без каких-либо парусов, но на них нельзя полагаться в бурном море.

Но возвратимся от этого отступления. Штурман никогда не имел обыкновения ставить дозорного на палубе, когда при бурном ветре корабль лежал в дрейфе, и тот факт, что теперь дежурил дозорный, в соединении с тем обстоятельством, что топоры и ганшпуги исчезли,

вполне убедил нас, что экипаж был слишком настороже, чтобы быть захваченным врасплох по способу, присоветованному Питерсом. Что-нибудь, однако, должно было быть сделано, и с возможно малой отсрочкой, ибо не могло быть сомнения, что, раз Питерс был заподозрен, он будет погублен при первом же поводе, а таковой, конечно, или будет найден, или будет создан, как только буря приутихнет.

Август теперь указал, что, если бы Питерсу удалось под каким-либо предлогом содвинуть запасную якорную цепь, которая лежала над трапом в главной каюте, возможно, мы были бы способны напасть на них неожиданно из трюма; но по малом размышлении мы убедились, что судно испытывало слишком большую качку, чтобы позволить какую-либо попытку такого рода.

Доброй волею судьбы я наконец натолкнулся на мысль подействовать на суеверные страхи и преступную совесть штурмана. Как можно припомнить, один из экипажа, Гартман Роджерс, умер утром, будучи схвачен два дня тому назад судорогами, после того как он выпил немного спиртного с водой. Питерс высказал нам свое мнение, что этот человек был отравлен штурманом, и, для того чтобы так думать, у него были основания, говорил он, которые были неоспоримы, но изъяснить которые мы никак не могли его заставить – своенравный отказ этот вполне согласовался с другими особенностями его причудливого нрава. Но были ли у него какие-нибудь настоящие причины подозревать штурмана или их не было, мы легко вовлеклись в это его подозрение и решили действовать соответственно.

Роджерс умер около одиннадцати часов утра в сильнейших судорогах; и тело его через несколько минут после смерти являло одно из самых ужасающих и отвратительных зрелищ, какие когда-либо были на моей памяти. Живот его чудовищно раздулся, как живот человека, который утонул и несколько недель пролежал под водой. Руки находились в таком же состоянии, а лицо сморщилось, съежилось и было бело как мел, кроме двух-трех ярко-красных пятен, подобных тем, что причиняются рожей; одно из этих пятен простиралось вкось через лицо, совершенно покрывая один глаз как бы лентой из красного бархата. В этом отвратительном состоянии тело было принесено из каюты в полдень, дабы быть брошенным за борт, но тут штурман, глянув на него (он видел его теперь в первый раз) и будучи или проникнут раскаянием в своем преступлении, или поражен таким страшным зрелищем, приказал людям зашить тело в парусинный гамак и даровать ему обычный обряд морских похорон. Отдав эти приказания, он сошел вниз, как бы для того чтобы избежать всякого дальнейшего вида своей жертвы. В то время как делались приготовления, дабы исполнить его приказания, с великим бешенством налетела буря, и замысленное было пока оставлено. Труп, предоставленный самому себе, был погружен в желоб для стока воды с левой стороны судна, где он еще и лежал в то время, о котором я говорю, толкаясь и барахтаясь с каждым бешеным нырком брига. Установив наш план, мы тотчас же стали приводить его в исполнение с наивозможной быстротой. Питерс пошел на палубу, и, как он предвидел, с ним немедленно заговорил Аллен, который, по-видимому, стоял на передней части корабля более как дозорный, нежели преследуя какую-либо другую цель. Судьба этого негодяя, однако, была решена быстро и безмолвно; ибо Питерс, приблизившись к нему самым беззаботным образом, как будто чтобы ему что-то такое сказать, схватил его за горло и, прежде чем он смог испустить хоть один крик, перешвырнул его за край судна. После этого он позвал нас, и мы взошли вверх. Первой нашей предосторожностью было отыскать что-нибудь, чем бы можно было вооружиться, и, делая это, мы должны были соблюдать величайшее тщание, ибо невозможно было ни минуты стоять на палубе, не держась крепко, и свирепые валы врывались на судно при каждом его нырке вперед. Было необходимо, кроме того, чтобы мы были быстрыми в своих действиях, ибо каждую минуту мы ожидали, что штурман взойдет наверх, чтобы пустить насосы в ход, так как было очевидно, что бриг очень быстро набирал воды. Поискав кругом некоторое время, мы ничего не могли найти более подходящего для нашей цели, чем две вымбовки, одну из них взял Август, другую я. Припрятав их, мы стащили с трупа рубашку и бросили тело за борт. Питерс и я спустились после этого

вниз, Августа же оставили сторожить на палубе, и он занял как раз то самое место, где стоял Аллен, спиной к лестнице в капитанскую каюту, чтобы, ежели кто из шайки штурмана взойдет наверх, он мог предположить, что это дозорный.

Как только я спустился вниз, я начал наряжаться таким образом, чтобы изобразить труп Роджерса. Рубашка, которую мы сняли с тела, весьма нам помогла, ибо она была особой формы и вида, и ее легко было распознать, это было нечто вроде блузы, которую покойный надевал поверх другой своей одежды. Это была синяя вязанка с широкими поперечными белыми полосами. Надев ее, я стал приспособлять себе поддельный живот, в подражание чудовищному уродству раздувшегося трупа. Это было легко достигнуто с помощью одеял. Я придал потом такое же подобие своим рукам, надев пару белых шерстяных перчаток и наполнив их всякого рода лоскутьями, которые нашлись. Затем Питерс устроил мне надлежащее лицо, сперва его натерев белым мелом, а потом обрызгав кровью, которую он добыл из надреза на собственном пальце. Поперечная полоса через глаз не была забыта и являла самый отвратительный вид.

Глава восьмая

Когда я посмотрелся в осколок зеркала, висевшего в каюте, при тусклом свете некоего как бы боевого фонаря, я был так захвачен чувством смутного страха при виде моей наружности и при мысли об устрашающей действительности, которую я таким образом изображал, что мною овладел сильный трепет и я едва мог собраться с решимостью выполнять свою роль. Было необходимо, однако же, действовать без колебаний, и мы оба, Питерс и я, отправились на палубу.

Мы нашли, что все там в надлежащем порядке, и, держась вплоть к корабельным укреплениям, мы трое прокрались к лестнице, ведущей в главную каюту. Она была лишь отчасти прикрыта, ибо были приняты предосторожности, чтобы ее нельзя было сразу толкнуть с внешней стороны, и для этого были положены на верхнюю ступеньку поленья, что мешало также двери и закрыться. Без затруднения мы могли сполна осмотреть внутренность каюты через щели, находившиеся около петель. Счастье это было для нас, что мы не сделали попытки захватить их врасплох, ибо они были, очевидно, настороже. Лишь один из них спал, и он лежал как раз у подножья лестницы с мушкетом около себя. Остальные сидели на матрацах, которые были сняты с коек и брошены на пол. Они вели серьезный разговор, и, хотя пировали, как явствовало из двух пустых кружек и нескольких больших оловянных стаканов, валявшихся тут и там, они не были настолько пьяны, как то было обыкновенно. У всех были ножи, у одного или двух пистолеты, и очень много мушкетов лежало на койке около них.

Мы прислушивались некоторое время к их разговору, прежде чем решиться, как действовать, ибо у нас еще ничего не было определенного, кроме того что мы попытаемся парализовать их усилия в миг атаки с помощью привидения Роджерса. Они обсуждали свои пиратские планы, и все, что мы могли явственно расслышать, это что они хотели соединиться с экипажем некоей шхуны «Шершень» и, если возможно, овладеть самой шхуной, чтобы приготовиться к какой-нибудь попытке более широких размеров, о подробностях какой-либо никто из нас не мог в точности догадаться.

Один из шайки заговорил о Питерсе, ему ответил штурман тихим голосом, и слов нельзя было разобрать, потом он прибавил более громко, что не мог понять, почему Питере столько времени проводит с этим капитанским отродьем в баке, и полагает, чем скорее оба будут за бортом, тем лучше! На это не последовало никакого ответа, но мы легко могли понять, что данный намек был хорошо принят всей компанией, в особенности же Джонсом. В это время я находился в крайнем волнении, и оно было тем сильнее, что, как я мог видеть, ни Август, ни Питере не могли решить, что делать. Я, однако же, настроил свой ум продать мою жизнь

так дорого, как только возможно, и не позволять себе быть захваченным каким-либо чувством трепета.

Страшный шум от рева ветра в снастях и переплеска моря через палубу мешали нам слышать то, что говорилось, за исключением отдельных мгновений затишья. В одно из таких мгновений мы все ясно услышали, как штурман сказал одному из шайки, чтобы «он пошел и велел этим распроклятым лежебокам прийти в главную каюту, где бы он мог иметь за ними присмотр, ибо он не нуждается в разных секретничаньях на борту брига». К счастью для нас, килевая качка судна была в этот миг так сильна, что помешала приведению этого приказа к немедленному исполнению. Повар встал со своего матраца, чтобы пойти за нами, как вдруг судно страшно накренилось, я думал, что мачты будут сорваны, повар был брошен стремглав против одной из дверей каюты с левой стороны, разломал ее, и это еще более увеличило беспорядок. К счастью, ни один из нас не был сброшен с того места, где стоял, и у нас было достаточно времени, чтобы поспешно отступить к баку и выработать торопливый план действий, прежде чем повар просунулся из люка, ибо он не вышел на палубу. Со своего места он не мог заметить отсутствие Аллена и сообразно с этим начал горланить, обращаясь к нему и повторяя приказание штурмана. Питерс выкрикнул измененным голосом: «Да-да!» – и повар немедленно пошел вниз, нисколько не подозревая, что не все в порядке.

Оба моих товарища смело направились теперь к задней части корабля и спустились в главную каюту, причем Питерс закрыл за собою дверь таким же способом, как он ее нашел. Штурман встретил их с притворной сердечностью и сказал Августу, что, так как он вел себя за последнее время хорошо, он может иметь свое местонахождение в главной каюте и быть впредь одним из их числа. После этого он налил ему до половины большой стакан рома и заставил выпить. Все это я видел и слышал, ибо я последовал за своими друзьями до главной каюты, как только дверь была закрыта, и занял свой прежний наблюдательный пункт. Я принес с собою две вымбовки, одну из которых припрятал около лестницы, чтобы иметь ее наготове, когда в том будет надобность.

Я встал теперь по возможности так стойко, как только это было возможно, чтобы видеть хорошенько все, что происходит там внутри, и постарался подбодриться, чтобы смело появиться среди бунтовщиков, когда Питерс, как мы уговорились, даст мне сигнал. Ему удалось в настоящую минуту навести разговор на кровавые деяния бунта, и мало-помалу он заставил всех говорить о тысяче суеверий, которые имеют такое широкое распространение среди моряков. Я не мог разобрать всего, что говорилось, но я мог ясно видеть действие беседы на лицах присутствующих. Штурман, видимо, был очень взволнован, и в то время, когда кто-то упомянул о том, какой страшный вид у трупа Роджерса, я подумал, что он близок к обмороку. Питерс спросил его, не думает ли он, что было бы лучше тотчас же бросить тело за борт, потому что слишком это ужасно – смотреть, как оно бултыхается там в желобах для стока воды. Тут негодяй окончательно задохнулся и медленно повернул голову кругом, осматривая своих сотоварищей и как бы умоляя, чтобы кто-нибудь пошел и сделал это. Никто, однако, не шевельнулся, и было совершенно явно, что вся компания взвинчена до высочайшей степени нервного возбуждения. В это время Питерс дал сигнал. Я тотчас же распахнул дверь на лестницу и, сойдя, встал, не говоря ни слова, посреди компании.

Напряженное действие, оказанное этим внезапным появлением привидения, отнюдь не покажется удивительным, если будут приняты во внимание различные обстоятельства. Обыкновенно при возникновении подобных случаев в уме зрителя остается некоторое мерцание сомнения в действительности видения, возникшего перед его глазами; некоторая степень надежды, хотя и слабой, что он был жертвой проделки и что привидение не есть в действительности гость из мира теней. Не слишком много сказать, что такое мерцание сомнения всегда сохранялось почти при каждом таком видении и что захватывающий ужас, даже в случаях наиболее выдающихся и где душевное терзание наиболее было испытано, должен быть ско-

рее отнесен на счет некоторого рода предвосхищенного ужаса, что вдруг привидение, пожалуй, окажется действительным, нежели на счет неколебимой веры в его действительность. Но в данном случае сразу увидят, что в умах бунтовщиков не было даже и тени основания, дабы сомневаться, что привидение Роджерса не было в действительности оживлением его отвратительного трупа или по крайней мере его духовного образа. Отъединенное положение брига и полная его неприступность благодаря буре суживали видимые возможные средства обмана в таких узких определенных границах, что они должны были считать себя способными обозреть их все сразу. Они были на море уже двадцать четыре дня и в течение этого времени не имели никакого соприкосновения с каким-либо судном, кроме возможности перекинуться словом через рупор. Весь экипаж, кроме того, – по крайней мере все, о ком они могли сколько-нибудь подозревать, что они существуют на борту корабля, – был налицо в каюте, кроме Аллена, дозорного; а гигантский рост этого последнего (шесть футов шесть дюймов) слишком примелькался, чтобы позволить хотя на миг возникнуть в их уме представлению, что это он был привидением, явившимся перед ними. Прибавьте к этим соображениям устрашительный характер бури и свойство разговора, вызванного Питерсом; глубокое впечатление, которое отвратительность настоящего трупа произвела утром на воображение моряков; превосходство подражания, достигнутого мною, неверный колеблющийся свет, в котором они меня увидели, по мере того как сверкание находившегося в каюте фонаря, бешено качаемого из стороны в сторону, падало сомнительными вспышками на мою фигуру, – и не будет основания дивиться, что обман оказал даже более полный эффект, чем мы ожидали. Штурман вскочил с матраса и, не произнеся ни звука, рухнул мертвый на пол каюты, действием тяжелого качания брига его швырнуло как чурбан на подветренную сторону. Из остальных семи лишь трое сперва имели в какой-нибудь степени присутствие духа. Другие четверо сидели некоторое время, по видимости прикованные к полу, – самые жалкие жертвы страха и крайнего отчаяния, какие когда-либо представляли перед моими глазами. Единственное сопротивление, с которым нам пришлось сколько-нибудь считаться, было со стороны повара, Джона Гента и Ричарда Паркера, но они защищались слабо и неуверенно. Два первых были застрелены Питерсом, а я свалил Паркера ударом вымбовки по голове. Тем временем Август схватил один из мушкетов, лежавших на полу, и прострелил грудь другому мятежнику (Вильсону). Теперь оставалось лишь трое; но к этому времени они проснулись от своего оцепенения и, быть может, начали видеть, что их обманули, ибо они сражались с великой решимостью и бешенством, и, если бы не огромная мускульная сила Питерса, они могли бы в конце концов одержать над нами верх. Три этих человека были – Джонс, Грили и Абсалом Хиккс. Джонс бросил Августа об пол, пронзил ему в нескольких местах правую руку и, без сомнения, вскоре разделался бы с ним окончательно (ибо ни Питерс, ни я не могли тотчас же освободиться от наших собственных противников), если бы не своевременная помощь некоего друга, на поддержку которого, уж конечно, мы никогда не рассчитывали. Этот друг был не кто иной, как Тигр. С глухим рычанием он впрыгнул в каюту в самое критическое для Августа мгновение и, бросившись на Джонса, в один миг пригвоздил его к полу. Мой друг, однако, был слишком серьезно ранен, чтобы оказать нам какую-либо помощь, а я был так затруднен моим нарядом, что, запутавшись в одежде, мало что мог сделать. Собака ни за что не хотела отпустить Джонса, Питерс тем не менее был более чем ровня для двух оставшихся врагов и без сомнения разделался бы с ними и раньше, если бы не узкое пространство, в котором ему приходилось действовать, и не страшные накренивания судна. Он смог наконец ухватить тяжелую скамейку – их несколько лежало там и сям на полу. Взмахнув ею, он выбил мозги у Грили в тот миг, когда этот последний готов был выстрелить в меня из мушкета, и немедленно вслед за этим боковая качка брига бросила его на Хиккса; Питерс схватил его за горло и, силою своей напряженной мощи, задушил его мгновенно. Таким образом, в гораздо более короткое время, чем потребно для рассказа, мы оказались господами брига.

Единственный из наших противников, остававшийся в живых, был Ричард Паркер. Как читатель может припомнить, я сшиб его с ног в самом начале атаки. Он лежал теперь без движения у разломаной двери каюты; но, когда Питерс задел его ногой, он заговорил и стал просить пощады. Голова его лишь слегка была рассечена, и других поранений он не получил никаких, а был лишь оглушен ударом. Он привстал теперь, и на время мы связали ему руки за спиной. Собака все еще рычала над Джонсом, но по осмотре он оказался мертвым, кровь током исходила из глубокой раны на его горле, причиненной, без сомнения, острыми зубами животного.

Было около часу утра, и ветер продолжал дуть страшнейшим образом. Бриг, очевидно, претерпевал качку гораздо больше обыкновенного, и сделалось совершенно необходимым что-нибудь предпринять с целью несколько облегчить его. Почти при каждом наклоне к подветренной стороне он зачерпывал волны, некоторые из них частью дошли и до каюты во время нашей схватки, ибо я оставил люк открытым, когда спустился вниз. Весь ряд корабельных настроек с левой стороны был смыт так же, как и камбуз вместе с лодкой-четверкой, сорванной с подзора. Треск и качания главной мачты давали, кроме того, указание, что она готова обрушиться. Чтобы предоставить грузу больше места в заднем трюме, низ этой мачты был закреплен между деками (весьма предосудительное обыкновение, к которому иногда прибегают невежественные кораблестроители), и таким образом она подвергалась неминуемой опасности вырваться из своего гнезда. Но в довершение всех наших затруднений замеры показали, что в трюме не меньше чем на семь футов воды.

Оставив тела убитых на полу главной каюты, мы немедленно принялись за насосы – Паркер, конечно, был освобожден, чтобы помогать нам в работе. Руку Августу мы перевязали как только сумели, и он делал что мог, но это было не очень много. Мы, однако же, увидели, что можем не позволять течи увеличиваться, заставляя один насос действовать непрерывно. Так как нас было только четверо, это была трудная работа; но мы старались подбодриться и с тревогою ожидали рассвета, надеясь тогда облегчить бриг, срубив главную мачту.

Таким образом мы провели ночь в страшной тревоге и усталости, и когда день забрезжил, буря не только нимало не утихла, но и не было никаких признаков улучшения погоды. Мы вытащили теперь тела на палубу и бросили их за борт. Ближайшей нашей заботой было освободиться от главной мачты. Были сделаны необходимые приготовления, Питерс срубил мачту (топоры нашлись в каюте), между тем как остальные стояли около штагов и талей. Так как бриг страшнейшим образом рыскал, было постановлено срезать тали, после чего вся громада дерева и снастей рухнула в море и освободила бриг, не причинив нам какого-либо существенного ущерба. Мы увидели, что судно не испытывало теперь такой качки, как прежде, но все же наше положение было чрезвычайно затруднительным, и, несмотря на крайние наши усилия, мы не могли овладеть течью без действия двух насосов. Та малая помощь, которую мог оказывать нам Август, была поистине незначительна. В увеличение нашего злополучия тяжелый вал, ударив бриг в наветренную сторону, подбросил его на некоторое отдаление от предназначенного места под ветром, и, прежде чем он мог занять прежнее свое положение, другой вал целиком опрокинулся на него и совершенно рушил его на бок. Балласт переместился всей громадой к подветренной стороне (груз некоторое время передвигался и бился совершенно произвольно), и в течение нескольких мгновений мы думали, что ничто не может нас спасти и мы опрокинемся. Мы поднялись, однако же, до некоторой степени, но балласт все еще удерживал свое место на левой стороне судна, и мы так сильно накренились, что было бесполезно помышлять о насосах, да мы и не могли бы ни в каком случае больше работать около них, потому что руки у нас совершенно огрубели от излишка напряжения и кровь из них сочилась самым чудовищным образом.

В противность совету Паркера мы стали теперь срубать фок-мачту и наконец выполнили это после больших хлопот, причиненных наклонным положением, в котором мы находились. Падая за борт, мачта унесла за собою бушприт, и от брига остался один корпус.

Доселе мы имели основание радоваться, что у нас сохранился баркас, который не получил никакого повреждения ни от одного из огромных валов, перехлестнувших к нам на борт. Но нам недолго пришлось поздравлять себя; так как фок-мачта исчезла, а с нею, конечно, и фоксель, бриг, державшийся благодаря им стойко, потерял свою опору, каждый вал врывался к нам теперь целиком и в пять минут нашу палубу вымыло с носа до кормы, баркас и правая сторона укреплений были сорваны, и даже ворот был раздроблен в куски. Вряд ли, поистине, для нас было возможно быть в еще более жалком состоянии.

В полдень, казалось, буря несколько стихла, но в этом мы были прискорбно разочарованы, потому что затишье продолжалось лишь несколько минут, а буря укротилась лишь затем, чтобы возобновиться с двойным бешенством. Около четырех часов пополудни сделалось совершенно невозможно противостоять ярости вихря; и когда ночь сомкнулась над нами, у меня не было ни тени надежды, что судно сможет выдержать до утра.

В полночь мы очень глубоко погрузились в воду, которая достигала теперь до палубы кубрика. Вскоре после этого оторвался руль – вал, сорвавший его, приподнял заднюю часть брига целиком из воды, о которую она в своем нисхождении ударилась с таким сотрясением, какое бывает, когда корабль выбросит на сушу. Мы все рассчитывали, что руль выдержит до самой последней минуты, ибо он был необыкновенно крепок, будучи приспособлен так, как никогда – ни раньше, ни после – я не видал, чтобы был приспособлен руль. Вниз по главному его тимберсу шел ряд крепких железных крюков, и другие таким же образом шли вниз по стерн-посту. Через эти крюки простиралась очень толстая, выделанная из железа цепь, руль таким образом был прикреплен к стерн-посту и свободно вертелся на стержне. Страшная сила вала, который его оторвал, может быть оценена по тому обстоятельству, что крюки на стерн-посту, которые шли по нему, будучи заклеплены с внутренней стороны, были все до одного совершенно вырваны из цельного куска дерева.

Едва мы успели передохнуть после свирепости этого удара, как одна из самых чудовищных волн, какие я когда-либо видел, прямым ворвалась к нам на борт, смыла лестницу капитанской каюты, ворвалась в люки и наполнила каждый дюйм судна водой.

Глава девятая

К счастью, как раз перед ночью мы четверо привязали себя к обломкам ворота и лежали на палубе так плоско, как только это возможно. Лишь эта предосторожность спасла нас от гибели. Мы все более или менее были оглушены огромным весом воды, которая обрушивалась на нас и не скатывалась, прежде чем мы не были совершенно изнеможены. Как только я мог перевести дыхание, я громко позвал, обращаясь к моим товарищам. Ответил лишь Август: «Мы пропали, да сжалится Господь Бог над нашими душами».

Вскоре и оба другие получили способность говорить, они тотчас же начали убеждать нас ободриться, ибо еще оставалась надежда; по свойству груза было невозможно, чтобы бриг пошел ко дну, и были все вероятия за то, что буря стихнет к утру. Эти слова наполнили меня новой жизнью; ибо, как это ни может показаться странным, хоть очевидно было, что судно, нагруженное пустыми бочками для ворвани, не может затонуть, ум мой до этих пор был в таком смятении, что я совершенно просмотрел это соображение, и опасность, которую я в течение некоторого времени считал самой неминуемой, была именно опасность потопления. Когда надежда ожила во мне, я воспользовался каждою возможностью закрепить перевязи, прикреплявшие меня к обломкам ворота, и вскоре я заметил, что мои товарищи были заняты тем же. Ночь была так темна, как это только возможно, и бесполезно описывать ужасающий

кричащий грохот и смятение, которые нас окружали. Палуба наша была на одном уровне с морем, или скорее мы были окружены громоздящимся гребнем пены, часть которой каждое мгновение проносилась над нами. Не слишком много сказать, что головы наши высвобождались из воды не более чем на одну секунду из трех. Хотя мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, ни один из нас не мог видеть другого и никто из нас не мог рассмотреть какую-либо часть самого брига, на котором нас швыряло так бурно. Время от времени мы взывали один к другому, стараясь таким образом оживить надежду и доставить утешение и ободрение тем из нас, кто наиболее в них нуждался. Слабость Августа делала его предметом заботы для всех нас; и так как благодаря тому, что правая рука его была изранена, ему было невозможно сколько-нибудь прочно закрепить перевязи, мы с минуту на минуту ждали, что его унесет за борт, но оказать ему какую-либо помощь было совершенно вне возможности. К счастью, он находился в положении более достоверном, чем кто-либо другой из нас; ибо верхняя часть его тела лежала как раз под одной частью раздробленного ворота и валы, обрушиваясь на него, большей частью были ослаблены в своей ярости. В любом ином положении, нежели это (в каковое и он был брошен случайно, после того как привязал себя в месте очень незащищенном), он неизбежно погиб бы до наступления утра. Благодаря тому обстоятельству, что бриг лежал на боку во всю свою длину, мы менее были подвержены опасности быть смытыми, чем это было бы в ином случае. Уклон, как я раньше говорил, был к левой стороне судна, палуба приблизительно наполовину была все время под водой. Валы поэтому, ударявшие нас с правой стороны, были в значительной степени ослабляемы боком судна, достигая нас лишь частью, ибо мы лежали плашмя, лицом вниз, между тем как валы, приходившие с левой стороны и бывшие тем, что называется водой заднего хода, мало имели возможности ухватиться за нас по причине нашего положения и не имели таким образом достаточной силы, чтобы снести нас с наших мест.

В этом страшном положении мы лежали до тех пор, когда забрезживший день показал нам более полно окружавшие нас ужасы. Бриг был не более как большой чурбан, качавшийся из стороны в сторону по прихоти каждой волны; вихрь все увеличивался, если он мог еще увеличиваться, и поистине дул как настоящий ураган. Никакой земной возможности спасения нам не представлялось.

В течение нескольких часов мы соблюдали молчание, ожидая каждую минуту, что наши перевязи порвутся, обломки ворота полетят за борт или что какой-нибудь огромный вал, один из тех, которые ревели по всем направлениям вокруг нас и над нами, вгонит остов корабля так далеко под воду, что мы затонем, прежде чем он успеет подняться на поверхность. Милосердием Божиим, однако, мы были предохранены от этих неминуемых опасностей и около полудня были обласканы светом благословенного солнца.

Вскоре после этого мы могли заметить значительное уменьшение в силе ветра, и тут в первый раз после вчерашнего вечера Август заговорил и спросил Питерса, который лежал всех ближе к нему, думает ли он, что есть какая-нибудь возможность, чтобы мы спаслись. Так как сперва никакого ответа на этот вопрос не последовало, мы заключили, что индеец затонул там, где лежал; но вот к великой нашей радости он заговорил, хотя и очень слабым голосом, и сказал, что очень страдает, ибо перевязи, туго затянутые поперек живота, так его режут, что или он должен найти способ распустить их, или погибнуть, потому что невозможно, чтоб он терпел дольше свое злополучие. Это повергло нас в большое смущение, ибо совершенно бесполезно было думать о том, чтобы каким-нибудь образом помочь ему, пока море продолжало хлестать на нас, как это было. Мы убеждали его сносить страдания мужественно и обещались воспользоваться первой же возможностью, какая представится, чтобы облегчить его положение. Он отвечал, что вскоре будет слишком поздно и все будет кончено, прежде чем мы сможем ему помочь; и потом, несколько минут постовав, он затих, из чего мы заключили, что он умер. По мере того как надвигался вечер, волнение в море спало настолько, что вряд ли хоть один вал ворвался на остов корабля с наветренной стороны в течение пяти минут, да и ветер в значи-

тельной степени спал, хотя он еще продолжал дуть, как суровый вихрь. Уже несколько часов я не слышал, чтобы кто-нибудь из моих товарищей заговорил, я позвал теперь Августа. Он ответил, хотя очень слабым голосом, так что я не мог различить, что он сказал. Я заговорил тогда к Питерсу и к Паркеру, но ни тот ни другой мне ничего не ответили.

Вскоре после этого я впал в состояние частичного бесчувствия, в продолжение которого самые приятственные образы проплывали в моем воображении: такие как зеленые деревья, волнообразные равнины, покрытые спелыми колосьями, проходящие хороводом танцующие девушки, отряды кавалерии и другие фантазии. Я теперь припоминаю, что во всем, проходившем перед оком моего духа, движение было представлением господствующим. Таким образом мне никогда не чудился какой-нибудь неподвижный предмет, вроде дома, или горы, или чего-нибудь подобного, но ветряные мельницы, корабли, большие птицы, воздушные шары, всадники, повозки, мчащиеся бешено, и подобные этому движущиеся предметы представляли в бесконечной смене. Когда я очнулся от этого состояния, солнце, насколько я мог приметить, стояло высоко над горизонтом. Для меня было величайшей трудностью восстановить в памяти различные обстоятельства, связанные с моим положением, и в течение некоторого времени я пребывал в твердом убеждении, что еще нахожусь в трюме брига около ящика и что тело Паркера было телом Тигра.

Когда, наконец, я вполне пришел в себя, я увидел, что дул лишь умеренный ветерок и море было сравнительно спокойно, так что заливало лишь среднюю часть корабля. Левая моя рука высвободилась из перевязи, и около локтя был сильный порез; правая рука совершенно онемела, и кисть ее, а также и вся рука чудовищно вспухли от давления веревки, которая пригнетала руку от плеча вниз. Меня очень мучила также другая веревка, проходившая вокруг поясницы и натянутая до нестерпимой степени тугости. Глянув кругом на моих товарищей, я увидел, что Питерс еще был жив, хотя толстая веревка была так туго затянута вокруг его бедер, что он казался разрезанным надвое; когда я шевельнулся, он сделал ко мне слабое движение рукой, указывая на веревку. Август не подавал никаких знаков жизни, был перегнут почти надвое поперек обломка ворота. Паркер заговорил со мной, когда увидел, что я двигаюсь, и спросил, хватит ли у меня силы высвободить его из его положения, и если бы я мог посылно собраться с духом и измыслить способ развязать его, мы еще могли бы спасти наши жизни, а иначе мы все должны погибнуть. Я сказал ему, чтобы он мужался и что я попытаюсь его освободить. Пошарив в кармане панталон, я ухватил складной нож, и после нескольких безуспешных попыток мне наконец удалось его раскрыть. Потом левой рукой я кое-как высвободил правую свою руку из пут и разрезал другие веревки, державшие меня. Попытавшись, однако, сдвинуться с моего места, я увидел, что ноги мне совершенно изменили и что ни встать я не могу, ни двинуть правой рукой в каком-либо направлении. Когда я сообщил об этом Паркеру, он посоветовал мне лежать спокойно несколько минут, держась за ворот левой рукой, чтобы дать таким образом крови время прийти в правильное обращение. Это я и сделал, онемелость тотчас же стала исчезать, и сперва я смог двигать одной ногой, потом другой и вскоре после этого частично овладел правой моею рукою. С большими предосторожностями я пополз к Паркеру, не вставая на ноги, и вскоре обрезаю на нем все перевязи; после короткого промежутка к нему также отчасти вернулось обладание членами. Теперь, не теряя времени, мы стали освобождать от веревок Питерса. Веревка сделала глубокий прорез через пояс его шерстяных панталон и через две рубашки и вошла ему в пах, из которого кровь хлынула обильно, когда мы сняли перевязи – не успели мы сдвинуть их, однако, как он заговорил и, казалось, почувствовал мгновенное облегчение, будучи способен двигаться с большею легкостью, чем я или Паркер, – это происходило, без сомнения, от истечения крови.

У нас было мало надежды, что Август придет в себя, ибо он не подавал никаких признаков жизни, но, приблизившись к нему, мы увидели, что он был в обмороке от потери крови, ибо повязки, которые мы наложили на его раненую руку, были сорваны водою; ни одна из веревок,

что привязывала его к вороту, не была настолько затянута, чтобы причинить ему смерть. Освободив его от пут и сдвинув с обломка ворота, мы положили его на сухом месте с наветренной стороны, поместив голову несколько ниже, чем тело, и все трое начали поспешно растирать ему руки и ноги. Приблизительно через полчаса он пришел в себя, хотя лишь на следующее утро явил признаки, что узнает каждого из нас и что у него достаточно силы, чтобы говорить. За то время, которое нам понадобилось, чтобы освободиться от пут, сделалось совершенно темно и облака начали сгущаться, так что мы были опять в величайшей тревоге – а вдруг опять подует сильный ветер! В этом случае ничто не могло бы спасти нас от гибели ввиду нашего полного истощения. По счастливой случайности погода продолжала быть хорошей в течение ночи, море спадало каждую минуту, и это заставляло нас надеяться на окончательное наше избавление. Легкий ветерок еще дул с северо-запада, но погода вовсе не была холодна. Август тщательно был привязан к наветренной стороне таким образом, чтобы избежать опасности при боковой качке судна соскользнуть за борт, ибо он был еще слишком слаб, чтобы самому держаться за что-нибудь. Для нас самих не представлялось такой надобности. Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, поддерживая один другого с помощью порванных веревок вокруг ворота, и измышляли способ ускользнуть из нашего страшного затруднительного положения. Мы извлекли значительное подкрепление из того обстоятельства, что сняли с себя одежду и выжали из нее воду. Когда мы после этого надели ее на себя, она показалась нам чрезвычайно теплой и приятной и в немалой степени послужила к тому, что мы почувствовали себя более сильными. Мы помогли Августу снять одежду, и, после того как выжали ее за него, он испытал то же самое облегчение.

Главными нашими страданиями были теперь муки голода и жажды, и, когда мы размышляли о средствах облегчить их, сердце падало в нас и мы даже начинали жалеть, что ускользнули от менее страшных опасностей моря. Мы старались, однако, утешить друг друга надеждою, что скоро будем подобраны каким-нибудь судном, и ободряли друг друга, убеждая сносить мужественно все злополучия, какие еще нам могут встретиться.

Забрезжило наконец утро четырнадцатого, и погода все продолжала быть тихой и ясной при стойком, но очень легком ветерке с северо-запада; море было теперь совершенно гладкое, и, так как благодаря какой-то причине, определить которую мы не могли, бриг не лежал так сильно на боку, как это было доселе, палуба сравнительно была суха, и мы могли свободно по ней двигаться. Уже более чем три дня и три ночи мы были без питья, и сделалось безусловно необходимым, чтобы мы попытались что-нибудь раздобыть снизу. Так как бриг был совершенно залит водой, мы приступили к этой работе с унынием и лишь с малым чаянием, что нам удастся что-нибудь добыть. Мы сделали некоторого рода драгу, вбив несколько гвоздей, которые выломали из остатков затвора, в два куска дерева. Связав их один поперек другого и прикрепив к концу веревки, мы опустили это сооружение в каюту и волочили его туда и сюда в надежде, что таким образом зацепим что-нибудь, что могло бы быть пригодно для еды или по крайней мере могло бы помочь нам раздобыть ее. Мы провели в этой работе большую часть утра без всякого успеха, ничего не выловив, кроме нескольких одеял, за которые гвозди легко уцеплялись. На самом деле сооружение наше было слишком неуклюже, чтобы можно было предвидеть какой-либо большой успех.

Мы направили теперь наши усилия на бак, но равно напрасно, и были уже готовы отчаяться, как Питерс предложил, чтобы мы закрепили веревку вокруг его тела и дали ему возможность попытаться раздобыть что-нибудь, нырнув в каюту. Мы приветствовали это предложение со всем восторгом, какой могла внушить оживающая надежда. Он немедленно начал раздеваться и снял с себя все, кроме панталон; надежная веревка была тщательно закреплена вокруг его поясницы и протянута потом поверх плечей таким образом, чтобы она не могла соскользнуть. Предприятие было чрезвычайно трудно и опасно, ибо мы вряд ли могли надеяться много найти в самой каюте, если там была какая-нибудь провизия, и было необходимо,

чтобы ныряльщик, после того как он опустится вниз, сделал поворот направо и прошел под водой на расстояние десяти-двенадцати футов, в узком проходе, к кладовой, и затем вернулся, не переводя дыхания.

Когда все было готово, Питерс спустился в каюту, сойдя вниз по лестнице до тех пор, пока вода не дошла ему до подбородка. После этого он нырнул вниз головой, повернул, ныряя, направо и попытался пробраться к кладовой. Первая его попытка, однако, была совершенно неудачна. Менее чем через полминуты после того, как он спустился вниз, мы почувствовали, что веревка сильно дергается (условный сигнал, указывавший, что он хочет быть поднятым вверх). Соответственно с этим мы тотчас же потянули веревку, но так неосторожно, что очень ушибли его о лестницу. Он не принес с собой ничего и не был в состоянии проникнуть далее чем в очень незначительную часть прохода, благодаря тому что ему оказалось необходимым делать постоянные усилия, чтобы не всплывать вверх к палубе. Когда он выбрался наверх, он был очень обессилен и должен был отдыхать целые четверть часа, прежде чем смог отважиться спуститься опять.

Вторая попытка была еще менее удачной, ибо он оставался так долго под водой, не подавая сигнала, что, встревожившись о нем, мы потянули его, не дожидаясь знака, и увидели, что он был почти при последнем издыхании – как он говорил, он несколько раз дергал веревкой, но мы этого не чувствовали. Это случилось, вероятно, потому, что часть веревки запуталась за перила внизу лестницы. Перила эти на самом деле были такой помехой, что мы решились, если возможно, удалить их, прежде чем продолжать осуществление нашего замысла. Так как у нас не было никаких средств разделаться с ними, кроме как применяя нашу силу, мы все сошли в воду возможно дальше по лестнице, и, после того как соединенными силами потянули их, нам удалось их сломать.

Третья попытка была так же неудачна, как и две первые, и теперь сделалось очевидным, что таким способом ничего не может быть оборудовано без помощи какой-нибудь тяжести, которая могла бы сделать ныряльщика стойким и держать его на полу каюты, в то время как он будет делать розыски.

Долгое время мы напрасно высматривали чего-нибудь, что могло бы ответить такой задаче, но наконец, к великой нашей радости, открыли, что одна из передних буревых цепей настолько расшаталась, что нам не представилось ни малейшей трудности вырвать ее. Прикрепив ее хорошенько к одной из своих щиколок, Питерс спустился теперь в каюту в четвертый раз, и на этот раз ему удалось пробраться до двери кладовой. К невыразимой своей скорби, однако, он нашел ее замкнутой на ключ и вынужден был вернуться, не войдя в нее, ибо при самом большом напряжении он не мог оставаться под водой, доходя до крайности, более чем одну минуту. Положение наше представлялось теперь воистину мрачным, и ни Август, ни я, мы не могли удержаться, чтобы не разразиться слезами, когда мы подумали о целом полчище затруднений, окружавших нас, и о малом вероятии нашего окончательного спасения. Но эта слабость не была длительной. Бросившись на колени, мы обратились к Богу, умоляя его о помощи в этих многих опасностях, осаждающих нас, и встали с обновленной надеждой и силой, чтобы подумать, что может быть еще сделано в пределах чисто смертных возможностей для достижения нашего освобождения.

Глава десятая

Вскоре после этого случилось некоторое событие, на которое я склонен смотреть как на способное внушить самое напряженное волнение, столь преисполненное крайностью сначала восторга и потом ужаса, что оно превосходит силой впечатления любой из тысячи случаев, каковые приключились со мной за девять долгих лет, заполненных происшествиями самого поразительного и, во многих случаях, самого непостижного и непостижимого характера. Мы

лежали на палубе около лестницы к главной каюте и обсуждали возможности, как бы нам все-таки проложить путь к кладовой, как вдруг, глянув на Августа, который лежал лицом ко мне, я увидел, что в одно мгновение он смертельно побледнел и что губы его дрожат самым странным и необъяснимым образом. Сильно встревоженный, я заговорил с ним, но он ничего не ответил, и я начал думать, что его внезапнохватило нездоровье, как вдруг заметил в эту минуту, что глаза его пристально устремлены по видимости на какой-то предмет, находившийся сзади меня. Я повернул голову и никогда в жизни не забуду ту иступленную радость, которая затрепетала в каждой частице моего тела, когда я увидел, что на нас плывет большой бриг, не дальше чем в двух от нас милях. Я так вскочил, как если бы пуля из мушкета внезапно пронзила мое сердце; и, простирая руки по направлению к кораблю, стоял, недвижимый, будучи не в состоянии произнести ни одного звука. Питерс и Паркер равным образом были взволнованы, хотя по-разному. Первый заплясал по палубе как сумасшедший, произнося самый необычайный вздор, перемешанный с воплями и проклятиями, в то время как другой разразился слезами и несколько минут продолжал плакать, как дитя.

Судно, представшее перед нами, было большим двуснастным бригам голландской стройки, оно было выкрашено в черный цвет с мишурно раззолоченной фигурой на носовой части. Корабль этот очевидно видел и ведал непогоду, и мы предположили, что он сильно пострадал от бури, которая оказалась столь злополучной для нас самих, ибо верхушка передней мачты у него была обломана, а равно и некоторые из укреплений с правой стороны. Когда мы впервые его увидели, он был, как я уже сказал, на расстоянии около двух миль от нас и под ветром, идя прямо на нас. Ветерок был очень легкий, и что нас главным образом удивило, это что на нем не было натянуто никаких других парусов, кроме переднего паруса и главного паруса с развевающимся кливером – треугольный парус спереди. Он подходил, конечно, очень медленно, и наше нетерпение возрастало до безумия. То, что он шел неуклюже, было также замечено всеми нами, даже при нашей возбужденности. Он так сильно рыскал, что два раза мы сочли невозможным, что он видел нас, или мы воображали, что, увидев нас и не заметив никого на борту, он готовился повернуть в другую сторону и держать путь в ином направлении. При каждом таком случае мы пронзительно кричали и вопили во все горло, неведомый корабль на мгновение, казалось, менял свое намерение и снова направлял к нам путь – это странное поведение повторялось и два, и три раза, так что наконец мы ничего иного не могли подумать, кроме того что рулевой, верно, пьян.

Ни одного человека не виднелось на палубе корабля до того, как он подошел приблизительно на четверть мили от нас. Тогда мы увидели троих моряков, которых по их одеянию мы приняли за голландцев. Двое из них лежали на каких-то старых парусах около возвышения на передней части судна, а третий, который, по-видимому, смотрел на нас с большим любопытством, опирался о бушпритную переборку с правой стороны. Этот последний был человек дюжий и рослый, с очень темной кожей. Он, как казалось, по-своему ободрял нас, убеждая иметь терпение, кивал нам головой самым веселым, хотя скорее странным, образом и непрерывно улыбался, словно затем, чтобы выставить наружу ряд блистательно белых зубов. Когда его корабль подошел ближе, мы увидели, что красная фланелевая шапка, которая на нем была надета, упала с его головы в воду, но он мало был этим озабочен или вовсе на это не обратил внимания, а все продолжал свои странные улыбки и жесты. Я рассказываю обо всем этом обстоятельно и подробно и, нужно понять, рассказываю все в точности так, как это являлось нам.

Бриг подходил медленно и теперь более стойко, чем прежде, и – я не могу спокойно говорить об этом происшествии – сердца наши безумно прыгали в нас, и мы изливали наши души в возгласах и возблагодарениях к Богу за полное, неожиданное и блистательное спасение, которое было так ощутительно. Вдруг, совершенно внезапно, над океаном от странного корабля (который был теперь совсем близко от нас) повеял запах, дохнула вонь, такая, для

которой в целом мире нет ни имени, ни даже понятия, – смрад адский, предельно удушливый, нестерпимый, невообразимый. Я раскрыл рот, задыхаясь, и, обернувшись к моим товарищам, увидел, что они бледнее мрамора. Но у нас не оставалось времени для вопросов или догадок – бриг был в пятидесяти шагах от нас и, казалось, намеревался набежать под наш подзор, чтобы мы могли взойти на его борт, не предоставляя ему надобности спускать лодку. Мы ринулись на заднюю часть нашего судна, как вдруг этот корабль рыскнул на большое расстояние и его отшвырнуло на полных пять или шесть градусов от направления, в котором он плыл; он прошел под нашу кормой на расстоянии приблизительно двадцати футов, и пространство его палуб явилось нам сполна. Забуду ли я когда тройной ужас этого зрелища? Двадцать пять или тридцать человеческих тел, среди них было несколько женских, лежали там и сям разбросанные между подзором и кухней, в последнем и самом отвратительном состоянии разложения. Мы явственно видели, что ни одной живой души не было на этом, судьбой отмеченном, корабле. И все же мы не могли не кричать, взывая к мертвым о помощи! Да, долго и громко молили мы, в попытке мгновенья, чтобы эти молчащие и отвратные лики остановились для нас, не покидали бы нас, предоставили нам сделаться подобными же, приняли бы нас в свое счастливое сообщество! Мы исступленно кричали, качая в душе свой ужас и отчаяние, – сумасшедшие, умиленные, побежденные нашей тоской от прискорбного разочарования.

Когда первый громкий пронзительный вопль страха вырвался у нас, что-то ответило нам с переднего выступа судна, столь подобное вскрику человеческого голоса, что самое чуткое ухо, поразившись, обманулось бы. В это мгновение другой внезапный скачок, и рыскнувший бриг целиком явил нам на миг область передней своей части с ее возвышением, и мы тотчас увидели, откуда исходил звук.

Мы увидели рослую дюжую фигуру, все продолжавшую прислоняться к бушпритной переборке и все еще кивавшую головой туда и сюда, но лицо этого человека было теперь отвлечено от нас так, что мы не могли его видеть. Руки были протянуты над перилами, ладони рук упали вовне. Колени его опирались о толстый канат, туго натянутый и достигающий от заднего конца бушприта до крамбола. На спине его, с которой часть рубашки была сорвана, так что она была обнаженной, сидела огромная океанская чайка, поспешно клюя и глотая эту ужасающую плоть, ее клюв и когти были глубоко запрятаны туда, а белые ее перья были сплошь обрызганы кровью. Когда бриг медленно продвинулся дальше кругом, так что мы в тесной предстали близости, птица с большою видимой трудностью высвободила алую свою голову и, осмотрев нас, как бы изумленная, лениво поднялась с тела, на котором она пировала, и пролетела прямо над нашей палубой, над которой она парила с минуту, держа в своем клюве что-то, как печень, темно-красное, какой-то кровавый сгусток. Ужасающий кусок упал, наконец, зловеще сбрызнув как раз у ног Паркера. Да простит мне Бог, но теперь, в первый раз в уме моем молнией вспыхнула мысль, мысль, о которой я не упомяну, и я почувствовал, что я шагнул к окровавленному месту. Я глянул вверх, и глаза Августа повстречали мои с таким напряженным горящим выражением, что разум мой мгновенно вернулся ко мне. Я быстро прыгнул вперед и с глубоким трепетом швырнул это ужасающее нечто в море.

Тело, из которого был вырван тот кусок, покоясь на канате, качалось легко взад и вперед под усилиями хищной птицы, и это-то движение сначала внушило нам впечатление, что существо это было живое. Когда чайка освободила его от своей тяжести, оно колыхнулось и запало вперед, так что лицо предстало целиком. Никогда, воистину, не было какого-либо предмета, столь страшно преисполненного ужасом! Глаз на нем не было, вся плоть вокруг рта была съедена, и зубы были совершенно наги. Так это-то была улыбка, которой он нас приветствовал, приглашая надеяться! Так это-то... – но я умолкаю. Бриг, как я уже сказал, прошел под нашей кормой и медленно, но стойко, направился к подветренной стороне. С ним и со страшным его экипажем ушли все наши светлые видения спасения и радости. Он уходил медленно, и мы могли бы найти средство пристать к нему, если бы не наше мгновенное разочарование и

не устрашающее свойство открытия, его сопровождавшее, – и тем и другим мы были как бы повержены ниц и на время лишились всякой действенности духа и тела. Мы видели и чувствовали, но мы не могли ни думать, ни действовать, пока не было, увы, слишком поздно. Насколько разум был в нас ослаблен этим событием, может быть оценено по тому обстоятельству, что, когда судно отошло так далеко, что мы могли видеть лишь наполовину его остов, среди нас совсем серьезно поддерживалось предложение перехватить корабль, достигши его вплавь.

Тщетно пытался я с тех пор найти какой-нибудь ключ к чудовищной недостоверности, которой в своем роке был окутан этот чуждый гость. Стройка и общий лик корабля, как я раньше сказал, заставили нас думать, что это было голландское купеческое судно, и одежда на матросах подкрепляла такое предположение. Мы могли бы легко рассмотреть имя на корме и, конечно, сделать еще другие наблюдения, которые помогли бы нам определить его характер, но напряженное возбуждение мгновенья ослепило нас для чего бы то ни было в этом роде. По шафранно-желтому цвету тех из тел, что еще не были в полном разложении, мы заключили, что все сообщество погибло от желтой лихорадки или от какого-либо другого ядовитого недуга того же самого страшного разряда. Если таков был случай (а я не знаю, что другое можно вообразить), смерть, судя по положению тел, должна была прийти на них способом ужасающе внезапным и захватывающим, путем, совершенно отличным от тех, что вообще определительны даже для самых смертельных поветрий, с которыми знакомо человечество. Возможно, на самом деле, что яд, случайно введенный в какой-нибудь из их морских запасов, мог вызвать злополучие; или что рыбы они поели какой-то неведомой, породы отравной, или другого какого морского животного, или птицы океанской – но что говорить? Совсем бесполезно гадать и строить догадки там, где все окутано и будет, без сомнения, навсегда окутано самой страшной и неисследимой тайной.

Глава одиннадцатая

Мы провели остаток дня в состоянии летаргического оцепенения, пристально смотря за удаляющимся кораблем, пока темнота, скрыв его от наших глаз, до некоторой степени не привела нас в чувство. Муки голода и жажды возвратились тогда, поглотив все другие заботы и помыслы. Ничто, однако, не могло быть предпринято до утра, и, помогая друг другу как могли, мы постарались хоть немного отдохнуть. Это удалось мне вопреки моим ожиданиям. Я спал, пока мои товарищи, которые не были столь счастливы, не подняли меня на рассвете, чтобы возобновить наши попытки достать провизию из кузова судна.

Теперь была мертвая тишь, море было такое гладкое, каким я его никогда не видал, – погода была теплая, приятная. Бриг скрылся из виду. Мы принялись за осуществление нашей мысли, с некоторым трудом вырвали другую цепь и привязали обе Питерсу к ногам. Он сделал вторичную попытку достичь двери в кладовую, думая, что сможет взломать ее, если у него будет достаточно времени; и это он надеялся сделать, ибо кузов был гораздо более стойким, чем раньше.

Ему удалось очень скоро достигнуть двери, тут, отвязав от щиколок одну из цепей, он с помощью ее стал пытаться проложить путь, но безуспешно, ибо сруб комнаты был гораздо крепче, нежели можно было предвидеть. Он был совершенно истомлен своим продолжительным пребыванием под водой, и было безусловно необходимо, чтобы кто-либо другой из нас заменил его. Паркер тотчас согласился это сделать, но после трех безуспешных попыток увидел, что ему не удастся даже достичь двери. Состояние раненой руки Августа делало его неспособным к попытке спуститься вниз, так как он был бы не в силах взломать дверь в комнату, если бы даже достиг ее, и, согласно этому, теперь досталось мне напрячь все силы для нашего общего спасения.

Питерс оставил одну из цепей в проходе, и я, нырнув туда, заметил, что у меня недостаточно балласта, чтобы держаться крепко стоя. Я решил поэтому при первой моей попытке не стараться достичь чего-либо особого, кроме как отыскать другую цепь. Ощупывая пол прохода, я почувствовал что-то твердое, что я тотчас захватил, не имея времени удостовериться в том, что это было, и тотчас же вынырнул на поверхность. Добыча оказалась бутылкой, и радость нашу можно представить, если я скажу, что это была полная бутылка портвейна. Возблагодарив Бога за такую своевременную и радостную помощь, мы немедленно вытащили пробку моим карманным ножом, и каждый, сделав по небольшому глотку, почувствовал самое неопишное благосостояние теплоты, силы и оживления. Потом мы осторожно закупорили бутылку и с помощью носового платка повесили ее так, чтобы она не могла разбиться.

Пробыв некоторое время после этой счастливой находки наверху, я спустился вторично и теперь нашел цепь, с которой тотчас поднялся кверху. Тут я прикрепил ее и спустился вниз в третий раз, и тогда я вполне убедился, что, несмотря ни на какие усилия, мне не удастся выломать дверь кладовой. Итак, я с отчаянием вернулся назад.

По-видимому, не оставалось более никакой надежды, и я мог заметить по лицам моих товарищей, что они приготовились погибнуть. Вино, очевидно, вызвало в них род бреда, которого, может быть, я избежал тем, что погрузился в воду, после того как испил вина. Они говорили несвязно и о вещах, не имевших отношения к нашему положению. Питерс повторно задавал мне вопросы о Нантукете. Август также, помню, подошел ко мне с серьезным видом и попросил меня одолжить ему карманную гребенку, ибо волосы у него были полны рыбьей чешуи и он хотел удалить ее прежде, чем вступить на берег. Паркер показался мне менее возбужденным, он поощрял меня нырнуть наудачу еще раз в каюту и принести наверх что-нибудь, что попадется мне под руку. Я согласился на это, и при первой попытке, оставаясь внизу добрую минуту, принес маленький чемодан, принадлежавший капитану Барнарду. Он был тотчас открыт в робкой надежде, что может заключать в себе что-нибудь, что можно съесть или выпить. Мы не нашли ничего, однако, кроме ящика с бритвами и двух полотняных рубашек. Тогда я еще раз спустился вниз и возвратился без всякого успеха. Когда голова моя была над водой, я услышал на палубе треск и, выйдя из воды, увидел, что товарищи мои неблагодарно воспользовались моим отсутствием, чтобы выпить остаток вина, и уронили бутылку, стараясь приспособить ее на место прежде, нежели я ее увижу. Я стал упрекать их в бессердечии, и тут Август разразился слезами. Другие двое пытались хохотать, обратив все в шутку, но я надеюсь, что никогда больше не услышу и не увижу подобного хохота: искажение их лиц было поистине ужасающим. Конечно, было очевидно, что возбуждительное при состоянии пустоты желудков имело мгновенное и сильное воздействие и что они все были чрезвычайно пьяны. С большим трудом я убедил их лечь, и они очень скоро погрузились в тяжелый сон, сопровождавшийся громким храпом.

Теперь я как будто был один на бриге, и мои размышления поистине были самого ужасного и мрачного характера. Никакой возможности не представлялось моему взгляду, кроме медленной смерти от голода или, в лучшем случае, от того, что мы были бы затоплены с наступлением первой бури, которая могла налететь, ибо при нашем настоящем состоянии истомления мы не могли питать надежды, что переживем бурю еще раз.

Грызущий голод, который я теперь испытывал, был почти нестерпим, и я чувствовал себя способным дойти до любой крайности, чтобы утолить его. Я отрезал своим ножом маленький кусок от кожаного чемодана и попытался есть его, но нашел совершенно невозможным проглотить хоть один-единственный кусочек, хотя мне казалось, что получалось какое-то небольшое облегчение страданий, когда я жевал маленькие кусочки и выплевывал их. К вечеру товарищи мои проснулись один за другим, каждый в неопишмом состоянии слабости и ужаса, вызванных вином, пары которого теперь улетучились. Они тряслись, как в сильной перемежающейся лихорадке, и издавали самые жалобные вопли о воде. Их состояние волновало меня в вели-

кой степени, в то же время заставляя меня радоваться на счастливое стечение обстоятельств, помешавших мне усладиться вином и, следовательно, разделить их меланхолию и самые смутительные ощущения. Их поведение, однако, исполняло меня большой тревогой и озабоченностью, ибо было очевидно, что, если не настанет какая-либо благоприятная перемена, они не смогут оказывать мне помощи в заботах о нашем общем благополучии. Я еще не оставил мысли, что смогу достать что-нибудь снизу, но попытку эту невозможно было выполнить до тех пор, пока кто-либо из них достаточно не овладел бы собой, дабы помочь мне, держа конец веревки, когда я буду спускаться вниз. Паркер, по-видимому, пришел в себя более, чем другие, и я попытался всевозможными средствами подбодрить его. Думая, что погружение в морскую воду может иметь благоприятное воздействие, я ухитрился закрепить конец веревки вокруг его тела и потом, приведя его к лестнице около каюты (он был совершенно покорным все это время), столкнул его туда и тотчас вытащил назад. Я имел основание поздравить себя с тем, что сделан этот опыт, ибо Паркер, казалось, немного ожил и окреп и, выйдя из воды, спросил меня осмысленно, почему я так поступил с ним. Когда я объяснил ему мою цель, он выразил мне признательность и сказал, что чувствует себя гораздо лучше после купания, потом он здраво заговорил о нашем положении. Мы решили тогда поступить тем же способом с Августом и Питерсом, что и сделали тотчас же, и они оба испытали большую пользу от этого потрясения. Мысль эта о внезапном погружении в воду была внушена мне чтением некоторых медицинских книг, где говорилось о хорошем действии душа в тех случаях, когда больной страдал запоем.

Думая, что я могу теперь доверить моим товарищам держать конец веревки, я сделал еще три или четыре нырка в каюту, хотя было уже совершенно темно и легкое, но длительное волнение с северной стороны делало корпус корабля шатким. Во время этих попыток мне удалось раздобыть два поварских ножа, пустую кружку в три галлона и одеяло, но ничего, что могло бы служить нам пищей. Я продолжал свои старания и после того, как достал все эти вещи, пока не истомился совершенно, но не принес больше ничего. В продолжение ночи Паркер и Питерс попеременно занимались тем же, но им ничего не попадалось под руку, и мы прекратили старания, в отчаянии заключив, что истощаем себя напрасно.

Остаток ночи мы провели в состоянии самой напряженной умственной и телесной тревоги, какую только можно себе представить. Утро шестнадцатого наконец забрезжило, и мы пожирали глазами горизонт в жажде помощи, но напрасно. Море продолжало быть гладким, только с длительной зыбью с севера, как и вчера. Это был шестой день с тех пор, как мы не дотрагивались ни до пищи, ни до питья, за исключением портвейна, и было ясно, что мы сможем выдержать лишь немного долее, разве только что нам удастся что-нибудь достать. Я никогда не видал, и не хотел бы увидеть еще раз, людей столь изнуренных, как Питерс и Август. Если бы я встретил их на берегу в их теперешнем состоянии, я не мог бы иметь ни малейшего подозрения, что я когда-либо их видел. Их внешность была совершенно изменена в своем характере, так что я не мог убедить себя, что это действительно те же самые люди, с которыми я был вместе лишь несколько дней тому назад. Паркер, хотя и прискорбно исхудавший и до того слабый, что не мог поднять головы с груди, все же не зашел столь далеко, как эти двое. Он страдал с большим терпением, не жалуясь и стараясь вдохновить нас надеждой всяческими способами, какие только он мог измыслить. Что касается меня, то, хотя в начале путешествия я находился в дурных условиях и был всегда слабого телосложения, я страдал менее, чем кто-либо из нас, гораздо менее похудел и в поразительной степени сохранял присутствие духа, меж тем как остальные были в полной умственной изнеможенности и, казалось, как бы впали в некоторого рода вторичное детство. Они обыкновенно идиотски подмигивали, говоря что-нибудь, а говорили они самые нелепые плоскости. В некоторые перерывы они, казалось, внезапно воскресали, как бы вдохновленные сознанием своего положения; тогда они вскакивали на ноги с внезапной вспышкой силы и говорили некоторое время о своих чаяниях вполне разумным образом, хотя с самым напряженным отчаянием. Возможно, однако, что мои това-

рищи имели то же самое мнение о своем собственном поведении, как я о моем, и что я мог быть невольно повинен в тех же причудах и тупоумии, как и они сами, – это обстоятельство не может быть определено.

Около полудня Паркер объявил, что видит землю с левой кормовой стороны судна, и только с величайшей трудностью я мог удержать его от прыжка в море, ибо он намеревался доплыть до нее. Питерс и Август мало обращали внимания на то, что он говорил, погруженные, по-видимому, в своенравное свое созерцание. Смотри в указанном направлении, я не мог различить ни малейшего подобия берега – конечно, было слишком ясно, что мы находились далеко от какой-либо земли, чтобы льстить себя надеждой такого рода. Тем не менее потребовалось много времени, прежде нежели я смог убедить Паркера, что он ошибается. Он залился тогда слезами, плача как дитя, с громкими вскриками и рыданиями в продолжение двух-трех часов, после чего, истомившись, он уснул.

Питерс и Август делали теперь напрасные усилия глотать куски кожи. Я посоветовал им жевать их и выплевывать; но они были слишком расслаблены, чтобы быть способными последовать моему совету. Я продолжал время от времени жевать кусочки и, делая это, находил некоторое облегчение; мои главные страдания проистекали от жажды, и хлебнуть из моря, мешало лишь воспоминание об ужасных последствиях, испытанных другими, находившимися в подобном же положении.

День проходил таким образом, как вдруг я увидел парус на востоке с левой стороны корабля спереди. Казалось, это было большое судно, которое шло приблизительно наперерез к нам, на расстоянии, вероятно, двенадцати-пятнадцати миль. Ни один из моих товарищей до сих пор не видел его, и я воздерживался сказать им о нем до поры до времени, чтобы еще раз нам не отчаяться в спасении. Наконец, когда корабль приблизился, я совершенно ясно увидел, что он держал путь прямо на нас с легкими своими парусами, надутыми ветром. Теперь я не мог дольше сдерживать себя и указал на него моим товарищам по несчастью. Они мгновенно вскочили на ноги и опять предались самым необычайным изъяслениям радости, плакали, смеялись по-идиотски, прыгали, топали по палубе, рвали на себе волосы, молились и проклинали попеременно. Я так был взволнован их поведением, а равно и тем, что я считал верным чаянием спасения, что не мог удержаться, дабы не присоединиться к их безумию, и дал полный простор взрывам благодарности и иступлению, валяясь и катаясь по палубе, хлопая в ладоши, крича и делая другие подобные вещи, пока наконец внезапно не опомнился и еще раз к величайшему злополучию и отчаянию, какое возможно для человека, не увидел, что корабль весь своею кормой предстал целиком перед нами и плыл в направлении, почти противоположном тому, в каком я заметил его впервые.

Мне нужно было некоторое время, прежде чем я смог убедить моих бедных товарищей поверить, что такая прискорбная превратность наших чаяний совершилась. На все мои утверждения они отвечали изумленным взглядом и жестами, подразумевавшими, что они не были введены в заблуждение моим ложным толкованием. Поведение Августа самым чувствительным образом подействовало на меня. Несмотря на все то, что я мог сказать и сделать, он настойчиво говорил, что корабль быстро приближался к нам, и делал приготовления, чтобы перейти на его борт. Морские поросли плавали около брига, он утверждал, что это лодка с корабля, и пытался броситься туда, воя и крича душераздирающим образом, когда я насильно удержал его, чтобы он не бросился в море.

Успокоившись до некоторой степени, мы продолжали следить за кораблем, пока, наконец, не потеряли его из виду совсем. Погода становилась мглистой, поднимался легкий ветер. Как только корабль совсем скрылся, Паркер вдруг обернулся ко мне с таким выражением лица, от которого я содрогнулся. Было что-то в нем, указывавшее на самообладание, которого я не замечал в нем до сих пор, и, прежде нежели он открыл рот, мое сердце подсказало мне, что он

хотел сказать. Он предложил мне в нескольких словах, что один из нас должен умереть, чтобы сохранить жизнь другим.

Глава двенадцатая

В течение некоторого времени я размышлял ранее о возможности того, что мы будем доведены до такой последней ужасающей крайности, и втайне решился претерпеть смерть в какой бы то ни было форме или при каких бы то ни было обстоятельствах, скорее нежели прибегнуть к такому средству. И это решение нисколько не было ослаблено напряженностью голода, меня терзавшего. Предложение это не было услышано ни Августом, ни Питерсом. Я отвел поэтому Паркера в сторону; и, мысленно воззвав к Богу, чтобы он дал мне силу отговорить его от ужасного намерения, которое он замыслил, я долгое время говорил с укоризной и самым просящим образом, моля его во имя всего, что он считал святым, и убеждая его всяческого рода доводами, какие только внушала крайность случая, оставить эту мысль и не сообщать ее ни одному из двух других.

Он слушал все, что я говорил, не пытаюсь опровергнуть мои доводы, и я начал надеяться, что на него можно будет оказать давление и заставить его сделать так, как я хотел. Но, когда я кончил, он сказал, что он очень хорошо знает: все, что я говорю, верно, и прибегнуть к такому средству – это самый ужасающий выбор, какой мог возникнуть в человеческом уме; но что он терпел так долго, как только может вынести человеческая природа, что вовсе не было для всех необходимости погибать, если было возможно и даже вероятно через смерть одного в конце концов сохранить в живых остальных; он прибавил, что я мог не беспокоиться и не пытаться отговорить его от его намерения, ибо он на этот счет уже совершенно приготовился еще до появления корабля, и что лишь его возникновение у нас на виду удержало его от упоминания об этом намерении.

Я молил его теперь, если его нельзя было убедить оставить это намерение, по крайней мере отложить его до другого дня, когда какое-нибудь судно могло прийти к нам на помощь, опять повторяя всяческие доводы, какие я мог измыслить и о которых я думал, что они могут оказать влияние на человека со столь грубым нравом. Он сказал в ответ, что он не стал бы говорить до самого крайнего возможного мгновения; что он не может больше существовать без какой-либо пищи, и что поэтому на другой день его предложение было бы слишком запоздалым, по крайней мере поскольку это касалось его.

Видя, что его ничто не трогает, что бы я ни говорил в кротком тоне, я прибег к совершенно иной хватке и сообщил ему, что он должен был знать, что я менее других страдал от наших несчастий, что мое здоровье и сила, следовательно, были в это время гораздо лучше, чем у него самого или у Питерса и Августа, одним словом, что я в состоянии, если найду это необходимым, применить свою силу; и что, если он попытается каким-нибудь способом сообщить другим о своих кровожадных и людоедских намерениях, я не буду колебаться и брошу его в море. После этого он мгновенно схватил меня за горло и, вытащив нож, сделал несколько недействительных усилий вонзить его мне в живот – злодейство, которое он не мог совершить лишь благодаря своей крайней слабости. В то же время, дойдя до высшей степени гнева, я теснил его к краю корабля с настоящим намерением бросить его через борт. Он был, однако, спасен от этого рока вмешательством Питерса, который приблизился и разъединил нас, спрашивая о причине ссоры. Паркер сказал об этом прежде, нежели я мог найти способ как-нибудь помешать ему.

Действие этих слов было еще ужаснее, чем я предполагал. Оба, Август и Питерс, по-видимому, долго таили ту же самую страшную мысль, которой Паркер лишь первый дал ход, они присоединились к нему в его намерении и настаивали на немедленном его выполнении. Я рассчитывал, что по крайней мере один из двоих, обладая еще присутствием духа, примет мою

сторону, восставая против каких-либо попыток привести в исполнение этот ужасный замысел; а при помощи кого-либо одного из них я был бы способен предупредить выполнение этого намерения. Так как я был разочарован в этом ожидании, сделалось безусловно необходимым, чтобы я сам позаботился о своей собственной безопасности, ибо дальнейшее сопротивление с моей стороны, возможно, стало бы рассматриваться матросами, в их теперешнем страшном положении, достаточным извинением, чтобы отказать мне сыграть благоприятную роль в трагедии, которая, как я знал, быстро разыграется.

Я сказал им тогда, что я охотно подчинюсь предложению и лишь прошу часа отсрочки, дабы туман, собравшийся вокруг нас, имел возможность рассеяться, и тогда было бы возможно, что корабль, который мы видели, опять показался бы. После большого затруднения я получил от них обещание подождать час; и, как я предвидел, благодаря быстро подходящему свежему ветру, туман рассеялся до истечения часа, но, так как никакого судна не показалось, мы приготовились вынимать жребий.

Я с крайним отвращением останавливаюсь на последовавшей, затем ужасающей сцене; сцене, которую, со всеми ее мельчайшими подробностями, никакие последующие события не способны были изгладить ни в малейшей степени из моей памяти и мрачные воспоминания о которой будут отравлять каждое будущее мгновение моего существования. Да позволено мне будет так быстро рассказать эту часть моего повествования, как только позволит свойство описываемых событий. Единственный способ этой ужасающей лотереи, в которой каждый имел свой случай и риск, это вынимать жребий. Данной задаче должны были отвечать небольшие лучинки, и было условлено, что буду их держать я. Я удалился в один конец корпуса корабля, между тем как бедные мои сотоварищи безмолвно заняли свои места в другом конце, повернув ко мне спины. Самая горькая тревога, испытанная мною в какое-либо время этой страшной драмы, овладела мной, когда я был занят приведением в порядок жребиев. Мало есть таких состояний, попавши в которые человек не будет чувствовать глубокого интереса к сохранению своего существования; интереса, который с минуты на минуту усиливается вместе с хрупкостью связи, каковою это существование может быть поддержано. Но теперь безмолвный, определенный и мрачный характер того дела, которым я был занят (столь непохожего на тревожные опасности бури или на постепенное приближение ужасов голода), позволял мне размышлять о малой возможности для меня ускользнуть от самой ужасающей из смертей – от смерти для самой ужасающей из целей, – и каждая частица той энергии, которая так долго меня поддерживала как бы на поверхности бурных вод, улетела, как пух под ветром, оставляя меня беспомощной жертвой самого низкого и самого жалкого страха. Я не мог сначала даже собрать настолько силы, чтобы отломить и приспособить несколько лучинок, пальцы мои безусловно отказывались от исполнения этой обязанности, а колени с силой сталкивались одно о другое. Ум мой быстро пробежал тысячу нелепых проектов, с помощью которых я мог бы уклониться от необходимости сделаться участником в этом чудовищном замысле. Я думал о том, что мне нужно броситься на колени перед моими сотоварищами и умолять их позволить мне ускользнуть от этой необходимости; я хотел внезапно ринуться на них и, убивши одного из них, сделать вынимание жребия бесполезным – словом, я думал о чем угодно, лишь не о том, чтобы сделать вот это, что у меня было на очереди. Наконец, после того как я провел много времени в этом тупоумном колебании, я был возвращен к здравому смыслу голосом Паркера, понуждавшего меня вывести их тотчас из страшной тревоги, которую они претерпевали. Но даже и тогда я не мог заставить себя тотчас же подобрать лучинки, а стал думать о всякого рода ухищрениях, с помощью которых я мог бы сплутовать и заставить кого-нибудь из моих товарищей по мучению вытянуть короткую лучинку, ибо было условлено, что, кто вытянет из моей руки самую короткую лучинку, число которых было четыре, тот должен умереть для спасения остальных. Прежде чем кто-нибудь осудит меня за это видимое бессердечие, пусть поставит себя в положение, совершенно подобное моему.

Наконец отсрочка сделалась невозможной, и, с сердцем, почти вырывавшимся из груди, я приблизился к передней части корабля, где ждали меня мои товарищи. Я протянул руку с лучинками, и Питерс тотчас вытянул одну. Он был свободен – его лучинка, по крайней мере, не была самой короткой; и теперь было еще новое данное против моего спасения. Я собрался с силами и протянул жребий Августу. Он тоже вытянул тотчас же, и он тоже был свободен; и теперь я должен был или жить, или умереть, данные были как раз равны. В это мгновение вся свирепость тигра кипела у меня в груди, и я чувствовал к моему бедному ближнему, к Паркеру, величайшую, самую дьявольскую ненависть. Но это ощущение не было длительным; и наконец, с судорожным трепетом и закрыв глаза, я протянул к нему две оставшиеся лучинки. Прошло целых пять минут, прежде нежели он смог решиться вытянуть жребий; и все время, пока длилось сердце разрывающее промедление, я ни разу не открыл глаза. Вот, наконец, один из двух жребиев был быстро вытянут из моей руки. Приговор свершился, но я еще не знал, был ли он за меня или против меня. Никто не говорил ни слова, и все же я еще не смел посмотреть на лучинку, которую держал в руке. Питерс наконец взял меня за руку, и я принудил себя поднять голову и взглянуть, и тотчас же увидел по лицу Паркера, что я был спасен и что это ему было суждено пострадать. Раскрыв рот и задыхаясь, я без чувств упал на палубу.

Я очнулся от моего обморока вовремя, чтобы увидеть свершение трагедии, закончившейся смертью того, кто сам был главным ее орудием. Он не оказал никакого сопротивления и, заколотый в спину Питерсом, мгновенно пал мертвым. Я не буду останавливаться на страшном пиршестве, которое за этим последовало. Можно вообразить подобное, но слова не имеют власти напечатлеть в уме изысканный ужас такой действительности. Да будет достаточно сказать, что, укротив до некоторой степени снедавшую нас бешеную жажду кровью жертвы и, по общему согласию, бросив в море отрубленные руки, ноги и голову вместе с вырезанными внутренностями, мы пожрали остаток тела по кускам в продолжение четырех навеки памятных дней семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого числа сего месяца.

Девятнадцатого набежал ливень, который длился пятнадцать или двадцать минут, и мы ухитрились собрать несколько воды с помощью простыни, выловленной нами из каюты нашей драгой как раз после бури. Все, что мы собрали, не превышало полгаллона; но даже этот скудный запас придал нам сравнительно много силы и надежды.

Двадцать первого мы снова были доведены до последней крайности. Погода продолжала быть теплой и приятной, время от времени возникали туманы и дул легкий ветерок, по большей части с севера к западу.

Двадцать второго, когда мы сидели, тесно прижавшись друг к другу и мрачно размышляя о нашем жалостном положении, в моем мозгу внезапно блеснула мысль, которая вдохнула в меня яркий луч надежды. Я вспомнил, что, когда фок-мачта была срублена, Питерс, находившийся в наветренной стороне у грот-русленей, передал мне в руки один из топоров, прося меня положить его, если возможно, в надежное место, и что за несколько минут до того, как последним сильным ударом моря опрокинуло и залило бриг, я отнес этот топор в бак и положил его на одну из коек бакборта. Я думал, что, если мы достанем этот топор, нам будет возможно прорубить дек над кладовой и таким образом снабдить себя провизией.

Когда я сообщил об этом плане моим товарищам, они издали слабый вскрик радости, и мы все двинулись к баку. Трудность спуститься здесь была более велика, чем пройти в каюту, ибо отверстие было гораздо меньше; нужно припомнить, что весь сруб над люком возле капитанской каюты был стащен прочь, между тем как проход к баку, который был простым люком около трех квадратных футов, остался нетронутым. Я не поколебался, однако, сделать попытку спуститься; и с канатом, обвязанным вокруг моего тела, как и прежде, я смело нырнул туда ногами вперед, поспешно направился к койке и, при первой же попытке, принес наверх топор. Он был приветствуем величайшим исступлением радости и торжества, и та легкость, с которой он нам достался, была сочтена за предзнаменование нашего окончательного спасения.

Мы начали теперь прорубать дек со всей энергией вновь воспламенившейся надежды. Питерс и я, мы брались за топор по очереди, ибо раненая рука Августа не позволяла ему сколько-нибудь помогать нам. Так как мы были еще столь слабы, что с трудом могли стоять не держась и, следовательно, могли работать только минуту или две не отдыхая, скоро сделалось очевидным, что потребуются много долгих часов, дабы закончить нашу работу – то есть прорубить отверстие, достаточное, чтобы дать свободный проход к кладовой. Это соображение, однако, не лишило нас мужества, и, после того как мы работали всю ночь при свете луны, нам удалось осуществить наше намерение с наступлением дня, двадцать третьего числа.

Питерс вызвался сойти вниз и, сделав все приготовления, как и раньше, спустился и вскоре вернулся с небольшой банкой, которая к нашей великой радости оказалась наполненной оливками. Разделив их между собой и пожрав все с величайшей жадностью, мы еще раз спустили Питерса вниз. На этот раз ему удалось превзойти наши величайшие надежды, ибо он тотчас вернулся с большим окороком ветчины и бутылкой мадеры. Этой последней каждый из нас хлебнул по малому глотку, ибо мы знали по опыту опасные последствия того, что будет, если позволить себе много. Окорок, кроме каких-нибудь двух фунтов около кости, был несъедобен, ибо совершенно был испорчен соленой водою.

Пригодная часть была разделена между нами. Питерс и Август, не способные сдерживать свой голод, в тот же миг проглотили свою долю, я же был осторожнее и съел лишь маленький кусок моей доли, боясь жажды, которая, я знал, последует. Затем мы отдыхали некоторое время от нашей работы, которая была нестерпимо трудной.

Около полудня, чувствуя себя немного окрепшими и освеженными, мы еще раз возобновили нашу попытку доставать провизию, Питерс и я попеременно спускались вниз более или менее успешно, и так до заката солнца. В продолжение этого промежутка времени мы имели счастье принести всего-навсего четыре маленькие банки оливок, другой окорок, большую бутылку, содержащую около трех галлонов чудесной мадеры, и, что доставило нам еще более удовольствия, небольшую черепаху из породы галапаго – несколько таких черепах было взято на борт капитаном Барнардом, когда «Грампус» выходил из гавани, со шхуны «Мэри Пигтс», которая как раз возвращалась с ловли тюленей в Тихом океане.

В последующей части этого повествования мне часто придется говорить о черепахе этого рода. Ее находят главным образом, как это знает большинство моих читателей, на группе островов, называемых Галапагосские, название, которое произошло от имени животного – испанское слово «галапаго» значит пресноводная черепаха. По особенностям внешнего вида и способу двигаться черепаху эту иногда называют слоновой черепахой. Часто эти черепахи бывают огромных размеров. Я сам видел нескольких, которые могли весить от ста двадцати до ста пятидесяти фунтов, хотя я не припомню, чтобы какой-либо мореплаватель видел таких, которые весили бы более восьмисот фунтов. Их внешний вид страшен и даже отвратителен. Шаги их очень медленные, туловище их тащится около фута над землей. Шея у них длинная и чрезвычайно тонкая: от восемнадцати дюймов до двух футов очень обычная длина, и я убил одну, у которой расстояние от плеча до конечности головы было не менее чем три фута десять дюймов. Голова у них имеет поразительное сходство с головой змеи. Они могут существовать без пищи почти невероятно долгое время; знают случаи, когда они были брошены в трюм судна и находились там два года без какой-либо пищи, оставаясь такими же жирными и во всех отношениях в таком же добром состоянии по истечении этого времени, как и тогда, когда они впервые были посажены туда. Одна особенность этого необычайного животного делает его похожим на дромадера, или верблюда пустыни. В сумке у основания шеи они носят постоянный запас воды. В некоторых случаях, убивая их после того, как целый год они были лишены какого-либо питания, в их сумке находили даже по три галлона совершенно пресной и свежей воды. Их главная пища – дикая петрушка и сельдерей, портулак, морская солянка и индейская смоква; питаясь этим последним растением, они находятся в великолепном благополучии, а растение находят

в большом количестве на холмах около берега, где было найдено само животное. Черепахи эти составляют превосходную и чрезвычайно питательную пищу и, без сомнения, послужили средством для сохранения жизни тысячам моряков, занимающихся ловлей китов и другими промыслами в Тихом океане.

Та, которую нам так счастливо удалось добыть из кладовой, не была больших размеров и весила, вероятно, фунтов шестьдесят пять или семьдесят. Это была самка, и в очень хорошем состоянии, ибо она была чрезвычайно жирной и имела в своей сумке более четверти галлона свежей пресной воды. Для нас это было, конечно, сокровищем, и, упав на колени в общем порыве, мы вознесли горячие благодарения Богу за такую своевременную помощь.

Нам было очень трудно протащить животное через отверстие, ибо его барахтания были неистовы, а сила изумительна. Она чуть не вырвалась из рук у Питерса и почти скользнула назад в воду, но Август, набросив ей на шею веревку с затяжной петлей, держал ее таким образом, пока я не вскочил в отверстие рядом с Питерсом и не помог ему поднять ее кверху.

Воду мы осторожно вылили из черепашьей сумки в кувшин, который, как нужно припомнить, был принесен раньше из каюты. Сделав это, мы отломали горлышко у одной из бутылок, чтобы с помощью пробки сделать что-то вроде стакана, содержащего в себе не полные полчарки. Потом каждый из нас выпил такую мерку, и мы решили ограничиваться таким количеством на день, пока это будет длиться.

В продолжение двух-трех дней погода стояла сухая и приятная. Постельное белье, которое мы достали из каюты, так же как и наша одежда, совершенно высохло, так что мы провели эту ночь (двадцать третьего) с некоторым удобством, радуясь спокойному отдыху, после того как мы досыта поужинали оливками и ветчиной с малой порцией вина. Боясь, что что-нибудь из наших запасов соскользнет за борт ночью, в случае если бы поднялся ветер, мы прикрепили их, как могли, веревками к обломкам ворота. Черепаху нашу нам очень хотелось сохранить возможно дольше, и мы поэтому перевернули ее на спину и разными другими способами тщательно закрепили.

Глава тринадцатая

Июля 24-го. Это утро застало нас удивительно окрепшими и духом, и силами. Несмотря на то опасное положение, в котором мы еще находились, не ведая, где мы были, хотя, конечно, на большом расстоянии от земли, с пищей, которой хватило бы нам, даже при большой осторожности, не более чем на две недели, почти совсем без воды, и носясь по воле каждого ветра и волн на обломке судна, бесконечно более ужасные опасности и отчаяние, которых мы только что и так чудесно избегли, заставляли нас смотреть на то, что мы претерпевали теперь, как на что-то немногим большее, чем любое заурядное несчастье – так безусловно относительно бывает хорошее и дурное.

На восходе солнца, когда мы собрались возобновить наши попытки достать что-нибудь из кладовой, начался сильный ливень с молнией, и мы принялись собирать воду с помощью простыни, которой уже пользовались для этой цели. У нас не было другого способа собирать дождь, как держать простыню оттянутой в середине с помощью цепи. Вода таким образом, направляясь к средоточию, капала в кружку. Мы почти наполнили ее таким способом, как вдруг налетел сильный шквал с севера, и принудил нас оставить это занятие, ибо остов судна стал так сильно качаться, что мы не могли больше стоять на ногах. Мы перешли тогда на перед и, привязав себя крепко к остаткам ворота, как и раньше, стали ожидать событий с гораздо большим спокойствием, чем мы могли бы предвидеть или представить возможным при данных обстоятельствах. В полдень ветер посвежел, переходя в двухрифовый бриз, а к ночи в упорный шторм со страшным волнением. Опыт научил нас, однако, лучшему способу устраивать привязи, и мы провели эту угрюмую ночь в сравнительной безопасности, хотя почти каждое мгно-

вание валы нас совсем затопляли и мы были в ежеминутном страхе быть смытыми. К счастью, погода была такая теплая, что вода была не так уж неприятна.

Июля 25-го. В это утро шторм уменьшился до десятиузлового бриза и море так значительно спало, что мы могли не промокая быть на палубе. К нашему великому огорчению, однако, мы увидели, что две банки оливок, так же, как и весь наш окорок, были смыты за борт, несмотря на то что они были так тщательно привязаны. Мы решили не убивать еще черепаху и пока удовольствовались завтраком из нескольких оливок и меркой воды на каждого, причем воду мы позднее стали смешивать половина на половину с вином, извлекая большое подкрепление и силу из этой смеси, но без того мучительного опьянения, которое произошло, когда мы пили портвейн. Море было еще слишком бурно, чтобы возобновить наши попытки доставать провизию из кладовой. Различные предметы, не имевшие для нас значения при нашем теперешнем положении, всплывали в продолжение дня через отверстие, и тотчас их смывало за борт. Теперь мы также заметили, что остов корабля еще больше накренился, чем когда-либо, и мы, не привязав себя, не могли стоять ни минуты. По этой причине пришлось нам провести очень неуютный и печальный день. В полдень солнце оказалось почти вертикальным над нами, и мы не сомневались, что постоянной сменой ветров с севера и северо-запада нас принесло к экватору. К вечеру мы увидели нескольких акул и были немного встревожены той смелостью, с которой одна из них, размеров огромных, приблизилась к нам. Одно время, когда накрениванием дек погрузило глубоко в воду, чудовище положительно плыло на нас и несколько мгновений барахталось как раз над лестницей, сильно ударя Питерса хвостом. Тяжелый вал швырнул ее за борт к великому нашему облегчению. При тихой погоде мы без затруднений могли бы ее поймать.

Июля 26-го. В это утро, так как ветер улегся и на море не было большого волнения, мы решили возобновить наши искания в кладовой. После тяжелой работы в продолжение целого дня мы увидели, что впредь ничего нельзя было здесь ожидать, ибо перегородки ночью были вышиблены и содержимое кладовой провалилось в трюм. Это открытие, как можно предположить, наполнило нас отчаянием.

Июля 27-го. Море почти спокойное, легкий ветер все еще с севера и запада. Солнце в полдень сделалось жарким, мы занялись просушкой нашей одежды. Нашли большое облегчение, купаясь в море; при этом, однако, мы принуждены были принять большие предосторожности, опасаясь акул; несколько из них мы видели плавающими вокруг брига в продолжение дня.

Июля 28-го. Все еще хорошая погода. Теперь бриг начал ложиться набок, и так страшно, что мы начали бояться, что он окончательно перевернется кверху дном. Мы приготовились, как только могли, к этой возможности, привязав нашу черепаху, кувшин с водой и две оставшиеся кружки оливок возможно дальше к наветренной стороне, поместив их с внешней стороны остова под грот-русленями. Весь день море было очень гладко, небольшой ветер или безветрие.

Июля 29-го. Продолжалась такая же погода. Раненая рука у Августа начала являть признаки омертвения. Он жаловался на вялость и чрезмерную жажду, но не на острую боль. Ничего нельзя было сделать для его облегчения, кроме как смазывать его раны остатком уксуса из-под оливок, но это не принесло ему, по-видимому, никакой помощи. Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы ему было лучше, и утроили его порцию воды.

Июля 30-го. Чрезвычайно жаркий день без ветра. Огромная акула держалась совсем вблизи от остова корабля в продолжение всего предполудня. Мы сделали несколько безуспешных попыток поймать ее с помощью затяжной петли. Августу гораздо хуже, и, по-видимому, он слабеет столько же от недостатка настоящего питания, как и от ран. Он постоянно молит, чтобы его освободили от страданий, ничего больше не желая, как умереть. В этот вечер мы съели остаток наших оливок и нашли, что вода в кувшине настолько гнилая, что мы совсем не могли проглатывать ее, не добавив вина. Решили наутро убить черепаху.

Июля 31-го. После ночи чрезвычайно беспокойной и утомительной из-за положения остова судна, мы убили и принялись взрезать нашу черепаху. Она оказалась гораздо меньшей, чем мы предполагали, хотя и в добром состоянии, – все мясо не превышало десяти фунтов. Для того чтобы часть его сохранить возможно дольше, мы разрезали его на тонкие куски и наполнили ими три наши оставшиеся кружки из-под оливок и бутылку из-под вина (все это мы сохранили), наливши туда уксус из-под оливок. Таким образом мы отложили около трех фунтов мяса черепахи, намереваясь не трогать его до тех пор, пока не съедим остального. Мы решили ограничить себя приблизительно четырьмя унциями мяса в день; всего хватило бы нам так на тринадцать дней. В сумерки начался ливень с сильным громом и молнией, но продолжался такое короткое время, что нам удалось собрать лишь около полпинты воды. Все это, с общего согласия, было отдано Августу, который, казалось, был при последнем дыхании. Он пил воду с простыни, в то время как мы собирали ее (он лежал, а мы держали простыню над ним, так чтобы вода стекала ему в рот), ибо теперь у нас не оставалось ничего, куда бы поместить воду, разве только мы вылили бы наше вино из бутылки или затхлую воду из кувшина, и к одному из этих средств мы прибегли бы, если бы дождь продолжался.

Страдалец, казалось, мало извлек облегчений из питья. Рука его была совершенно черной от кисти до плеча, и ноги у него были как лед. Мы ожидали каждое мгновение, что он испустит последнее дыхание. Он страшно исхудал; настолько, что, веся в Нантукете сто двадцать семь фунтов, теперь он мог весить не свыше сорока или пятидесяти фунтов самое большее. Глаза его глубоко провалились и были еле видны, а кожа на щеках так отвисла, что мешала ему жевать какую-либо пищу или хотя бы глотать какую-нибудь жидкость без большой трудности.

Августа 1-го. Продолжается та же тихая погода с угнетающе жарким солнцем. Ужасно страдали от жажды, ибо вода в кувшине совсем сгнила и кишела червями. Нам удалось все же проглотить немного, смешав ее с вином, – жажда наша, однако, была мало утолена. Мы получили большое облегчение, купаясь в море, но могли прибегать к этому лишь через редкие промежутки, ввиду постоянного присутствия акул. Теперь мы видели ясно, что Август не может быть спасен; что, по-видимому, он умирал. Мы ничего не могли сделать, чтобы облегчить его страдания, которые, казалось, были очень большими. Около двенадцати он скончался в сильных конвульсиях, не говоря ни слова в продолжение нескольких часов. Его смерть наполнила нас самыми мрачными предчувствиями и так сильно повлияла на наше душевное состояние, что в продолжение целого дня мы сидели неподвижно около его тела и обращались друг к другу лишь шепотом. Только некоторое время спустя мы обрели некоторую бодрость, чтобы встать и бросить тело через борт. Оно было так омерзительно, что нельзя выразить, и настолько уже разложилось, что, когда Питерс попытался поднять его, целая нога оторвалась у него под рукою. Когда гнида скользнула за край судна в воду, сверкание фосфорического света, которым она была окружена, ясно показало нам семь или восемь больших акул, и лязг их страшных зубов, когда они разрывали между собой добычу, мог быть слышен на целую милю. Мы съжились и сжались от крайнего ужаса, услышав этот звук.

Августа 2-го. Та же ужасающая тишина и жара. Заря застала нас в состоянии жалкого уныния, а равно и изнеможенными телесно. Вода в кувшине была теперь совершенно непригодной, ибо обратилась в желатинную массу; там ничего не было, кроме червей ужасающего вида и слизи. Мы выбросили все вон, хорошенько вымыли кувшин в море и налили туда немного уксуса из наших кружек с маринованной черепахой. Теперь мы с трудом могли терпеть жажду и напрасно старались утолить ее вином, которое, казалось, только прибавляло масла в огонь и возбуждало в нас высшую степень опьянения. Потом мы старались облегчить наши страдания, смешав вино с морской водой, но это мгновенно вызывало сильнейшую рвоту, так что мы прекратили такую попытку. В продолжение целого дня мы с тревогой выжидали случая выкупаться, но безуспешно, ибо остов корабля был теперь совершенно осажден со всех сторон акулами – без сомнения, это были те же самые чудовища, которые пожрали нашего бедного

товарища в прошлый вечер и которые каждое мгновение ожидали другого подобного угощения. Это обстоятельство причинило нам самые горькие сожаления и наполнило нас самыми гнетущими и мрачными предчувствиями. Мы испытывали неопишное облегчение от купанья, и лишиться этого средства таким ужасающим образом было более, чем мы могли вынести. К тому же еще если бы мы были свободны от ощущения ежеминутной опасности, ибо, если бы кто-нибудь из нас чуть-чуть поскользнулся или сделал неверное движение, он был бы немедленно брошен в пределы досягаемости этих прожорливых рыб, которые нередко бросались прямо на нас, наплывая с подветренной стороны. Никакие наши крики и движения, казалось, не пугали их. Даже тогда, когда Питерс ударил топором и сильно ранил одну из самых больших акул, она постоянно пыталась протесниться к нам. В сумерки нашла туча, но к крайней нашей тоске прошла над нами, не разрешившись дождем. Совершенно невозможно представить себе наши страдания от жажды за это время. По этой причине, а также из-за страха акул мы провели бессонную ночь.

Августа 3-го. Никаких чайных помощи, и бриг ложится все более и более набок, так что теперь мы совсем больше не можем держаться на ногах на палубе. Хлопотали и старались сохранить наше вино и мясо черепахи, чтобы не лишиться их, в случае если бы мы были опрокинуты. Вытащили два толстых гвоздя из грот-русленей и с помощью топора вбили их в кузов судна с наветренной стороны, на расстоянии приблизительно двух футов над водой, что было не очень далеко от киля, ибо мы находились почти на боку. К этим гвоздям мы привязали нашу провизию, которая здесь была сохраннее, чем в первом месте под грот-русленями. Испытывали величайшую пытку жажды, в продолжение целого дня не было случая выкупаться из-за акул, которые не оставляли нас ни на мгновение. Увидели, что спать невозможно.

Августа 4-го. Незадолго до рассвета мы заметили, что остов судна был килем вверх, и мы пробудились как раз для того, чтобы предупредить возможность быть сброшенными этим движением. Сначала качка была медленная и постепенная, и нам удалось вскарабкаться наверх к наветренной стороне, причем из предосторожности мы предоставили веревкам свисать с гвоздей, которые мы вбили для провизии. Но мы недостаточно рассчитали стремительность толчка, ибо теперь киль стал двигаться слишком яростно, чтобы мы могли держаться вровень с ним, и, прежде чем кто-либо из нас сообразил, что сейчас случится, нас бешено швырнуло в море, и там мы барахтались в нескольких саженях под поверхностью воды, а огромный кузов как раз над нами. Погружаясь в воду, я принужден был выпустить веревку; и, увидав, что силы мои совсем истощились, я едва делал усилия в борьбе за жизнь, в несколько секунд я покорился и приготовился умереть. Но тут я еще раз ошибся, не приняв во внимание естественный обратный скачок к наветренной стороне. Водоворот кверху, который произвело судно, качнувшись назад, вынес меня на поверхность еще более стремительно, чем я погрузился вниз. Когда я поднялся кверху, я увидел себя, насколько мог судить, на расстоянии двенадцати ярдов от корпуса корабля. Он лежал килем вверх, бешено качаясь с боку на бок, и море во всех направлениях было совершенно взбаламучено и полно сильных водоворотов. Я нигде не видел Питерса. Бочонок из-под ворвани плавал в нескольких футах от меня, и различные другие предметы с брига были разбросаны кругом.

Больше всего я страшился теперь акул, которые, я знал, были близко от меня. Для того чтобы помешать им, если это было возможно, приблизиться ко мне, я сильно расплескивал воду обеими руками и ногами, когда плыл к остову корабля, очень вспенивая воду. Этому средству, такому простому, я, без сомнения, и был обязан моим спасением, ибо все море кругом брига, как раз перед тем, когда он опрокинулся, так кишело этими чудовищами, что я должен был быть, да наверное и был действительно, в постоянном соприкосновении с некоторыми из них, пока подвигался вперед. По счастливой случайности, однако, я благополучно достиг бока судна, хотя совершенно обессилев от тех чрезмерных движений, которые я делал, и никогда не смог бы взобраться на него, если бы не подоспевшая вовремя помощь Питерса, который, к

моей великой радости, появился вдруг (он взобрался с противоположной стороны корпуса к килю) и бросил мне конец веревки – одной из тех, которые были привязаны к гвоздям.

Едва мы избежали этой опасности, как внимание наше было привлечено другой страшной неминуемой бедой, а именно – страхом голодной смерти. Весь наш запас провизии был унесен за борт, несмотря на все наши предосторожности и старания сохранить его, и, не видя хотя бы отдаленной возможности достать что-нибудь еще, мы оба предалися отчаянию, громко плача, как дети, и не пытаясь утешать один другого. Такую слабость трудно понять, и тем, кто никогда не был в такого рода положении, это, без сомнения, покажется неестественным, но нужно припомнить, что ум наш был совершенно расстроен долгим рядом лишений и ужасом, которому мы подвергались, и что в это время на нас нельзя было смотреть как на существа разумные. В последующих опасностях, таких же больших, если не больших, я боролся смело против всех зол моего положения, и Питерс, как будет видно, выказал философский стоицизм, почти такой же невероятный, как теперешняя ребяческая его глупость и распушенность, – временное умственное помрачение давало себя знать.

То, что бриг опрокинулся, а также последствия этого, то есть потеря вина и черепахи, не сделали бы в действительности наше положение более бедственным, чем раньше, если бы не исчезновение простынь, которые до сих пор служили нам для собирания дождевой воды, и кувшина, в котором мы сохраняли ее, собравши, ибо мы нашли, что все днище на два или на три фута от шпангоута до киля, вместе с самым килем, *было покрыто густым слоем уткородок³, которые оказались превосходной и очень питательной пищей*. Таким образом в двух важных отношениях происшествие, которое так ужасно испугало нас, принесло скорее пользу, чем ущерб; оно явило нам запас пищи, которой, пользуясь ею умеренно, мы не могли бы исчерпать в целый месяц, и в значительной степени содействовало улучшению нашего положения, ибо нам стало теперь гораздо более спокойно и опасность сделалась бесконечно меньшей, чем прежде.

Однако же трудность получать воду заслонила от нас всю благодетельность перемены нашего положения. Чтобы быть готовыми воспользоваться, насколько возможно, каким-нибудь дождем, если бы он пошел, мы сняли с себя рубашки, дабы применить их, как мы это делали с простынями, не надеясь, конечно, добыть таким образом, даже при самых благоприятных обстоятельствах, и полчетверти пинты за раз. Признаков тучи не показалось за этот день, и пытки жажды были для нас почти нестерпимыми. Ночью Питерс смог заснуть тревожным сном приблизительно на один час, мне же мои страдания не позволяли сомкнуть глаз хотя бы на минуту.

Августа 5-го. Сегодня поднявшийся легкий ветер прогнал нас через огромное количество водорослей, среди них нам посчастливилось найти одиннадцать маленьких крабов, которые составили для нас несколько чудесных блюд. Так как их скорлупа была совсем мягкой, мы съели их целиком и нашли, что они гораздо менее вызывали жажду, чем уткородки. Не видя признака акул среди водорослей, мы решились выкупаться и оставались в воде от четырех до пяти часов, в продолжение какового времени мы испытывали очень значительное уменьшение жажды. Очень освежились и провели ночь немного более спокойно, чем раньше, немного соснув.

Августа 6-го. В этот день мы были очастливлены сильным и продолжительным дождем, который длился приблизительно от полудня до сумерек. Теперь мы горько сожалели о потере нашего кувшина и бутылки, ибо, несмотря на малую возможность собирать воду, мы могли бы наполнить один сосуд, если даже не оба. Теперь же мы должны были ограничиться тем, что удовлетворяли нашу ненасытную жажду, заставляя наши рубашки пропитываться водой и

³ Вид моллюсков. – Прим. ред.

потом выжимая их так, чтобы благодатная влага лилась нам в рот. В этом занятии мы провели целый день.

Августа 7-го. Как раз на рассвете мы оба в одно и то же мгновение заметили парус с восточной стороны, он явно направлялся к нам! Мы приветствовали это лучезарное явление долгим, хотя и слабым, вскриком восторга и начали тотчас же делать разные сигналы, какие только были в нашей власти, размахивая в воздухе рубашками, прыгая так высоко, как нам только позволяло состояние нашей слабости, и даже крича изо всей силы наших легких, хотя корабль находился на расстоянии не менее пятнадцати миль. Однако он все продолжал приближаться к остову судна, и мы чувствовали, что если он будет держаться своего настоящего пути, он должен был неизбежно подойти к нам так близко, что заметил бы нас. Около часу спустя, после того как мы впервые увидели его, мы ясно могли рассмотреть людей на его палубе. Это была длинная, низкая шхуна, имевшая сильно уклонистые мачты на задней стороне, с черным бортом наперед, и по-видимому, была полна матросами. Теперь мы были встревожены, ибо нам трудно было представить себе, чтобы она могла не заметить нас, и боялись, что она намеревалась предоставить нам погибать – деяние сатанинской жестокости, каковое, при всем том, что оно может показаться столь невероятным, не раз совершалось на море при обстоятельствах весьма похожих и существами, которые считаются принадлежащими к человеческому роду⁴.

В этом случае, однако, благодаря Богу, нам было предназначено обмануться более счастливо, ибо вскоре мы заметили внезапное движение на палубе незнакомого судна, которое тотчас после этого подняло британский флаг и, держа круто к ветру, стало править прямо на нас. Полчаса спустя мы находились уже в его каюте. Это была «Джэн Гай» из Ливерпуля под командой капитана Гая, назначенная к ловле тюленей и торговому путешествию в Южные моря и в Тихий океан.

Глава четырнадцатая

«Джэн Гай» была красивого вида стеньговой шхуной в сто восемьдесят тонн. Она была необыкновенно обостренной в передней своей части и, идя по ветру при более или менее хорошей погоде, была быстрейшим парусным судном, какое я когда-либо видел. Ее качества, однако же, как просто морской лодки не были такими хорошими, и ее посадка в воде была слишком глубока для того промысла, к которому она предназначалась. Для этой особой службы было желательно больших размеров судно и соразмерно более легкой посадки в воде – скажем, судно от трехсот до трехсот пятидесяти тонн. Оно должно было быть оснащено как барк и в других отношениях совершенно отличаться по своему строению от обычных кораблей Южных морей. Безусловно необходимо, чтобы судно было хорошо вооружено. Оно должно иметь, ска-

⁴ Случай с бригом «Полли» из Бостона чрезвычайно подходит сюда, и судьба его во всех отношениях так удивительно схожа с нашей, что я не могу удержаться, чтобы не указать на него здесь. Это судно с грузом в сто тридцать тонн отплыло из Бостона, везя доски и съестные припасы в Санта-Крус, двенадцатого декабря 1811 года под командой капитана Касно. Там было восемь душ, кроме капитана, штурман, четыре матроса, повар и господин Гэнт с негритянской девушкой, принадлежавшей ему. Пятнадцатого, когда они миновали мель Георга, в бриге открылась течь во время бури с юго-востока, и он, наконец, опрокинулся, но, после того как мачта упала за борт, снова выпрямился. Они оставались в таком положении, без огня и с весьма малым количеством съестных припасов, в течение ста девяноста одного дня (от пятнадцатого декабря до двадцатого июня), тут капитан Касно и Самюэль Бэджер, единственные оставшиеся в живых, были подобраны с остова корабля судном «Слава» из Гуллы, пловшим домой из Рио-де-Жанейро под командой капитана Фэзерстона. Когда их подобрала, они находились на 28° северной широты, 13° западной долготы, и их пронесло более двух тысяч миль! Девятого июня «Слава» встретила с бригом «Дромео», пловшим под командой капитана Пиркинса, который высадил двух этих злополучных в Кеннебекке. Повествование, из коего мы заимствуем эти подробности, кончается следующими словами: «Совершенно естественно спросить, каким образом они могли проплыть такое огромное расстояние в наиболее посещаемой части Атлантики и все это время не были замечены. Мимо них проплыло более двенадцати судов, одно из которых подошло к ним так близко, что они могли видеть людей на палубе и на снастях, которые глядели на них, но к невыразимому разочарованию этих изголодавшихся и наголодавшихся людей подавили в себе повелевающий голос сострадания, натянули паруса и жестоко бросили их на произвол судьбы». – *Прим. авт.*]

жем, десять-двенадцать двенадцатифунтовых карронад и две-три длинные двенадцатифунтовые пушки, с медными мушкетонами и водоупорными ящиками для каждого верха. Его якоря и канаты должны быть гораздо большей силы, чем это потребно для какого-либо из других разрядов службы, и прежде всего экипаж его должен быть при условии такого судна, какое я описал, численным и действительным не меньше, чем в пятьдесят-шестьдесят человек, телом сильных. «Джэн Гай» имела экипаж в тридцать пять человек, все опытные моряки, и еще капитана и штурмана, но она вовсе не была так хорошо вооружена или снаряжена, как мог бы этого желать мореплаватель, знакомый с трудностями и опасностями промысла.

Капитан Гай был джентльмен с манерами чрезвычайно учтивыми и значительной опытности в южной морской торговле, которой он посвятил большую часть своей жизни. У него не хватало, однако, той энергии и, следовательно, того духа предприимчивости, которые здесь безусловно требуются. Он был совладелец судна, на котором плавал, и был обречен дискреционной властью крейсировать в Южных морях, принимая любой груз, каковой наиболее легко может попасться под руку. Он имел на борту, как это обычно в подобных плаваниях, бусы, зеркальца, фитили и трут, топоры, сечки, пилы, струги, рубанки, долота, долбила, буравчики, напилки, скобели, терпуги, молотки, гвозди, ножи, большие ножницы, бритвы, иглы, нитки, посуду, коленкор, безделушки и другие подобные предметы торговли.

Шхуна отплыла из Ливерпуля десятого июля, пересекла тропик Рака двадцать пятого на 20° западной долготы и достигла Саля, одного из Островов Зеленого Мыса, на 29°, где она запаслась солью и другими припасами, необходимыми для плавания. Третьего августа она оставила Зеленый Мыс и направилась к юго-западу, правя к берегу Бразилии, так чтобы пересечь экватор между меридианами на 28–30° западной долготы. Это обычный путь, которым следуют суда, идущие из Европы к мысу Доброй Надежды или направляющиеся этой дорогой к Ост-Индии. Следуя этим путем, суда избегают штилей и сильных противоборствующих течений, которые беспрерывно господствуют на побережье Гвинеи, и таким образом, в конце концов эта дорога оказывается наиболее короткой, ибо позднее никогда не бывает недостатка в западных ветрах, дабы достичь мыса. Намерение капитана Гая было сделать первую свою остановку на Земле Кергелена – вряд ли я смогу сказать почему. В тот день, когда мы были подобраны шхуной, она была против мыса Сен-Рока, на 31° западной долготы; таким образом, когда мы были найдены, мы были отнесены с севера к югу, вероятно, не меньше чем на 25°!

На борту «Джэн Гай» с нами обращались так внимательно и с такою добротой, как того требовало наше прискорбное состояние. Недели через две, в продолжение какового времени мы продолжали направляться на юго-восток, при легких ветрах и ясной погоде, мы оба, Питерс и я, совершенно поправились от наших лишений и ужасных страданий и начали вспоминать то, что было в прошлом, скорее как страшный сон, от которого мы, к счастью, проснулись, чем как событие, имевшее место в трезвой обнаженной действительности. С тех пор я нашел, что такого рода частичное забвение обычно создается внезапным переходом или от радости к горю, или от горя к радости – степень забвенности соразмерна со степенью различия в перемене. Таким образом, в моем собственном случае я чувствую теперь невозможным осознать полный размер злополучия, которое я претерпевал в течение дней, проведенных на острове корабля. События запомнились, не ощущения, которые эти события вызывали в то время, когда совершались. Знаю лишь, что, когда совершались они, я думал тогда, что человеческая природа не может вынести больше ничего из пытки.

Мы продолжали наше плавание в течение нескольких недель без каких-либо происшествий большей значительности, нежели случайная встреча с китобойными кораблями, а также, еще чаще, с черными или настоящими китами, так называемыми в противоположение от кашалотов. Эти последние, впрочем, главным образом находятся на юге от 25-й параллели. Шестнадцатого сентября, когда мы были по соседству с мысом Доброй Надежды, шхуна встретила с первой сколько-нибудь сильной бурей, с тех пор как она оставила Ливерпуль. В этих областях,

но более часто к югу и востоку от мыса (мы направлялись к западу) мореплавателям часто приходится противостоять бурям с севера, которые свирепствуют с великим бешенством. Эти бури всегда приносят с собою тяжелое волнение на море, и одна из самых опасных особенностей их – это мгновенная пляска кругового ветра, обстоятельство, которое почти достоверно должно возникнуть во время наибольшей силы бури. Настоящий ураган будет мчаться в известный миг с севера или с северо-востока, в ближайшее же мгновение ни дыхания ветра не будет чувствоваться в этом направлении, между тем как с юго-запада он придет совершенно внезапно с яростью почти непостижимой. Яркий просвет лазури к югу есть верный предвестник перемены, и суда таким образом получают возможность принять необходимые предосторожности.

Было около шести часов утра, когда ветер налетел с белым шквалом, и, как обычно, буря пришла с севера. В восемь часов она увеличилась очень сильно и нанесла на нас одно из самых устрашающих волнений моря, какие я когда-либо видел. Все было закреплено и прилажено, насколько это возможно, но шхуна испытывала сильнейшую качку и как морское судно являла все свои худые качества, передняя часть ее погружалась в воду при каждом нырке, и с величайшей трудностью она высвобождалась из одного вала, а уж спешил другой и хоронил ее. Как раз перед закатом солнца яркий просвет, который мы высматривали, появился на юго-западе, и через час после этого мы заметили, что малый передний парус, под которым мы шли, небрежно хлопывает о мачту. Еще две минуты, и, несмотря на все приготовления, нас швырнуло набок, словно магией, и дикий набег крутящейся пены прорвался над нами, пока мы были так наклонены. Вихрь, налетевший с юго-запада, оказался, к счастью, не чем иным, как шквалом, и нам счастливо удалось поставить судно прямо, без потери какого-либо мачтового дерева. Тяжелое перекрестное волнение весьма тревожило нас в течение нескольких часов после этого, но к утру мы находились почти в таком же добром состоянии, как и до начала бури. Капитан Гай полагал, что спасение его было навряд ли не чудесным.

Тринадцатого октября мы были в виду острова Принца Эдуарда, на $46^{\circ}53'$ южной широты, $37^{\circ}46'$ восточной долготы. Два дня спустя мы находились около острова Владения и в данную минуту проплывали мимо островов Крозе, на $42^{\circ}59'$ южной широты, 48° восточной долготы. Восемнадцатого мы достигли острова Кергелен, или острова Отчаяния, в южном Индийском океане и стали на якорь в гавани Святок, на глубине четырех саженей.

Этот остров, или скорее группа островов, расположен на юго-востоке от мыса Доброй Надежды и отстоит от него почти на восемьсот лиг. Он был открыт впервые в 1772 году бароном Де Керполоном или Кергеленом, французом, который, думая, что эта земля образует часть обширного южного материка, привез домой весть об этом, вызвавшую в свое время большое возбуждение. Правительство, заинтересовавшись, послало барона обратно в следующем году, дабы подвергнуть новое его открытие проверочному рассмотрению, и ошибка его была обнаружена. В 1777 году капитан Кук пристал к той же группе островов и дал главному из них имя острова Отчаяния, какового названия, уж конечно, он заслуживает. Приблизившись к земле, мореплаватель, однако, мог бы предположить нечто совершенно иное, ибо скаты большей части холмов с сентября до марта одеты самой блистательной зеленью. Этот обманчивый вид создается малым растеньицем, похожим на камнеломку, оно растет в изобилии широкими прогалинами на некоторого рода распадающемся мхе. Кроме этого растения вряд ли есть какой-нибудь признак растительности на острове, если мы исключим некоторую грубую сочную траву около бухты, некоторые лишай и кустарник, имеющий сходство с капустой, которая проросла, и отличающийся острым и терпким вкусом.

Лик страны холмистый, хотя ни один из холмов не может быть назван высоким. Их вершины всегда покрыты снегом. Там есть несколько гаваней, из них гавань Святок наиболее удобная. Это первая бухта, с которой встречаешься на северо-восточной стороне острова, после того как обогнул мыс Франсуа, который образует северный берег и своими особенными очертаниями помогает различить гавань. Выдающаяся часть образует высокий утес, через

него тянется большое отверстие, образуя естественный свод. Вход находится на 48°40' южной широты, 69°6' восточной долготы. Когда в него войдешь, можно благополучно бросить якорь под защитой нескольких небольших островов, образующих достаточную ограду от всех восточных ветров. Продвигаясь от этой стоянки к востоку, вы прибываете в Осиную бухту, находящуюся при входе в гавань. Это небольшой водоем, совершенно замкнутый сушей, к которой вы можете идти, имея четыре сажени глубины, и бросить якорь, имея от десяти до трех сажень воды и плотное глинистое дно. Корабль может стоять здесь в наилучшей обеспеченности, без какого-либо риска, круглый год. К западу при входе в Осиную бухту находится небольшой источник превосходной воды, каковую можно легко получать.

На острове Кергелена еще можно находить мохнатых и шерстистых тюленей, и там изобилуют морские слоны. Оперенные племена находятся там в большом числе. Изобилуют пингвины, и имеется их там четыре разнствующие разряда. Царский пингвин, так называемый благодаря его росту и красивому оперению, самый большой. Верхняя часть тела обычно серая, иногда сиреневого оттенка; нижняя часть чистейшей белизны, каковую только можно вообразить. Голова лоснисто-блистательно черная, ноги также. Главная красота оперения, однако, состоит в двух широких полосах золотого цвета, которые идут вдоль от головы к груди. Клюв длинный и гвоздичного цвета или ярко-алого. Эти птицы ходят, держась прямо, с осанкою статной. Они держат голову высоко, крылья же их поникают ниц, как две руки, и так как хвост выступает из тела на одной линии с верхней частью ног, сходство с человеческой фигурой весьма поразительно и может обмануть зрителя при случайном беглом взгляде или в сумеречном вечере. Царские пингвины, которых мы нашли на земле Кергелена, были несколько больше по размерам, чем гусь. Другие разряды пингвинов суть так называемые фаты, глупыши и грачи, они гораздо меньше, менее красивы в оперении и отличаются в других отношениях.

Кроме пингвинов, здесь находятся также разные другие птицы, среди них могут быть упомянуты морские курочки, голубые глупыши, чирки, обыкновенные утки, куры порта Эгмонта, бакланы, капские голуби, буревестники, морские ласточки, чагравы, океанские чайки, цыплята Матери Кэри, гуси Матери Кэри⁵, или большие глупыши, и, наконец, альбатрос.

Большой глупыш таких же размеров, как обыкновенный альбатрос, и он хищный. Его часто зовут орланом, или морским орлом. Эти глупыши совсем не робки, и, если их надлежащим образом приготовить, это вкусная пища. Пролетая, они иногда реют совсем близко от поверхности воды с распростертыми крыльями, которыми они, по-видимому, совершенно не двигают и как будто бы никак ими не пользуются.

Альбатрос – одна из самых больших и горячих птиц Южных морей. Он принадлежит к разряду морских рыболовов, схватывает свою добычу на лету, никогда не прибывая на сушу, кроме как для выведения птенцов. Между этой птицей и пингвином существует самая своеобразная дружба. Их гнезда строятся с большим единообразием, по плану, договоренному между двумя этими птичьими разрядами, – гнездо альбатроса помещается в средоточии небольшого квадрата, образованного гнездами четырех пингвинов. Мореплаватели согласно называют соединение таких лагерей воспитательный поселок. Эти места выводков часто были описаны, но, так как читатели мои, может быть, не все знакомы с такими описаниями и так как я потом буду иметь случай говорить о пингвине и альбатросе, будет не неуместно сказать что-нибудь об их способе построения гнезда и образе жизни.

Когда наступает пора выводить птенцов, птицы собираются в огромном числе и в течение нескольких дней, по-видимому, обсуждают, какой надлежит дать делу ход. Наконец они приступают к действию. Выбирается ровное место надлежащих размеров, обычно три-четыре

⁵ Так назвал некоторых морских птиц мореплаватель Джеймс Росс. Мать Кэри аналогична французской матушке Гусыне. – Прим. ред.

акра, и так близко от моря, как только возможно, однако же вне пределов его досягаемости. Место выбирается в соображении ровности почвы и предпочитается такое, которое наименее загромождено камнями. Как только это установлено, птицы поступают в согласии и действуют, по-видимому, руководимые одним умом, дабы наметить с математической точностью либо квадрат, либо какой другой параллелограмм, насколько это может наилучше соответствовать природе почвы, и как раз достаточных размеров, чтобы легко вместить всех собравшихся птиц, и не больше – эта подробность, как кажется, рассчитана на то, чтобы предупредить прием будущих бродяг, которые не участвовали в работе построения поселка. Одна сторона стана, таким образом намеченного, идет параллельно с краем воды и оставляется открытой для входа и выхода.

Определив границы места вывода птенцов, поселенцы начинают теперь очищать почву от всякого рода мусора, подбирая камень за камнем, унося их за пределы намеченных линий и кладя как раз на границах, дабы образовать некую стену на трех сторонах суши. Как раз внутри этой стены образуется ровная и гладкая дорожка от шести до восьми футов ширины, стирающаяся вокруг поселка, – она служит, таким образом, для всех местом прогулки.

Ближайшее, что делается, это разделение всего отмеченного пространства на небольшие квадраты, в точности равные по размерам. Это делается через проведение узких тропинок, очень ровных и пересекающих одна другую под прямым углом на всем протяжении места вывода птенцов. На каждом пересечении этих тропинок устроено гнездо альбатроса, гнездо же пингвина в центре каждого квадрата – таким образом, каждый пингвин окружен четырьмя альбатросами, и каждый альбатрос одинаковым числом пингвинов. Гнездо пингвина состоит из ямки в земле, очень неглубокой и как раз достаточной только для того, чтобы единственное яйцо пингвина не укатилось. Альбатрос несколько менее прост в своем устройении, он воздвигает холмик приблизительно в один фут вышины, два фута в диаметре. Этот холмик делается из земли, морских водорослей и раковин. На вершине его он строит себе гнездо.

Птицы прилагают особенное старание к тому, чтобы никогда не оставлять ни на одно мгновение своих гнезд незанятыми во время высиживания яиц или даже до тех пор, пока птенцы не сделаются достаточно сильными, чтобы самим о себе заботиться. В то время как самец отсутствует и ищет в море пищи, самка выполняет свои обязанности, и лишь по возвращении своего сотоварища она дерзает отлучиться. Яйца никогда не остаются неприкрытыми – в то время как одна птица оставляет гнездо, другая садится на ее место. Эта предосторожность сделалась необходимой благодаря воровским наклонностям, господствующим в воспитательном поселке, жители которого без зазрения совести похищают друг у друга яйца при каждом удобном случае.

Хотя есть воспитательные поселки, в которых пингвин и альбатрос составляют единственное население, однако в большей их части можно встретить много разных океанских птиц, которые все пользуются преимуществами гражданства и помещают свои гнезда там и сям, где только могут найти место, никогда, однако, не посягая на стоянки более крупных разрядов. Вид таких поселков, если глянуть на них издали, чрезвычайно своеобразен. Весь воздух как раз над поселением затемнен огромным числом альбатросов (перемешанных с более мелкими племенами), которые непрерывно вьются над ним, то направляясь к океану, то возвращаясь домой. В то же самое время можно наблюдать толпу пингвинов, одни ходят туда и сюда по узким переулкам, другие выступают с военной выправкой, столь свойственной им, вокруг места общей прогулки, что опоясывает воспитательный поселок. Словом, как бы мы ни взглянули, ничто не может быть столь удивительно, как дух размышления, выявляемый этими оперенными существами, и ничто, конечно, не может быть лучше рассчитано на то, чтобы вызвать размышление в каждом благопорядочном человеческом уме.

В утро после нашего прибытия в гавань Святых главный штурман, мистер Паттерсон, взял лодки и (хотя пора была несколько ранняя) отправился на поиски тюленей, оставив капитана и

юного его родственника на одном месте бесплодной земли к западу, ибо у них было некоторое дело, о котором в точности я не мог ничего разузнать, что-то касавшееся внутренней части острова. Капитан Гай взял с собой бутылку, в которой было какое-то запечатанное письмо, и направился с того места, где его высадили на берег, к одному из высочайших находившихся там утесов. Вполне вероятно, что намерением его было оставить письмо на этой высоте для какого-нибудь судна, которое, как он ожидал, должно было прийти после него. Как только мы потеряли его из виду, мы направили наше крейсерование (Питерс и я, мы были в лодке штурмана) вокруг побережья, высматривая тюленей. Этим мы были заняты недели три и осмотрели с большим тщанием каждый уголок и закоулок не только на земле Кергелена, но и на нескольких небольших островах по соседству. Труды наши, однако, не были увенчаны каким-либо значительным успехом. Мы видели очень много пушных тюленей, но они были чрезвычайно боязливы, и с самыми великими усилиями мы смогли добыть лишь триста пятьдесят шкур всего-навсего. Морские слоны были в изобилии, особенно на западном побережье острова, но из них мы убили лишь два десятка, и это с большим трудом. На меньших островах мы нашли значительное число мохнатых тюленей, но не тревожили их. Мы вернулись на шхуну одиннадцатого, где нашли капитана Гая и его племянника, который рассказал нам всякие ужасы о внутренней части острова, изобразив его как одну из самых угрюмых и совершенно бесплодных стран, какие только есть в мире. Они оставались на острове две ночи благодаря некоторому недоразумению со вторым штурманом касательно посылки малого гребного судна со шхуны, дабы взять их.

Глава пятнадцатая

Двенадцатого мы отплыли из гавани Святок, возвращаясь по нашему пути к западу и оставляя остров Мариона, один из островов группы Крозе, с левой стороны судна. Потом мы миновали остров Принца Эдуарда, оставляя его тоже влево; затем, правя более на север, через пятнадцать дней мы достигли островов Тристан-да-Кунья, на $37^{\circ}8'$ южной широты и $12^{\circ}8'$ западной долготы.

Эта группа, так хорошо известная теперь и состоящая из трех круговых островов, была впервые открыта португальцами, а позднее ее посетили голландцы в 1643 году и французы в 1767-м. Три острова вместе составляют треугольник и отстоят один от другого приблизительно на десять миль, оставляя между собою открытые широкие проходы. Местность на всех них очень возвышенная, особенно на так называемом острове Тристан-да-Кунья. Это самый большой из всех, он имеет пятнадцать миль в окружности и настолько возвышен, что в ясную погоду его можно видеть на расстоянии восьмидесяти-девяноста миль. Часть местности к северу поднимается более чем на тысячу футов перпендикулярно морю.

Плоскогорье на этой высоте простирается назад приблизительно к середине острова, и от этого плоскогорья поднимается возвышенный конус, подобный вершине Тенерифе. Нижняя часть этого конуса покрыта деревьями значительных размеров, но верхняя часть являет из себя обнаженную скалу, обыкновенно скрытую облаками и покрытую снегом в продолжение большей части года. Вокруг острова нет отмелей или других опасностей, ибо берег удивительно приглубый и вода глубока. На северо-западной стороне есть залив с отлогим берегом черного песка, где легко причалить лодке, если только дует южный ветер. Здесь можно достать превосходную воду в большом количестве, а также ловить треску и другую рыбу багром и на удочку.

Следующий по величине остров и самый западный из группы, это так называемый Неприступный. Его точное положение $37^{\circ}17'$ южной широты и $12^{\circ}24'$ восточной долготы. Он имеет семь или восемь миль в окружности и со всех сторон являет лик неприступный и крутой. Его вершина совершенно плоская, и вся местность бесплодна, ибо на ней ничего не растет, кроме нескольких хилых кустарников.

Соловыиный остров, самый маленький и самый южный, находится на $37^{\circ}26'$ южной широты и $12^{\circ}21'$ западной долготы. На уровне его южной оконечности есть высокий риф из скалистых островков; несколько подобных же островков видны к северо-востоку. Почва неровная и бесплодная, и глубокая долина отчасти разделяет его.

Берега этих окрестных островов в надлежащую пору года изобилуют морскими львами, морскими слонами, волосатыми и пушными тюленями, вместе с большим разнообразием океанских птиц. Киты также часто встречаются поблизости. Благодаря той легкости, с которой ловили здесь раньше зверей, группа этих островов была много посещаемая со времени ее открытия. Голландцы и французы бывали здесь в очень ранний период. В 1790 году капитан Паттен корабля «Промышленность» из Филадельфии пристал к острову Тристан-да-Кунья, где он оставался семь месяцев (от августа 1790 до апреля 1791) для собирания тюленьих шкур. За это время он собрал не менее чем пять тысяч шестьсот штук и говорил, что без труда в три недели нагрузил бы огромный корабль жиром. Когда он прибыл туда, там не было четвероногих, за исключением нескольких диких коз; теперь остров изобилует всеми нашими лучшими домашними животными, которые постепенно были привозимы мореплавателями.

Я предполагаю, что немного спустя после посещения капитана Паттена капитан американского брига «Бэтси», Колькун, пристал к самому большому острову для подкрепления. Он насадил лук, картофель, капусту и много других овощей, которые теперь находятся там в большом количестве.

В 1811 году некий капитан Гэйвуд посетил Тристан. Он встретил здесь трех американцев, которые обитали на островах для изготовления тюленьих шкур и масла. Имя одного из них было Джонатан Ламберт, и он называл себя повелителем страны. Он расчистил и обработал около шестидесяти акров земли и направил все свое внимание на разведение кофейного дерева и сахарного тростника, которыми снабдил его американский посол из Рио-де-Жанейро. Под конец это поселение, однако, было оставлено, и в 1817 году острова были взяты британским правительством, которое для этой цели послало отряд с мыса Доброй Надежды. Однако англичане не продержались здесь долго; но, после того как страна была очищена как британское владение, две-три английские семьи поселились здесь независимо от правительства. Двадцать пятого марта 1824 года «Бервик» капитана Джеффри, выехавший из Лондона к Вандименовой земле, прибыл в это место, где он нашел англичанина по имени Глэсс, бывшего ранее капралом британской артиллерии. Он притязал на титул главного губернатора и имел под своим ведением двадцать одного мужчину и трех женщин. Он дал очень благоприятный отчет о здоровых свойствах климата и плодородии почвы. Население занималось главным образом собиранием тюленьих шкур и жира морских слонов, этим они торговали с мысом Доброй Надежды, ибо Глэсс имел небольшую шхуну. Во время нашего прибытия губернатор еще находился там, но его маленькая община разрослась, на Тристане было пятьдесят шесть человек, не считая небольшого поселка из семи человек на Соловыином острове. Нам нетрудно было достать всевозможного рода запасы, в которых мы нуждались, – там были овцы, свиньи, телята, кролики, домашняя птица, козы, всякая рыба и овощи, в большом изобилии. Бросив якорь совсем вблизи большого острова, на восемнадцати сажнях, мы взяли на борт все, что нам было нужно, без какого-либо затруднения. Капитан Гай купил также у Глэсса пятьсот тюленьих шкур и немного слоновой кости. Мы пробыли здесь неделю, в продолжение которой преобладали ветры с севера и запада и погода была несколько туманная. Пятого ноября мы отплыли к юго-западу с целью окончательно расследовать группу островов, называемую Аврора, относительно существования каковой было много различествующих мнений.

Говорят, острова эти были открыты с 1762 года командиром корабля «Аврора». В 1790 капитан Мануэль де Оярвидо на корабле «Принцесса», принадлежавшем Королевской компании Филиппинских островов, проплыл, как он утверждал, прямо среди них. В 1794 году испанский корвет «Дерзновенный» отплыл с целью определить их точное положение, и в одном

отчете, напечатанном Королевским гидрографическим обществом в Мадриде в 1809 году, в следующих словах говорится об этой экспедиции: «Корвет «Дерзновенный» сделал все нужные наблюдения, находясь в непосредственной близости с двадцать первого по двадцать седьмое января, и вымерил хронометром различие долгот между этими островами и портом Соледад на Малуинах. Островов этих три; они приблизительно на одном меридиане, средний скорее ниже, а другие два можно видеть на расстоянии девяти лиг». Наблюдения, сделанные на борту «Дерзновенного», дают следующие указания относительно точного положения каждого острова. Самый северный остров находится на $52^{\circ}37'24''$ южной широты, $47^{\circ}43'15''$ западной долготы, средний остров на $53^{\circ}2'40''$ южной широты, $47^{\circ}55'15''$ западной долготы; а самый южный на $53^{\circ}15'22''$ южной широты, $47^{\circ}57'15''$ западной долготы.

Двадцать седьмого января 1820 года капитан Джэмс Ведделл британского флота отплыл из Земли Стэтэн также для поисков Авроры. Он доложил, что сделал самые тщательные изыскания и прошел не только по тем самым местам, которые указаны командиром «Дерзновенного», а и во всех направлениях вблизи этих мест, но не мог заметить никаких признаков земли. Эти противоречивые указания побудили других мореплавателей отыскивать эти острова; и странно сказать, в то время как некоторые проследовали по каждому дюйму моря там, где, в предположении, они должны были находиться, не находя их, было немало и таких, которые утверждали положительно, что видели их и даже были совсем близко от их берегов. Намерением капитана Гая было сделать решительно все, что было в его власти, чтобы выяснить вопрос, столь странно спорный⁶.

Мы продолжали наш путь между югом и западом с переменной погодой до двадцатого того же месяца, и тут мы очутились на том именно месте, о котором идет речь, ибо мы были на $53^{\circ}15'$ южной широты, $47^{\circ}58'$ западной долготы – то есть очень близко от пункта, указанного как положение самого южного из группы островов. Не замечая ни признака земли, мы продолжали путь к западу, по 53-й параллели к югу до меридиана на 50° к западу. Потом мы дошли к северу до параллели 52° южной широты, затем мы повернулись к западу и держались нашей параллели, на двойной высоте, утро и вечер, и высоты меридиана планет и луны. Дойдя таким образом на восток к меридиану западного берега Георгии, мы держались этого меридиана, пока не достигли широты, от которой мы вышли. Тогда мы избрали диагональные пути один за другим через все протяжение моря, точно означенного, имея постоянное наблюдение на вершине мачты и повторяя наше наблюдение с величайшей тщательностью в продолжение трех недель, в каковое время погода была удивительно приятная и ясная, без какого бы то ни было тумана. Конечно, мы были вполне убеждены, что, хотя острова, может быть, и существовали поблизости когда-нибудь раньше, теперь от них не оставалось и следа. По моем возвращении домой я узнал, что то же самое пространство было прослежено с тем же тщанием в 1822 году капитаном Джонсоном американской шхуны «Генри» и капитаном Моррэллом на американской шхуне «Оса» – и в обоих случаях с тем же самым результатом, как и у нас.

Глава шестнадцатая

Первоначальным намерением капитана Гая было, удостоверившись относительно островов Авроры, продолжать путь через Магелланов пролив и выше, вдоль западного берега Патагонии, но указания, которые он получил на Тристан-да-Кунья, заставили его направиться к югу в надежде встретить какие-нибудь небольшие острова, которые, как говорили, находятся на параллели 60° южной широты, $41^{\circ}20'$ западной долготы. В случае если бы он не открыл этой земли, он решил, при благоприятной погоде, направиться к полюсу. Поэтому двенадца-

⁶ Среди судов, которые в различные времена объявляли, что встретили острова Авроры, должны быть упомянуты корабль «Сан-Мигэль» в 1769 году, корабль «Аврора» в 1774 году, бриг «Жемчужина» в 1779 году и корабль «Долорес» в 1790 году. Все они согласно дают ту же широту – 53° к югу. – *Прим. авт.*

того декабря мы отплыли в данном направлении. Восемнадцатого мы находились около места, указанного Глэссом, и крейсировали в продолжение трех дней в окрестностях, не находя никаких следов тех островов, о которых он говорит. Двадцать первого, так как погода была необычайно хорошей, мы снова поплыли к югу, решив проникнуть по этому пути возможно дальше. Прежде чем приступить к этой части моего повествования, нелишне будет для осведомления тех читателей, которые с малым вниманием следили за ходом открытий в этих областях, дать краткий отчет о нескольких, очень немногих, попытках достичь Южного полюса, которые до сих пор были сделаны. Попытка капитана Кука была первой, о которой мы имеем некоторый точный отчет. В 1772 году он направился к югу на корабле «Решимость» в сопровождении лейтенанта Фурно на корабле «Приключение». В декабре он был на 58-й параллели южной широты, 26°57' восточной долготы. Здесь он встретился с узкими полями сплошного льда, толщиной около восьми-десяти дюймов, которые мчались к северо-западу и юго-востоку. Этот лед был в больших глыбах и так тесно он был нагроможден, что суда с большим трудом пробивали себе путь. В это же время капитан Кук предположил по большому множеству птиц, которые были видны, и по другим признакам, что он находился очень близко от земли. Он продолжал двигаться к югу (погода была чрезвычайно холодной), пока не достиг 64-й параллели на 38°14' восточной долготы. Здесь была приятная погода с легкими ветрами, в продолжение пяти дней термометр показывал тридцать шесть⁷. В январе 1773 года суда перешли Полуденный круг⁸, но им не удалось пройти много больше вперед; ибо, достигнув 67°15' широты, они нашли, что дальнейшее движение задержано великим нагромождением льда, который простирался вдоль южного горизонта так далеко, как только мог достать взгляд. Лед этот был очень разнообразного вида, и некоторые огромные полосы его простирались на мили, образуя плотную громаду, поднимающуюся на восемнадцать-двадцать футов над водой. Время года было позднее, и, не имея надежды оплыть кругом эти препятствия, капитан Кук с сожалением вернулся назад.

⁷ По Фаренгейту. – Прим. ред.

⁸ В подлиннике: Антарктический круг. – Прим. ред.

Герхард Меркатор.

Карта северного полярного региона, 1595 г.

В следующем ноябре они возобновили свои изыскания в Полуденных морях. На $59^{\circ}40'$ южной широты он встретил сильное течение по направлению к югу. В декабре, когда суда находились на $67^{\circ}31'$ широты, $142^{\circ}54'$ западной долготы, холод был чрезвычайный с сильным ветром и туманом. Здесь также птицы были в большом количестве; альбатросы, пингвины и в особенности глупыши. На $70^{\circ}23'$ широты встретились какие-то большие острова изо льда, а немного спустя были замечены облака на юге, снежной белизны, указывавшие на близость ледяных пространств. На $71^{\circ}10'$ широты, $106^{\circ}54'$ западной долготы мореплаватели были остановлены, как и раньше, огромным замерзшим пространством, которое заполняло всю линию южного горизонта. Северная сторона этого пространства была неровная и изломана, и так крепко льдины были сцеплены, что были совершенно непроходимы, простираясь на милю к югу. За этим замерзшая поверхность на некоторое расстояние была сравнительно гладкой, пока она не кончалась на самом заднем плане гигантскими рядами ледяных гор, которые громоздились одна над другой. Капитан Кук заключил, что это огромное поле достигало до Южного полюса или прилегало к какому-нибудь материка. Мистер Д. Н. Рэйнолдс, которому большими стараниями и настойчивостью удалось наконец снарядить национальную экспедицию, частью для исследования этих областей, говорит следующее о попытке корабля «Решимость»: «Мы

не удивляемся тому, что капитану Куку не удалось пройти дальше $71^{\circ}10'$, но мы удивлены, что он достиг этого пункта через меридиан $106^{\circ}54'$ западной долготы. Земля Палмера лежит южнее Шетланда на 64° широты и простирается на юго-запад дальше, чем проникал до сих пор кто-либо из мореплавателей. Кук находился перед этой землей, когда его движение вперед было остановлено льдом, который, мы опасаемся, всегда будет там в столь раннее время года, как шестое января, – и мы не будем удивлены, если часть описанных ледяных гор прилегает к главной массе земли Палмера или другим каким-либо частям суши, лежащим дальше к югу и западу».

В 1803 году капитан Крузенштерн и капитан Лисянский были посланы русским императором Александром для кругосветного плавания. Стараясь плыть к югу, они не прошли дальше $59^{\circ}58'$ широты, $70^{\circ}15'$ западной долготы. Здесь они встретили сильные течения к востоку. Китов было тут много, но льда они не видали. Относительно этого путешествия мистер Рэйнолдс замечает, что, если бы Крузенштерн прибыл туда, где он был, в более раннее время года, он должен был бы встретить лед – был март, когда он достиг упомянутой широты. Господствующие тогда ветры, дувшие с юга и запада, вспомогательные течениями, занесли полосы льда в эту ледяную область, ограниченную на севере Георгией, на востоке Сандвичевыми островами и Южными Оркнейскими, а на западе Южными Шетландскими островами.

В 1822 году Джэмс Ведделл, капитан британского флота, с двумя малыми судами проник дальше к югу, чем кто-либо из прежних мореплавателей, и к тому же не встретив каких-либо необычайных трудностей. Он сообщает, что, хотя он часто был задерживаем льдами до того, как достиг 72 -й параллели, теперь, достигнув ее, он не видел ни куска льда и, дойдя до $74^{\circ}15'$ широты, он не встретил ледяных пространств, а только три ледяных острова. Немного странно, что хотя здесь была видна масса птиц и были другие обычные признаки земли, и что хотя на юге от Шетландских островов, с наблюдательного пункта на вершине мачты, были видны неизвестные берега, простиравшиеся к югу, Ведделл опровергает ту мысль, что в полярной южной области есть земля.

Одиннадцатого января 1823 года капитан американской шхуны «Оса» Бенджамин Моррэлл отплыл с земли Кергелена, имея в виду проникнуть к югу возможно дальше. Первого февраля он находился на $64^{\circ}52'$ южной широты, $118^{\circ}27'$ восточной долготы. Следующий отрывок от этого числа взят из его дневника: «Ветер вскоре посвежел, возросши до одиннадцатиузлового бриза, и мы воспользовались этим случаем, чтобы направиться к западу; однако мы были убеждены, что, чем дальше мы будем к югу за 64° широты, тем менее нам придется опасаться льдов, мы направились немного к югу, пока не перешли Полуденного круга и очутились на $69^{\circ}15'$ восточной широты. На этой широте не было никаких ледяных пространств, а было видно лишь несколько ледяных островков».

Под числом четырнадцатого марта я нахожу также следующую запись: «Море было теперь совсем свободно от ледяных пространств, здесь было видно не более двенадцати ледяных островков. При этом температура воздуха и воды была по крайней мере на тринадцать градусов выше (теплее), чем она когда-либо была между 60 -й и 62 -й параллелью к югу. Мы находились теперь на $70^{\circ}14'$ южной широты, и температура воздуха была сорок семь, а в воде сорок четыре. При этом положении я нашел изменение в $14^{\circ}27'$ к востоку по азимуту. Я несколько раз переплывал за Полуденный круг на различных меридианах и неизменно находил, что температура воздуха и воды становилась все более и более теплой, чем дальше я двигался вперед за 65° южной широты, и что изменение уменьшалось в той же пропорции. Пока я находился севернее этой широты – скажем, между 60° и 65° к югу, – часто мы с большим трудом могли найти путь для судна между огромных и неисчислимых ледяных островов, из них некоторые имели от одной до двух миль в окружности и были более чем на пятьсот футов над поверхностью воды».

Почти не имея топлива и воды и без надлежащих инструментов, капитан Моррэлл, ввиду того также, что было позднее время года, принужден был теперь вернуться назад, не пытаясь двигаться дальше к западу, хотя совершенно открытое море лежало перед ним. Он выразил мнение, что если бы не эти побеждающие соображения, которые заставили его вернуться, он мог бы достичь если не самого полюса, то хотя 85-й параллели. Я несколько подробно остановился на этом предмете для того, чтобы читатели имели случай видеть, насколько эти представления были подтверждены моим собственным последующим опытом.

В 1831 году капитан Бриско на службе у господ Эндерби, собственников китобойных судов в Лондоне, выехал на бриге «Резвый» к Южным морям в сопровождении куттера «Тула». Двадцать восьмого февраля, находясь на $66^{\circ}30'$ южной широты, $47^{\circ}13'$ восточной долготы, он увидел землю и «ясно различил сквозь снег черные вершины ряда гор, которые простирались на восток-юго-восток». Он оставался по соседству с ними в продолжение всего следующего месяца, но не мог подойти ближе к берегу, чем на десять лиг, благодаря бурной погоде. Найдя невозможным продолжать дальшее открытия в это время года, он вернулся к северу, чтобы перезимовать на Вандименовой земле.

В начале 1832 года он опять продолжал путь к югу, и четвертого февраля показалась земля на юго-востоке на $67^{\circ}15'$ широты, $69^{\circ}29'$ западной долготы. Вскоре оказалось, что это был остров около выдававшейся части земли, которую он открыл раньше. Двадцать первого того же месяца ему удалось пристать к этой последней, и он вступил во владение ею именем Вильгельма IV, назвав ее островом Аделаиды в честь английской королевы. Когда эти подробности были доложены Королевскому географическому обществу в Лондоне, им было вынесено заключение, «что это непрерывная линия земли, которая тянется от $47^{\circ}30'$ восточной долготы до $69^{\circ}29'$ западной долготы на параллели от 66° до 67° южной широты». Относительно этого заключения мистер Рэйнольдс замечает: «С правильностью этого мы ни в каком случае не можем согласиться; также открытие Бриско равно совсем не подтверждает такого заключения. Как раз в этих границах Ведцелл продолжал идти на юг по меридиану к востоку Георгии, Сандвичевой земли, Южных Оркнейских и Шетландских островов». Мой собственный опыт, как будет найдено, самым прямым образом доказывает ошибочность заключения, к которому пришло Географическое общество.

Это все главные попытки, которые были сделаны, чтобы проникнуть до возможно более высокой южной широты, и теперь можно будет видеть, что до путешествия «Джэн» оставалось около 300° долготы, через которые Полуденный круг не был пересечен вовсе. Конечно, огромная область открытий лежала перед нами, и с чувством напряженного интереса я услышал, как капитан Гай высказал свое решение смело двигаться вперед к югу.

Глава семнадцатая

В течение четырех дней после того, как мы оставили поиски островов Глэсса, мы держались в направлении к югу, не встречая совершенно никакого льда. В полдень двадцать шестого мы находились на $63^{\circ}23'$ южной широты, $41^{\circ}25'$ западной долготы. Теперь мы увидели несколько больших ледяных островов и цельную полосу льда, хотя не очень больших размеров. Ветры преимущественно дули с юго-востока или северо-востока, но очень слабо. Когда же дул западный ветер, что бывало редко, он неизменно сопровождался шквалом и дождем. Каждый день шел снег, то больше, то меньше. Термометр двадцать седьмого был на тридцати пяти.

Января 1-го 1828 года. Этот день мы были совсем стеснены льдами, и будущее наше представлялось совершенно безнадежным. Сильная буря держалась в продолжение всего предполодунья с северо-востока и несла льдины к рулю и подзору с таким бешенством, что все мы боялись последствий этого. К вечеру буря еще продолжала свирепствовать, огромное поле льда перед нами отделилось, и нам удалось с помощью парусов проложить себе путь сквозь льдины

меньших размеров в открытую воду за ними. Когда мы приближались к этому пространству, мы постепенно подняли паруса и, под конец выбравшись совсем, легли в дрейф с одним зарифленным передним парусом.

Января 2-го. Погода была теперь довольно хорошей. В полдень мы находились на $69^{\circ}10'$ южной широты, $42^{\circ}20'$ западной долготы, пройдя Полуденный круг. На юге виднелось совсем мало льда, хотя большие ледяные поля лежали за нами. В этот день мы приспособили прибор для измерения глубины, употребив большой железный котел, который мог выдержать двадцать галлонов, и веревку в двести сажений. Мы увидели, что течение было к северу и скорость около четверти мили в час. Температура воздуха была теперь около тридцати трех. Здесь мы увидели изменение в $14^{\circ}28'$ к востоку по азимуту.

Января 5-го. Мы все еще подвигались к югу без особенно больших препятствий. В это утро, однако, находясь на $73^{\circ}15'$ восточной широты, $42^{\circ}10'$ западной долготы, мы опять должны были остановиться перед огромным пространством плотного льда. Тем не менее к югу мы видели свободную воду и были уверены, что в конце концов нам удастся достигнуть ее. Плявля к востоку вдоль края плавучего поля, мы подошли наконец к проходу около мили шириной, через каковой проплыли на закате солнца, несколько уклонившись от нашего пути. Море, в котором мы теперь находились, было густо покрыто ледяными островками, но на нем не было ледяных полей, и мы двигались смело вперед, как и раньше. Холод, казалось, не усилился, хотя снег шел очень часто, а иногда бывал очень сильный шквал с градом. Огромные стаи альбатросов в этот день пролетали над шхуной, направляясь с юго-востока на северо-запад.

Января 7-го. Море еще оставалось достаточно открытым, так что мы без труда могли продолжать наш путь. На западе мы увидели несколько ледяных гор невероятных размеров и после полудня прошли очень близко мимо одной, вершина которой имела не менее четырехсот сажений от поверхности океана. Ее окружность в основании была, наверное, в три четверти лиги, и несколько потоков воды неслось из расщелин по ее склонам. Два дня остров этот был перед нашими глазами, и потом мы лишь потеряли его в тумане.

Января 10-го. Мы имели несчастье этим ранним утром потерять одного человека, упавшего за борт. Это был американец по имени Питерс Реденбург, уроженец Нью-Йорка, он был одним из самых лучших матросов на борту шхуны. Когда он шел по корабельному носу, он поскользнулся и упал между двух ледяных глыб, чтобы больше уже никогда не встать. В полдень этого дня мы были на $78^{\circ}31'$ широты, $40^{\circ}15'$ западной долготы. Холод был теперь чрезвычайный, и постоянно налетал шквал с градом с севера и востока. В этом направлении также мы видели еще более огромные ледяные горы, и весь горизонт к востоку оказался загроможденным ледяными полями, которые вздымались рядами, громада над громадой. К вечеру проплыл мимо лес, несшийся по течению, и большое количество птиц пролетело над нами, среди них были буревестники, глупыши, альбатросы и большие птицы с ярко-синим оперением. Изменение здесь по азимуту было меньше, чем оно было раньше перед нашим пересечением Полуденного круга.

Января 12-го. Наш проход к югу был опять сомнителен, ибо ничего не было видно по направлению к Полюсу, кроме как будто неограниченной ледяной полосы, за которой вздымались настоящие горы зубчатого льда, одна горная пропасть мрачно возносилась над другой. До четырнадцатого мы держались к западу в надежде найти какой-нибудь проход.

Января 14-го. В утро мы достигли западной конечности поля, которое задерживало нас, и, обойдя его с наветренной стороны, вышли в открытое море без единого куска льда. Измеряя воду на двести сажений, мы нашли здесь течение, направляющееся к югу со скоростью полмили в час. Температура воздуха была сорок семь, а воды тридцать четыре. Мы поплыли теперь к югу, не встречая какого-либо препятствия до шестнадцатого, когда в полдень мы были на $81^{\circ}21'$ широты, 42° западной долготы. Здесь мы опять измеряли воду и нашли течение, все еще направлявшееся к югу со скоростью трех четвертей мили в час. Изменение по азимуту

уменьшилось, и температура воздуха была мягкая и приятная – термометр дошел до пятидесяти одного. За это время ни одного куска льда не было видно. Все на борту были теперь уверены, что мы достигнем полюса.

Января 17-го. Этот день был полон происшествий. Бесконечные стаи птиц пролетали над нами с юга, и некоторые из них были застрелены с палубы; одна из них, род пеликана, оказалась очень вкусной. Около полудня с вершины мачты, с левой стороны судна, было замечено небольшое ледяное поле, и на нем показалось какое-то огромное животное. Так как погода была хорошая и почти тихая, капитан Гай приказал спустить две лодки и посмотреть, что это такое. Дёрк Питерс и я сопровождали штурмана в большой лодке. Поравнявшись с плавучей льдиной, мы увидели, что ее занимало гигантское существо из породы полярных медведей, но этот медведь по размерам превосходил самого большого из этих животных. Так как мы хорошо были вооружены, мы не усомнились сразу напасть на него. Несколько выстрелов было сделано один за другим, большая их часть, по-видимому, поразила его в голову и туловище. Однако это не обескуражило чудовище, оно бросилось с льдины и поплыло с открытой пастью к лодке, в которой находились Питерс и я. Благодаря замешательству, последовавшему среди нас при этом неожиданном обороте дела, ни один из нас не был подготовлен немедленно произвести второй выстрел, и медведю самым положительным образом удалось насесть половиною своего огромного объема поперек нашего шкафута, и он схватил меня за крестец, прежде чем какие-либо действительные меры могли быть приняты, чтобы отбросить его. В этой крайности не что иное, как быстрота и ловкость Питерса, спасло нас от гибели. Вскочив огромному зверю на спину, он погрузил ему лезвие ножа в загривок, одним ударом достигнув спинного мозга. Животное рухнуло бездыханным в море, без борьбы покотившись поверх Питерса в своем падении. Питерс вскоре оправился, и, когда ему бросили веревку, он закрепил тело животного, прежде чем вернулся в лодку. Мы возвратились после этого с торжеством к шхуне, волоча за собой наш трофей. После того как этот медведь был смерен, оказалось, что наибольшая его длина целых пятнадцать футов. мех его был совершенно белый и очень жесткий, в крутых завитках. Глаза кроваво-красные и больших размеров, чем глаза полярного медведя, морда его также была более закруглена и скорее походила на морду бульдога. Мясо было нежное, но чрезвычайно прогорклое и с привкусом рыбы, хотя моряки пожрали его с жадностью и объявили, что эта еда превосходная.

Едва мы водрузили нашу добычу на борт, как дозорный, бывший на верхушке мачты, радостно провозгласил: «Земля с правой стороны носа!» Все были теперь настороже, и поднявшимся очень кстати ветром с северо-востока мы были скоро принесены прямо к берегу. Это оказался скалистый островок, около лиги в окружности, совершенно лишенный растительности, за исключением индейской смоковницы. Приближаясь к нему с севера, видишь странный скалистый выступ, выдающийся в море и напоминающий уплотненный тук хлопка. К западу этот выступ окаймлен небольшим заливом, в глубине которого мы нашли хорошую пристань для наших лодок.

У нас немного взяло времени, чтобы исследовать каждую часть острова, но, за одним исключением, мы не нашли ничего, что бы стоило нашего внимания. На южной стороне около берега мы подобрали наполовину скрытый в гряде камней кусок дерева, который, казалось, был носом ладьи. На нем были, очевидно, попытки резной работы, и капитан Гай вообразил, что может различить фигуру черепахи, но сходство это не слишком поразило меня. Кроме этого корабельного носа, если то был таковой, мы не нашли никакого признака, что какое-нибудь живое существо было когда-либо здесь раньше. Вокруг всего берега мы заметили там и сям небольшие полосы льда, но их было очень немного. Точное положение этого островка (которому капитан Гай дал имя острова Беннета в честь своего компаньона, с которым они вместе владели шхуной) – $82^{\circ}50'$ южной широты, $42^{\circ}20'$ западной долготы.

Теперь мы подвинулись к югу более чем на восемь градусов далее, чем кто-либо из прежних мореплавателей, и море все еще лежало открытым перед нами. Мы нашли также, что изменение уменьшалось, по мере того как мы двигались, единообразно и, что было еще более удивительно, температура воздуха и особенно воды делалась теплее. Погоду можно было также назвать приятной, и дул постоянно очень легкий ветер, всегда с некоторой северной точки по компасу. Небо обыкновенно было ясно, время от времени с легким подобием тонкого тумана на южной стороне горизонта – это, однако, неизменно длилось недолго. Только две трудности возникли у нас в виду: у нас оставалось мало топлива, и признаки цинги обнаружили кое у кого среди экипажа. Эти соображения начали внушать капитану Гаю мысль о необходимости вернуться, и он часто говорил об этом. Что касается меня, будучи убежден в том, что мы скоро встретим землю на том пути, который мы продолжали, и имея полное основание предполагать, судя по настоящим видимостям, что мы не натолкнемся на бесплодную почву, с каковой мы встретились в более высоких северных широтах, я горячо настаивал на необходимости идти вперед хотя бы еще в продолжение нескольких дней в том направлении, которого мы держались теперь. Такой соблазнительный случай разрешить великую проблему касательно Полуденного материка⁹ до сих пор еще не представлялся человеку, и, признаюсь, я почувствовал взрыв негодования при робких и несвоевременных возражениях нашего начальника. Я думаю положительно, что, будучи неспособен сдержать себя и высказав ему мои мысли на этот счет, я тем самым именно и побудил его продолжать путь вперед. Поэтому, хотя я не могу не сокрушаться о тех злополучных и кровавых событиях, которые тотчас же возникли из моего совета, я могу позволить себе чувствовать некоторую степень удовольствия, что я был хотя бы отдаленным орудием, с помощью которого глазам науки открылась одна из самых волнующих тайн, какие когда-либо приковывали ее внимание.

Глава восемнадцатая

Января 18-го. В это утро¹⁰ мы продолжали наш путь к югу при той же приятной погоде, как и раньше. Море было совершенно гладкое, ветер достаточно теплый, с северо-востока, температура воды пятьдесят три. Мы опять привели в порядок наш водоизмерительный прибор и с помощью веревки в сто пятьдесят саженей нашли, что течение устремляется по направлению к полюсу со скоростью мили в час. Это постоянное устремление к югу как ветра, так и течения вызвало некоторые обсуждения и даже беспокойство на разных частях шхуны, и я четко увидел, что на капитана Гаю это произвело немалое впечатление. Он, однако, был чрезмерно чувствителен к насмешке, и мне наконец удалось высмеять его опасения. Изменение было теперь очень обыкновенным. В продолжение дня мы видели несколько больших китов настоящей породы и неисчислимые стаи альбатросов пролетели над судном. Мы выудили также куст, полный красных ягод, вроде боярышника, и тело сухопутного животного странного вида. В нем было три фута в длину и только шесть вершков в высоту, ноги были очень короткие, лапы снабжены длинными когтями ярко-алого цвета и походили веществом своим на коралл. Тело было покрыто прямой шелковистой шерстью, совершенно белой. Хвост был острый, как у крысы, и около полутора футов длины. Голова походила на голову кошки, кроме ушей – они были отвислые, как уши собаки. Зубы были такие же ярко-алые, как и когти.

⁹ В подлиннике: Антарктический континент. – *Прим. ред.*

¹⁰ Слова утро и вечер, которые я употребляю для избежания, насколько это возможно, путаницы в моем повествовании, не должны быть, конечно, принимаемы в их обыкновенном смысле. Уже долгое время у нас совсем не было ночи, ибо дневной свет был непрерывный. Все числа установлены сообразно с мореходным временем, и указания на местоположение должны быть понимаемы как даваемые компасом. Я хочу также заметить тут, что в первой части того, что здесь написано, я не могу притязать на строгую точность относительно чисел или широты и долготы, ибо я не вел правильного дневника до тех пор, как уже прошло то время, о котором говорится в первой части. Во многих случаях я надеялся лишь на мою память. – *Прим. авт.*

Января 19-го. Сегодня, находясь на 83°20' широты, 43°5' западной долготы (море было необычайно темного цвета), мы опять увидели землю с вершины мачты и после внимательного рассмотрения нашли, что это был один остров из целой группы очень больших островов. Берег отвесный, и внутренность острова казалась очень лесистой – обстоятельство, которое наполнило нас большой радостью. Приблизительно четыре часа спустя, после того как мы впервые открыли землю, мы бросили якорь на десяти сажнях, в песчаное дно, на расстоянии лиги от берега, ибо высокий бурун с сильной рябью здесь и там делал более тесное приближение сомнительным опытом. Две самые большие лодки были теперь спущены, и отряд хорошо вооруженных людей (среди которых находились Питерс и я) стал искать прохода в рифе, что, казалось, окружал остров. После розысков мы открыли проход, в который вошли, и увидели тогда, как четыре большие лодки отчалили от берега, полные людей, по-видимому хорошо вооруженных. Мы подождали, чтобы они приблизились к нам, и так как они правили с большой быстротой, то скоро были на расстоянии человеческого голоса. Капитан Гай поднял теперь белый платок на конце весла, тогда чужеземцы внезапно остановились и начали громко бормотать все зараз, иногда вскрикивая, и среди всего этого мы могли различить слова: «Анаму-му!» и «Лама-лама!» Они кричали так по крайней мере с полчаса, и мы имели удобный случай рассмотреть их внешний вид.

В четырех ладьях, которые могли быть пятидесяти футов длины и пяти ширины, было всего-навсего сто десять дикарей. Они были приблизительно такого же роста, как бывают обыкновенно европейцы, но сильного и мускулистого телосложения. Цвет лица у них был черный как смоль, а волосы густые, длинные и шерстистые. Одеты они были в шкуры какого-то неизвестного черного животного с косматой и шелковистой шерстью, выделаны были шкуры довольно искусно, так что были впору покрываемому телу, шерсть была выворочена, однако, вокруг шеи, кистей рук и щиколок. Оружие их состояло из дубин черного и, по-видимому, очень тяжелого дерева. Между дубинами мы заметили, однако, несколько копий с кремневыми наконечниками и несколько пращей. Дно лодки было полно черных камней величиною с большое яйцо.

Когда они окончили свою многословную речь (потому что было ясно, что это бормотанье они разумели как таковую), один из них, который казался вождем, встал на корме своей ладьи и стал делать нам знаки, чтобы мы поравнялись с его лодками. Мы делали вид, что не понимаем этого намека, думая, что будет благоразумнее сохранять расстояние между нами, ибо численность их вчетверо превосходила нашу. Поняв, в чем дело, вождь повелел другим трем ладьям держаться позади, меж тем как он со своею направился к нам. Как только он поравнялся с нами, он перешагнул на борт самой большой из наших лодок и сел рядом с капитаном Гаем, указывая в то же самое время на шхуну и повторяя слова: «Анаму-му!» и «Лама-лама!» Тогда мы повернули и направились к кораблю, а четыре ладьи следовали за нами на небольшом расстоянии.

Приблизившись к борту корабля, вождь выказал знаки величайшего удивления и радости, хлопая в ладоши, ударяя себя по бедрам и в грудь и шумно хохоча. Следовавшие за ним присоединились к его веселью, и в продолжение нескольких минут шум был такой сильный, что можно было совершенно оглохнуть. После того как спокойствие наконец восстановилось, капитан Гай приказал поднять лодки вверх, из необходимой предосторожности, и дал понять вождю (имя которого, как мы вскоре узнали, было Ту-уит), что мы не можем пустить более двадцати человек из его людей на палубу корабля одновременно. Такой порядок он нашел, по-видимому, вполне подходящим и отдал несколько приказаний ладьям; одна из них приблизилась, другие же оставались на расстоянии пятидесяти ярдов. Двадцать дикарей взошли теперь на борт и начали бродить по всему деку и лазить по снастям и среди них, точно они были у себя дома, причем они рассматривали каждую вещь с большим любопытством.

Было совершенно очевидно, что никогда раньше они не видали никого из белой расы, цвет лица которых, казалось, поистине отталкивал их. Они думали, что «Джэн» живое существо, и, казалось, боялись ударить ее концом своих копий, которые они из предосторожности повернули кверху. При одном случае люди нашего экипажа были очень позабавлены поведением Ту-уита. Повар рубил дрова около кухни и нечаянно вонзил топор в палубу, сделав надрез порядочной глубины. Вождь немедленно подбежал и, оттолкнув повара довольно грубо, стал, наполовину плача, наполовину воя, живейшим образом выражать сочувствие тому, что он считал страданием шхуны, похлопывая и глядя своей рукой шрам и обмывая его из ведра с морской водой, которое стояло около. Это была степень такого неведения, к которому мы не были подготовлены, что касается меня, я не мог не думать, что это была некоторого рода аффектация.

Когда посетители удовлетворили, как могли, свое любопытство относительно всего верха, их пустили вниз, и тут их изумление перешло все границы. Удивлялись они, по-видимому, слишком глубоко, для того чтобы их чувство могло быть выражено в словах, ибо они бродили вокруг в молчании, прерывавшемся только тихими восклицаниями. Оружие дало им много пищи для обсуждения, и им было позволено взять его в руки и рассмотреть не спеша. Я не думаю, чтобы они имели малейшее подозрение о его настоящем употреблении, – они принимали его скорее за идолов, видя ту осторожность, с которой мы обращались с ним, и то внимание, с которым мы следили за их движениями, когда они брали его в руки. При виде больших пушек удивление их удвоилось. Они приблизились к ним со всяческими знаками глубочайшего почтения и благоговейного страха, но не стали пристально рассматривать их. В каюте было два больших зеркала, и это было высшей точкой их изумления. Ту-уит был первый, кто приблизился к ним, и он прошел уже на середину каюты лицом к одному из зеркал и спиной к другому, прежде нежели хорошенько заметил их. Когда он поднял глаза и увидел отражение самого себя в зеркале, я думал, что дикарь сойдет с ума, но, когда он круто повернулся, чтобы отступить назад, и увидел себя еще раз с противоположной стороны, я испугался, что он умрет на месте. Никакие убеждения не могли принудить его посмотреть еще раз, но, бросившись на пол и закрыв лицо руками, он оставался так, пока мы не решились вытащить его на палубу.

Все дикари были допущены на борт, таким образом, по двадцати зараз, Ту-уиту же было позволено оставаться все это время. Мы не видели среди них наклонности к воровству, и после их ухода не хватились ни одной вещи. В продолжение всего их пребывания они выказывали самое дружеское отношение. Было, однако, нечто в их поведении, что мы нашли невозможным понять; например, мы не могли заставить их приблизиться к некоторым вполне безобидным предметам, таким как паруса на шхуне, яйцо, открытая книга или мешок с мукой. Мы пытались осведомиться, нет ли у них каких-нибудь предметов, которые могли бы послужить для меновой торговли, но нам было очень трудно заставить их понять нас. Тем не менее мы узнали нечто очень нас удивившее, а именно, что острова изобиловали черепахами галапаго, одну из которых мы видели в ладье Ту-уита. Мы увидели также несколько брюхоногих слизняков в руках одного из дикарей, который жадно пожирал их в природном их виде. Все эти странности и уклонения, ибо это были таковые, ежели судить по отношению к широте, на которой мы находились, понудили капитана Гая пожелать дальнейшего исследования местности в надежде сделать выгодное дело из этого открытия. Что касается меня, жадно стремясь узнать что-нибудь более подробное об этих островах, я еще более серьезно желал без отсрочки продолжать наше путешествие к югу. Погода была теперь хорошая, но ничто не указывало, долго ли она простоит, и, находясь уже на 84-й параллели, с открытым морем перед нами, с течением, которое стремительно направлялось к югу, и с попутным ветром, я не мог слушать терпеливо о том, чтобы оставаться дольше, чем это было строго необходимо для здоровья экипажа и для взятия запасов топлива и свежей провизии. Я представил капитану, что мы отлично могли бы зайти на эту группу островов на возвратном пути и зимовать здесь, на случай если бы льды загромоз-

дили нам путь. Он наконец согласился с моими доводами (потому что какими-то, неведомыми мне самому, путями я приобрел над ним большое влияние), и наконец было решено, что, даже если мы найдем брюхоногих, мы останемся здесь лишь неделю, для того чтобы оправиться, и будем плыть все к югу, насколько только сможем. Сообразно с этим мы сделали все необходимые приготовления, и по указаниям Ту-уита благополучно провели «Джэн» через риф, стали на якорь приблизительно на милю от берега, в превосходной бухте, совершенно окруженной сушей на юго-восточном берегу главного острова, и имея десять сажень воды с черным песчаным дном. При входе в эту бухту было (как нам сказали) три источника воды, пригодной для питья, и поблизости мы видели изобилие леса. Четыре ладьи следовали за нами, держась, однако, на почтительном расстоянии. Сам Ту-уит остался на борту и, когда мы бросили якорь, пригласил нас сопровождать его на берег и посетить его селение внутри острова. Капитан Гай согласился, и десять дикарей были оставлены на борту заложниками, часть из нас, в общем двенадцать, приготовилась сопровождать вождя. Из предосторожности мы хорошо вооружились, но наружно не показывая какого-либо недоверия. Шхуна выкатила все свои пушки, подняла абордажные сетки, были приняты и всякие другие надлежащие предосторожности, чтобы не быть захваченными врасплох. Главный штурман отдал распоряжение не пускать никого на борт во время нашего отсутствия, и в случае если бы мы не вернулись через двенадцать часов, послать катер с фальконетом вокруг острова на розыски нас.

С каждым шагом, который мы делали в глубь страны, мы должны были убеждаться, что мы находились в стране, по существу отличавшейся от всех тех, которые до сих пор были посещаемы цивилизованными людьми. Мы не видели ничего, с чем раньше нам приходилось иметь дело. Деревья не походили на произрастание ни жаркого, ни умеренного, ни северного холодного пояса и совершенно были не похожи на деревья более южных широт, которые мы уже прошли. Даже скалы были новыми, в их громаде, в цвете, в наслоениях; и сами источники, как бы это ни могло показаться невероятным, так мало имели общего с источниками других климатов, что мы сомневались отведать воды из них и даже с трудом могли убедить себя, что свойства их совершенно обыкновенные. У маленького ручья, пересекавшего нам путь (первый, который мы встретили), Ту-уит со своей свитой приостановился, чтобы напиться. По причине странного вида воды мы отказались попробовать ее, предполагая, что она испорчена; и только некоторое время спустя мы поняли, что такой вид был у всех потоков на всей группе островов. Я затрудняюсь дать ясное представление о характере этой жидкости и не могу сделать этого немногословно. Хотя она текла быстро по всем склонам, как текла бы обыкновенная вода, но, за исключением того, когда она падала водопадом, у нее не было обычного лика прозрачности. Тем не менее она в сущности была совершенно прозрачной, как всякая известковая вода, различие было лишь по виду. При первом взгляде и особенно в том случае, где наклон был мало заметен, она имела сходство, поскольку дело идет о самом составе, с густым настоем гуммиарабика, смешанного с обыкновенной водой. Но это было лишь наименее замечательное из ее необычайных качеств. Она была не бесцветна и не какого-либо определенного цвета – представляя глазу в своем течении всевозможные оттенки пурпура, как видоизменения переливчатого шелка. Эти изменения оттенков происходили таким странным образом, что возбудили такое же глубокое удивление в умах всего нашего отряда, какое произвело зеркало на Ту-уита. Налив этой воды полную чашку и дав ей вполне отстояться, мы заметили, что весь объем жидкости состоял из некоторого числа отдельных жил, каждая отличного оттенка; что они не смешивались; и что связь в них была полной только между их собственными частицами и неполной по отношению к другим соседним жилам. Когда мы вставляли лезвие ножа поперек жилы, вода смыкалась над ним тотчас, как это бывает и у нас с водой, а также, когда мы вынимали его, все следы, где прошел нож, мгновенно уничтожались. Если, однако, лезвием ножа проводили аккуратно между двух жил, происходило полное разделение, каковое сила связи не могла

тотчас же исправить. Необычайное явление этой воды составляет первое определенное звено той огромной цепи явных чудес, которыми мне суждено было наконец быть окруженным.

Глава девятнадцатая

Нам понадобилось почти три часа, чтобы достичь селения, ибо оно находилось более чем в девяти милях, в глубине острова, и путь проходил по неровной почве. По мере того как мы подвигались вперед, отряд Ту-уита (всего сто десять дикарей, бывших в ладьях) с минуты на минуту усиливался небольшими группами от двух до шести-семи, которые присоединялись к нам как бы случайно, на различных поворотах дороги. В этом представлялось так много системы, что я не мог не почувствовать недоверия и сказал капитану Гаю о своих опасениях. Отступить, однако, было теперь слишком поздно, и мы решили, что наибольшая наша безопасность заключается в том, чтобы выказывать полное доверие к чистосердечию Ту-уита. Согласно с этим, мы шли вперед, тщательно следя за поведением дикарей и не позволяя им разъединять нас и проталкиваться между нами. Таким образом, пройдя через обрывистый овраг, мы наконец достигли того, что было, как нам сказали, единственным собранием жилищ на острове. Когда мы приблизились к селению, вождь издал крик и несколько раз повторял слово «Клэк-Клэк»; мы предположили, что так называется селение или что это, быть может, общее название селений.

Жилища были невообразимо жалостными и, не будучи похожи на жилища даже низших диких племен, какие только ведомы, были построены не по единообразному замыслу. Некоторые из них (и это, как мы узнали, были жилища, принадлежавшие знатным туземцам, «уампу», или «ямпу») состояли из ствола дерева, срубленного приблизительно на высоте четырех футов от корня, сверху на него была наброшена большая черная шкура, свисавшая до земли широкими складками. Под нею ютились дикари. Другие были из необделанных сучьев, с иссохшими листьями на них, все это под углом в сорок пять градусов упиралось в нагромождение из глины, скученной без правильной формы до высоты пяти-шести футов. Еще другие были просто дыры, вырытые перпендикулярно к земле и прикрытые такими же ветками; когда жилец хотел войти, он сдвигал их и натягивал опять, когда входил. Несколько жилищ было выстроено среди виллообразно раздвоенных обрубков деревьев, верхние обрубки были частью прорублены, так что наклонялись над нижними, образуя таким образом более плотную защиту от непогоды. Наибольшее число, однако, состояло из небольших неглубоких пещер, по видимости выскребленных на склоне обрывистой закраины утеса из темноцветного камня, похожего на сукновальную глину, которая окружала селение с трех сторон. При входе в каждую из этих первобытных пещер находился камень, который тщательно помещался жильцом перед входом, когда он выходил из жилища, для какой цели, я не мог узнать, ибо камень нигде не был достаточных размеров, чтобы закрыть более чем на треть отверстие.

Это селение, если бы оно было достойно такого названия, находилось в долине известной глубины, и к нему можно было приблизиться лишь с юга; обрывистая закраина, о которой я уже говорил, отрезала всякий доступ в других направлениях. Через середину долины пробегал шумящий поток воды того же магического вида, как уже было описано. Там и сям вокруг жилищ мы увидели несколько странных животных, все они, казалось, были совершенно домашними. Самые большие из этих существ походили на нашу обыкновенную свинью строением тела и мордой; хвост, однако, был пушистый, а ноги тонкие, как у антилопы. Движения этого животного были чрезвычайно неуклюжи и нерешительны, и мы ни разу не видели, чтобы оно пыталось бежать. Мы заметили также несколько животных, весьма похожих по виду, но с туловищем более длинным, и покрыты они были черной шерстью. Было там также великое разнообразие ручных птиц, бежавших туда и сюда, и они, по-видимому, составляли главную пищу туземцев. К нашему удивлению, среди этих птиц мы увидели черных альбатросов, совер-

шенно одомашненных, время от времени они шли к морю за пищей, но всегда возвращались в селение, как домой, и пользовались для этого южным берегом, находившимся по соседству с местом высиживания яиц. Там к ним обыкновенно присоединялись их друзья, пингвины, но эти последние никогда не следовали за ними до жилищ дикарей. Среди других разрядов ручных птиц были утки, весьма мало отличавшиеся от той разновидности утки нашей собственной страны, что называется черноголовая чернеть, и небольшая птица, не непохожая по виду на сарыча, но не хищная. Рыба, по-видимому, была там в большом изобилии. Мы видели во время нашего посещения острова множество сушеной семги, горной трески, голубых дельфинов, макрели, чернорыбицы, ската, морских угрей, слоновой рыбы, голавля, камбалы, попугайной рыбы, рыбы, называющейся «кожаная куртка», барвены, дорша, палтуса, остроноса и бесчисленного разнообразия других разрядов. Мы заметили также, что большая часть из них была похожа на рыбу, которая водится около группы островов Лорда Окленда, на такой низкой широте, как 51° южной широты. Черепаха галапаго также находилась там в большом изобилии. Мы видели лишь немного диких животных и ни одного больших размеров или из разрядов, с которыми мы были ознакомлены. Одна или две змеи, вида чудовищного, пересекли нам путь, но туземцы обратили на них мало внимания, и мы заключили, что они были не ядовитые.

Когда мы подходили к селению с Ту-уитом и его отрядом, обширная толпа народа ринулась нам навстречу с громкими возгласами, среди которых мы могли только различить вечное «Анаму-му!» и «Лама-лама!». Мы были очень удивлены, заметив, что, за одним или двумя исключениями, эти вновь пришедшие были совершенно голыми, меха были только на людях из лодок. Все оружие в стране находилось также, по-видимому, в обладании этих последних, ибо никакого оружия не было видно среди поселян. Много было женщин и детей, первые не вполне были лишены того, что можно было бы назвать внешней красотой. Они были прямые, высокие и хорошо сложенные и отличались таким изяществом и свободой движений, каких нельзя найти в цивилизованном обществе. Губы у них, однако, так же как и у мужчин, были толстые и грубые, так что, даже когда они смеялись, зубы их никогда не были обнажены. Волосы у них были более тонки, нежели волосы у мужчин. Среди этих обнаженных поселян могло быть десять-двенадцать человек, которые, как и отряд Ту-уита, были одеты в черные шкуры и вооружены копьями и тяжелыми палицами. Они, по-видимому, пользовались большим влиянием среди остальных, и те, обращаясь к ним, всегда произносили титул «уампу». Это были тоже обитатели дворцов из черных шкур. Дворец Ту-уита находился в средоточии селения, и он был гораздо больших размеров и несколько лучше построен, нежели другие помещения того же разряда. Дерево, которое образовывало его опору, было обрублено на расстоянии приблизительно двенадцати футов от корня, и как раз под обрубленным местом было оставлено несколько ветвей; они служили для того, чтобы растянуть на них покрывку и таким образом помешать ей развеиваться вокруг ствола. Покрывка, кроме того, состоявшая из четырех очень больших шкур, скрепленных вместе деревянными спицами, была закреплена внизу деревянными гвоздями, вогнанными через шкуры в землю. Пол был усеян множеством сухих листьев, составлявших некоторого рода ковер.

К этой хижине мы были приведены с великой торжественностью, и сзади нас столпилось такое количество туземцев, какое только было возможно. Сам Ту-уит уселся на листья и знаками показал нам, что мы должны последовать его примеру. Это мы и сделали и находились теперь в положении совсем особливо неудобном, если не вовсе опасном. Мы были на земле, нас было двенадцать числом, мы были с дикими, которых было сорок, они сидели на корточках так тесно и близко вокруг нас, что, если бы возник какой-нибудь беспорядок, нам было бы невозможно воспользоваться нашим оружием или хотя бы встать на ноги. Давка была не только внутри шатра, но и с внешней стороны, где, вероятно, был налицо каждый житель всего острова, и лишь непрерывные увещания и горлающиеся возгласы Ту-уита предохраняли нас от опасности быть затоптанными насмерть. Главная наша безопасность заключалась, однако же,

в том, что сам Ту-уит находился между нами, и мы решили плотно к нему прильнуть как к наилучшей возможности выпутаться из дилеммы, сделав его нашей жертвой немедленно при первом выявлении враждебного намерения.

После некоторой суеты восстановилось до известной степени спокойствие, и вождь обратился к нам с речью, очень длинной и очень похожей на речь, произнесенную с ладьи, за одним лишь исключением, что теперь несколько более сильно подчеркивалось «Анаму-му!», чем «Лама-лама!». Мы слушали в глубоком молчании до конца его разглагольствования, после чего капитан Гай ответил вождю, удостоверяя его в вечной своей дружбе и благоволении и, в виде заключения к своим словам, преподнеся ему некий дар из нескольких ниток голубых бус и ножа. При виде первых самодержец, к большому нашему удивлению, вздернул кверху свой нос с неким выражением презрения; нож, однако, доставил ему самое безграничное удовольствие, и он немедленно повелел дать обед. Обед этот был передан в шатер из рук в руки над головами присутствующих, и состоял он из трепещущих внутренностей какого-то неведомого животного, вероятно одной из этих тонконогих свиней, которых мы заметили при нашем приближении к селению. Видя, что мы в полном недоумении, как тут быть, он, дабы явить нам некий пример, начал пожирать ярд за ярдом эту заманчивую пищу, пока, наконец, мы положительно не лишились возможности больше выдержать и явили столь явные симптомы желудочного бунта, что его величество исполнилось такой степенью изумления, которая уступала лишь изумлению, вызванному зеркалами. Мы отказались, однако, соучаствовать в поглощении тонких яств, находящихся перед нами, и попытались дать ему понять, что у нас вовсе нет никакого аппетита, ибо мы только что окончили прелестный завтрак.

Когда самодержец довершил свою трапезу, мы начали некоторого рода подробный перекрестный опрос, хитроумнейшим способом, какой только могли измыслить, с целью открыть, каковы главные произведения страны и не могли ли бы мы извлечь из них выгоду. Наконец он, по-видимому, составил себе известное представление о том, что мы разумеем, и предложил сопроводить нас к некоторой части побережья, где, как он нас уверял, в большом изобилии можно было найти брюхоногих слизняков (при этом он показал нам образец этого животного). Мы были рады такой заблаговременной возможности ускользнуть от давки толпы и знаками показали, что жаждем идти туда. Мы вышли теперь из шатра и, сопровождаемые всеми жителями селения, последовали за вождем к юго-восточному краю острова, недалеко от бухты, где наше судно стояло на якоре. Мы ждали там приблизительно около часу, пока, наконец, несколько дикарей, обогнув берег, не доставили четыре ладьи до места нашей остановки. Весь наш отряд уселся в одну из лодок, и мы поплыли вдоль закраины уже упомянутого рифа и вдоль другого, еще дальше вонне, где мы увидели гораздо большее количество брюхоногих, нежели старейший моряк среди нас когда-либо видел около островов, находящихся в более низких широтах и наиболее прославленных из-за этого предмета торговли. Мы стояли около этих рифов достаточно долго, чтобы удостовериться, что мы легко могли бы, если нужно, нагрузить этим животным дюжину судов, потом мы направились к шхуне и расстались с Ту-уитом, получив от него обещание, что он доставит нам в течение двадцати четырех часов столько черноголовых уток и черепах галапаго, сколько смогут вместить его ладьи. За все время этого приключения мы не видали ничего в поведении туземцев, что могло бы возбудить в нас подозрения, за одним исключением – той систематичности, с которой их отряд усиливался во время нашего перехода от шхуны к селению.

Глава двадцатая

Вождь сдержал свое слово, и мы вскоре щедро снабдили себя свежими запасами. Черепахи были лучше тех, которых нам когда-либо случалось видеть, а утки превосходили нашу лучшую дичь, ибо были удивительно нежны, сочны и очень вкусны. Кроме того, когда мы объ-

яснили наше желание, дикари доставили нам большое количество темного сельдерея, цинготной травы и лодку свежей и сушеной рыбы. Сельдерей был настоящим угощением, а цинготная трава оказала неоцененную пользу для поправления здоровья тех из наших людей, у которых показались признаки этой болезни. В очень короткое время в списке больных у нас не было уже ни одного человека. Было у нас также много другого рода свежих запасов, среди которых можно упомянуть некий вид ракушек, похожих видом на мули, но со вкусом устрицы. Креветки обыкновенные, так же как и пильчатые креветки, были в большом количестве, а равно яйца альбатросов и других птиц, с темной скорлупой. Мы захватили также большой запас свинины – мяса свиньи, о которой я упоминал раньше. Большинство из наших людей нашли это вкусной пищей, но мне она показалась с привкусом рыбы и вообще неприятной. Взамен всего этого добра мы предложили туземцам такие вещи, как синие бусы, медные украшения, гвозди, ножи и куски красной материи. Они были в полном восхищении от этого обмена. Мы устроили настоящий рынок на берегу, как раз под пушками шхуны, где наша меновая торговля производилась, как казалось, с полной добросовестностью и с той степенью порядка, которой поведение дикарей в селении Клёк-Клёк не давало нам возможности ожидать от них.

Дело шло таким образом совершенно дружелюбно в течение нескольких дней, и в продолжение этого времени туземцы были часто на борту шхуны, а группа наших людей часто бывала на берегу, надолго уходя в глубь страны и не встречая никаких притеснений. Видя ту легкость, с которой судно могло быть нагружено брюхоногими слизняками благодаря дружескому благорасположению островитян и той готовности, с которой они оказали бы нам помощь при сборе их, капитан Гай решил войти в переговоры с Ту-уитом для того, чтобы воздвигнуть удобные помещения, дабы заготавливать слизняков впрок и заручиться помощью Ту-уита и его племени в собирании возможно большего количества этого товара, в то время как он сам воспользуется хорошей погодой, чтобы продолжать свое плавание к югу. Когда он сказал об этом плане вождю, тот казался вполне, готовым войти в соглашение. Торговая сделка была заключена, совершенно удовлетворявшая обе стороны; при этом было условлено, что, сделав нужные приготовления, как то: отвести надлежащее место, построить часть зданий и сделать некоторые другие работы, для которых потребовались бы все люди нашего экипажа, шхуна будет продолжать свой путь, оставив троих из людей для наблюдения за выполнением плана и дабы научить туземцев хорошенько сушить брюхоногих. Что касается условий, то они были в зависимости от стараний дикарей во время нашего отсутствия. Они должны были получить договоренное количество синих бус, ножей, красной материи и тому подобного за определенное число пикулей брюхоногих, которые должны были быть готовы к нашему возвращению.

Описание свойств этого важного предмета торговли и способ его приготовления могут быть несколько интересны моим читателям, и я не могу найти более подходящего места ввести это описание в свое повествование. Следующая полная заметка об этом предмете взята из одного современного рассказа о путешествии к Южным морям.

«Это тот моллюск Индийского океана, который в торговле известен под французским именем *bouche de mer* (лакомый кусок из моря). Если я не слишком ошибаюсь, знаменитый Кювье называет его *gasteropoda pulmonifera*. Его собирают во множестве на берегах островов Тихого океана, изготовляя главным образом для китайского рынка, где он имеет большую ценность, быть может, такую же, как и весьма известные молве съедобные птичьи гнезда, которые, вероятно, сделаны из желатинного вещества, собираемого одним видом ласточки из тела этих самых слизняков. У них нет ни раковины, ни ног, ни какой-либо выдающейся вперед части тела, исключая поглощающего органа и противоположного выводящего протока, но с помощью своих гибких колец, они, подобно гусеницам или червям, проползают в мелководье, и в отлив их видит ласточка, острый клюв которой, войдя в мягкое животное, извлекает клейкое и волокнистое вещество, и оно, высохнув, может скреплять стенки ее гнезда. Отсюда имя *gasteropoda pulmonifera*.

Этот моллюск продолговатый и различных размеров, от трех до восемнадцати дюймов в длину; я видел нескольких, которые были не менее двух футов длины. Они почти круглые, немного сплюснутые с одной стороны, с той, которая обращена ко дну моря; толщина их от одного до восьми дюймов. В известные времена года они выползают в мелководье, вероятно в целях размножения, ибо их часто встречают парами. Когда солнце сильно действует на воду, нагревая ее, они приближаются к берегу и часто забираются в места такие мелкие, что при отливе остаются на суше, предоставленные солнечной жаре. Но они не производят потомства в мелкой воде, ибо потомства мы никогда не видели, а лишь вполне выросшие слизняки, как было наблюдено, приходили из глубины воды. Они питаются главным образом тем разрядом животнорастений, которые вырабатывают коралл.

Этот слизняк обыкновенно ловится на глубине трех-четырёх футов воды; после чего его выносят на берег и надрезают с одного конца ножом, надрез этот в один дюйм или больше, смотря по величине слизняка. Нажимая это отверстие, вынимают внутренности, которые похожи на внутренности других малых обывателей моря. Все это содержимое вымывается и потом кипятится до известной степени, не слишком много, не слишком мало. Потом их закупают в землю на четыре часа, затем снова кипятят в течение короткого времени, после которого высушивают их или на огне или на солнце. Те, которых сушат на солнце, гораздо лучше. Но тогда как одна пикуля (133 1/3 фунта) может быть высушена таким образом, можно высушить тридцать пикулей на огне. Раз хорошо просушенные, они могут сохраняться в сухом месте три-четыре года без всякой опасности порчи; но их нужно осматривать раз в несколько месяцев, или четыре раза в год, нет ли там сырости, которая их тронула.

Китайцы, как мы упоминали раньше, считают брюхоногих очень большим лакомством, полагаю, что эта пища удивительно укрепляет и питает все тело, возобновляя организм, истощенный невоздержанностью в удовольствиях. Первый сорт продается по высокой цене в Кантоне, по девяносто долларов за пикулю; второй сорт стоит семьдесят пять долларов; третий пятьдесят, четвертый тридцать; пятый двадцать; шестой двенадцать; седьмой восемь и восьмой четыре доллара; малые грузы, однако, продают и дороже в Маниле, Сингапуре и Батавии».

Войдя таким образом в соглашение, мы тотчас начали выгружать на берег все необходимое для приготовления стройки и расчистки почвы. Мы выбрали обширное плоское место около восточного берега бухты, где было много и леса и воды, и на небольшом расстоянии от главных рифов, где водились брюхоногие. Мы принялись за работу с большим рвением и вскоре, к величайшему удивлению дикарей, срубили для нашей цели достаточное количество деревьев, быстро сложили их в рядок для сруба домов, которые в два-три дня были настолько подвинуты вперед, что мы вполне свободно могли поручить остальную работу тем трем людям, которых мы хотели оставить тут. Это были Джон Кэрсон, Альфред Гаррис и Питерсон (все уроженцы Лондона, как я думаю), которые предложили для этого свои услуги.

В конце месяца у нас все было готово для отъезда. Мы решили, однако, отдать торжественный прощальный визит в селении, и Ту-уит так упрямо настаивал, чтобы мы сдержали обещание, что мы не сочли благоразумным подвергнуться опасности оскорбить его окончательным отказом. Я думаю, что ни один из нас в то время не имел ни малейшего подозрения относительно чистосердечия дикарей. Все они одинаково держали себя с большой благопристойностью, помогая нам с рвением в нашей работе, предлагая нам свои услуги, часто безвозмездно, и никогда ни при каком случае они не стянули ни одного предмета, хотя было очевидно, что они очень высоко ценили все наше добро, судя по тем преувеличенным изъявлениям радости всякий раз, как мы дарили им что-нибудь. Женщины особенно были до чрезвычайности услужливы во всех отношениях, и вообще мы были бы самыми подозрительными людьми, если бы у нас была малейшая мысль об измене со стороны тех, кто обращался с нами так хорошо. Потребовалось очень короткое время, чтобы оказалось, что эта видимая доброта характера была только следствием глубоко замышленного плана нашего уничтожения и что

островитяне, к которым мы испытывали такое неумеренное чувство уважения, были одними из самых варварских, изощренных и кровожадных негодяев, какие когда-либо оскверняли лик земли.

Было первое февраля, когда мы высадились на берег с целью посетить селение. Хотя, как я сказал раньше, у нас не было ни малейшего подозрения, тем не менее ни одна надлежащая предосторожность не была упущена. Шесть человек было оставлено на шхуне с приказанием ни под каким предлогом не позволять ни одному из дикарей приближаться к судну во время нашего отсутствия и находиться постоянно на палубе. Абордажные сетки были подняты, пушки заряжены двойным зарядом вязаной картечи, и фальконеты были снабжены зарядами из мушкетных пуль. Шхуна стояла на якоре с отопленными ряями, приблизительно на расстоянии мили от берега, и ни одна лодка не могла приблизиться к ней ни в каком направлении без того, чтобы ее не было ясно видно, и она не была бы тотчас подвергнута огню наших фальконетов.

Без оставленных на борту шестерых наш сухопутный отряд состоял из тридцати двух человек. Мы были вооружены с головы до ног, ибо взяли с собой мушкеты, пистолеты и кортики; кроме всего этого, у каждого был длинный морской нож, немного похожий на так называемый *bowie knife*¹¹, который вошел в такое употребление в наших западных и южных областях. Сотня воинов в черных шкурах встретила нас у пристани с целью нас сопровождать на нашем пути. Мы заметили, однако, с некоторым удивлением, что они были теперь совершенно безоружны, и когда мы спросили Ту-уита относительно этого обстоятельства, он просто ответил, что «*матти нон уи па па си*» – что означало, что в оружии нет нужды там, где все братья. Мы приняли это за хороший знак и двинулись в путь.

Мы перешли через источник и речку, о которых я говорил раньше, и вошли в узкое ущелье, лежащее среди цепи мыльняковых холмов, между которых было расположено селение. Это ущелье было скалистое и настолько неровное, что нам нелегко было карабкаться через него еще при первом посещении Клёк-Клёка. Вся длина оврага могла быть в полторы мили или, быть может, две мили. Он извивался во всевозможных направлениях среди холмов (по-видимому, он образовывал в отдаленный период русло потока), нигде не идя более двадцати ярдов без крутого поворота. Склоны этого дола, я уверен, имели приблизительно семьдесят или восемьдесят футов в высоту по отвесу на всем его протяжении, а в некоторых местах они поднимались на удивительную высоту, так целиком затемняя проход, что сюда могло проникать лишь очень немного дневного света. Средняя ширина была около сорока футов, иногда же она уменьшалась настолько, что могло пройти не более пяти человек рядом. Одним словом, не могло быть лучшего места в мире, приспособленного для засады, и было более чем естественно, что мы заботливо осмотрели наше оружие, когда мы вошли туда. Когда я теперь думаю о нашем поразительном безумии, главное, на что я удивляюсь, что мы могли отважиться при каких бы то ни было обстоятельствах так всецело отдаться во власть неизвестных нам дикарей, чтобы позволить им идти спереди и сзади нас во время нашего перехода через ущелье. Однако же этот порядок мы слепо приняли, глупо понадеявшись на силу нашего отряда, на безоружность Ту-уита и его людей, на действительный эффект нашего огнестрельного оружия (действие которого было до сих пор тайной для туземцев) и больше всего на долго поддерживаемую притворную дружбу этих бесчестных негодяев. Пятеро или шестеро из них шли впереди, как бы для того чтобы быть проводниками, напоказ сдвигая большие камни и щебень с пути. Затем шел наш собственный отряд. Мы шли сомкнутым строем, остерегаясь только разъединиться. Сзади следовал главный отряд дикарей, который соблюдал необычайно строгий порядок.

Дёрк Питерс, некий Вильсон Аллен и я были по правую сторону наших товарищей и рассматривали, проходя, странное строение обрыва, который нависал над нами. Расщелина в мягкой скале привлекла наше внимание. Она была достаточно широка для того, чтобы в ней

¹¹ Разновидность охотничьего ножа. – Прим. ред.

свободно мог протесниться один человек, и простиралась вглубь, в гору, на восемнадцать или двадцать футов по прямому направлению, поворачивая потом влево. Вышина этого отверстия, насколько мы могли это видеть из главного ущелья, была, быть может, в шестьдесят футов. Там был один или два малорослых кустарника, свисавшие из расщелины, на них были какие-то орехи, которые я полюбопытствовал рассмотреть и с живостью двинулся для этой цели вперед, сорвал пять-шесть орехов на кисти и поспешно пошел назад. Когда я повернулся, я увидел, что Питерс и Аллен последовали за мной. Я попросил их вернуться назад, ибо здесь не было достаточно места пройти двоим, говоря, что я им дам орехов. Соответственно с этим, они повернулись и карабкались назад. Аллен был уже около входа в расщелину, как вдруг я почувствовал сотрясение, не похожее ни на что, испытанное мною когда-либо раньше, и внушившее мне смутное представление, если я действительно тогда мог подумать о чем-либо, что все основание нашего земного шара внезапно разорвалось и что настало светопреставление.

Глава двадцать первая

Как только я мог собраться с растерзанными чувствами, я увидел себя почти задыхающимся и отыскивающим путь свой ощупью в полной темноте среди нагроможденной рыхлой земли, которая тяжело падала на меня со всех сторон, угрожая похоронить меня совсем. Ужасно встревоженный этой мыслью, я силился вытащить ноги из земли, что мне наконец и удалось. Некоторое время я оставался неподвижным, стараясь понять, что случилось со мной и где я находился. Вскоре я услышал глухой стон, как раз над моим ухом, и после этого заглушённый голос Питерса позвал меня на помощь во имя Бога. Я протеснился с трудом на шаг или на два вперед и упал прямо через голову и плечи моего товарища, который, как вскоре я увидел, до половины был погребен в рыхлой громаде земли и отчаянно барахтался, чтобы избавиться от ее давления. Я разгреб землю кругом него со всей энергией, которой мог располагать, и наконец мне удалось его вытащить.

Как только мы настолько пришли в себя от страха и удивления, чтобы быть способными говорить здраво, мы оба пришли к заключению, что склоны расщелины, куда мы вошли, от какого-то сотрясения в природе или благодаря собственной тяжести обрушились сверху и что, следовательно, мы были потеряны навсегда, будучи таким образом заживо погребены. В продолжение долгого времени мы бессильно предавались напряженной муке и такому отчаянию, равносильного которому не могут себе вообразить те, кто никогда не был в подобном положении. Я твердо уверен, что ни одно происшествие, случающееся когда-нибудь в жизни, не может сильнее внушить умственное и телесное отчаяние, чем случай, подобный нашему, погребенья заживо. Это черная тьма, которая окутывает жертву, ужасающая сдавленность легких, душлистые испарения сырой земли вместе со страшным сознанием, что мы далеко за пределами чаяния и что это участь, назначенная мертвым, все это наполняет человеческое сердце такой степенью потрясения, страха и ужаса, которая нестерпима и которую никогда невозможно понять.

Наконец Питерс предложил постараться точно проверить, насколько велико наше злополучие, и ощупью исследовать нашу тюрьму, ибо было возможно еще, заметил он, что могло оставаться какое-нибудь отверстие для нашего спасения. Я страстно ухватился за эту надежду и, сделав над собой усилие, постарался проложить себе путь в рыхлой земле. Я с трудом пробрался на один шаг вперед, прежде нежели заметил мерцание света, которого было довольно, чтобы убедиться, что во всяком случае мы не погибнем тотчас же от недостатка воздуха. Мы обрели теперь некоторую долю храбрости и подбадривали друг друга надеждой на лучшее. Перебравшись ползком через кучу обломков, которые заграждали наш дальнейший путь по направлению к свету, мы увидели теперь, что нам было менее трудно двигаться вперед, а также мы чувствовали некоторое освобождение от чрезвычайного давления на легкие, которое мучило нас. Теперь мы могли различать некоторые очертания предметов вокруг и увидели, что

находимся около края прямой части расщелины, где она делала поворот налево. Еще несколько усилий, и мы достигли выгиба, и тут к нашей несказанной радости мы увидели длинную щель или раздавшееся наслоение, простиравшееся кверху на большое расстояние под углом в сорок пять градусов, хотя иногда и гораздо круче. Мы не могли видеть всего протяжения этого отверстия, но, когда свет в достаточной мере проник через него, у нас не оставалось больше сомнения, что мы найдем у его вершины (если мы сможем каким-нибудь образом достичь вершины) свободный проход к открытому воздуху.

Теперь я вспомнил, что нас трое вошло в расщелину из главного ущелья и что нашего товарища Аллена не было с нами; мы решили тотчас возвратиться и посмотреть, где он. После долгих поисков, очень опасных из-за обрушивавшейся на нас земли, Питерс крикнул мне, что он наткнулся на его ногу, и что все тело его было глубоко погребено под щебнем, из которого не было возможности его высвободить. Вскоре я увидел, что он был слишком прав и что, конечно, жизнь здесь давно угасла. С опечаленным, однако, сердцем мы предоставили тело его участи и снова двинулись к повороту.

Ширина расщелины была едва достаточной, чтобы вместить нас, и после одной или двух бесплодных попыток взобраться наверх мы снова стали отчаиваться. Я сказал раньше, что цепь холмов, через которую проходило главное ущелье, состояла из некоторой мягкой горной породы, похожей на мыльный камень. Склоны расщелины, куда мы теперь пытались взобраться, были из того же самого вещества и, будучи влажными, столь чрезмерно скользкие, что мы едва могли держаться даже на менее крутых местах; в некоторых же местах, где подъем был почти отвесный, трудность, конечно, была еще серьезнее, и, поистине, мы считали ее иногда непреодолимой. Мы, однако, обрели мужество в нашем отчаянии и, вырезая ступеньки в мягком камне большими нашими ножами, переметывались, с опасностью для нашей жизни, до малых выдающихся выступов более твердого сланцевого камня, которые то тут, то там выдавались из общей громады; мы наконец достигли таким образом естественной площадки, с которой можно было видеть клочок голубого неба, на краю рывины, густо заросшей лесом. Смотря теперь несколько более внимательно и не торопясь назад, на путь, по которому мы так далеко прошли, мы ясно заметили по виду его склонов, что он был позднейшего образования, и заключили, что сотрясение, которое так неожиданно завладело нами, в то же самое мгновение оставило открытым этот путь для спасения. Так как мы были совершенно обессилены борьбой с препятствиями и так слабы, что с трудом могли стоять или членораздельно говорить, Питерс предложил призвать наших товарищей на выручку выстрелами из пистолетов, которые остались у нас за поясом, – мушкеты так же, как и кортики, были утрачены в рыхлой земле на дне расщелины. Последующие события показали, что, если бы мы выстрелили, то горько бы раскаялись в этом; но, к счастью, полуподозрение о злостной проделке возникло в это время в моем уме, и мы не захотели дать знать дикарям о месте нашего нахождения.

После того как мы целый час отдыхали, мы, не торопясь, двинулись вперед вверх по оврагу и не очень много прошли, как услышали повторность ужасающих воплей. Наконец мы достигли того, что можно было назвать поверхностью земли, ибо наш путь, с тех пор как мы оставили площадку, лежал под сводом скалы и листвы, простиравшейся сверху на далекое расстояние. С великой предосторожностью мы пробрались к узкому отверстию, через которое был открыт вид на окружающую местность, как вдруг вся ужасающая тайна сотрясения открылась нам в одно мгновение и при одном взгляде.

Место, с которого мы смотрели, было недалеко от верха самой высокой остроконечной вершины в цепи мыльняковых холмов. Ущелье, в которое вошел наш отряд из тридцати двух человек, проходило в пятидесяти шагах от нас влево. Но по крайней мере на сто ярдов желоб, или русло, этой расщелины был совсем заполнен беспорядочно набросанными обломками, там было более миллиона тонн земли и камня, которые были искусственно собраны туда. Способ, которым эта могучая тяжелая громада была низвергнута, был столь же простой, как и оче-

видный, ибо достоверные следы этого злодейского дела еще оставались. В различных местах вдоль вершины восточного склона ущелья (мы находились сейчас на западном) можно было видеть деревянные колья, вбитые в землю. В этих местах земля не поддалась, но на всем протяжении поверхности пропасти, с которой упала эта громада, было ясно из отметин, оставленных в почве и похожих на те, которые делают горным сверлилом, что эти колья, похожие на увиденные нами, были вбиты не более чем на ярд один от другого, на протяжении, быть может, трехсот футов и расположены были приблизительно шагов на десять от края пропасти. Крепкие веревки из виноградной лозы были привязаны к кольям, еще оставшимся на холме, и было очевидно, что эти веревки были также привязаны ко всем другим кольям. Я уже говорил о своеобразном строении этих мыльняковых холмов, и только что сделанное описание узкой и глубокой расщелины, через которую мы ускользнули от погребенья заживо, даст более цельное представление о ее свойствах; оно было таково, что почти всякое естественное сотрясение достоверно раскалывало бы почву на отвесные слои, которые проходили параллельно один другому, и достаточно было весьма малого усилия и искусства для выполнения такой цели. Этим-то наслоением воспользовались дикари для осуществления своего предательского замысла. Не может быть сомнения, что непрерывным рядом кольев был сделан частичный раскол почвы, вероятно до глубины одного или двух футов, и, если один дикарь дергал за конец каждой веревки (веревки эти были привязаны к верхушкам кольев и тянулись назад от края ущелья), получалось могучее действие рычага, способное сбросить весь склон холма по данному сигналу в недра пропасти, находившейся внизу. Относительно участи наших несчастных товарищей нельзя было более сомневаться. Мы одни пережили бурю этого всезахватного разрушения. Мы были единственными белыми, оставшимися в живых на острове.

Глава двадцать вторая

Положение наше, каким оно теперь являлось, было вряд ли менее страшным, чем тогда, когда мы считали себя навсегда схороненными. Мы не видели перед собой никакой иной возможности, как встретить смерть от руки дикарей или влачить жалкое существование в плену среди них. Мы могли, конечно, укрываться некоторое время от их наблюдательности среди холмистых твердынь и, на худой конец, в пропасти, из которой мы только что изошли; но мы должны были или погибнуть за долгую полярную зиму от холода и голода, или, в конце концов, попасться на глаза при наших попытках отыскивать пищу.

Вся страна вокруг нас, казалось, кишела дикими, толпы которых, как мы теперь заметили, прибыли с островов, находившихся к югу, на плоских плотах, без сомнения, с целью оказать помощь при захвате и разграблении «Джэн». Судно продолжало спокойно стоять на якоре в бухте: те, что были на борту, явно не имели никакого сознания опасности, их ожидавшей. Как мы томились в эти мгновения желанием быть с ними! Или бы им помочь ускользнуть, или бы погибнуть с ними, пытаясь защититься! Мы не видели никакой возможности даже предостеречь их, что они в опасности, не приведя немедленной гибели на голову нашу, со слабой при этом надеждой оказать им какую-нибудь пользу. Одного выстрела из пистолета было бы достаточно, чтобы уведомить их, что произошло что-то недоброе; но звук выстрела не мог бы их уведомить, что единственная для них надежда на спасение заключается в немедленном оставлении бухты, он не мог бы им сказать, что никакие доводы чести не обязуют их более оставаться, что товарищей их более уже нет в живых. Услышав выстрел, они не могли бы более совершенно приготовиться к встрече с врагом, который теперь укреплялся для нападения, чем они уже были приготовлены ранее и всегда. Таким образом ничего доброго, но много злого могло произойти, если б мы выстрелили, и, по здравом размышлении, мы от этого воздержались.

Ближайшей нашей мыслью было попытаться ринуться к судну, захватить одну из четырех лодок, которые находились у входа в бухту, и попытаться проложить путь к кораблю. Но крайняя невозможность успеть в этой отчаянной попытке вскоре сделалась очевидной. Вся страна, как я раньше сказал, буквально кишела туземцами, они прятались в кустах и среди холмов так, чтобы не быть видными со шхуны. В непосредственной близости от нас и загораживая единственный путь, по которому мы могли бы надеяться достичь берега в надлежащем месте, была расположена вся ватага черношкурных воителей с Ту-уитом во главе и, по-видимому, только ожидала подкрепления, чтобы начать свое нападение на «Джэн». Кроме того, ладьи, находившиеся при входе в бухту, содержали в себе дикарей, правда не вооруженных, но, без сомнения, имевших оружие под рукой. Мы были принуждены поэтому, хотя и против воли, оставаться в нашем тайнике как простые зрители схватки, которая не замедлила воспоследовать.

По истечении приблизительно получаса мы увидели шестьдесят-семьдесят плотов, или плоских лодок, – утлегары их были наполнены дикарями, и они огибали южный выгиб бухты. По-видимому, у них не было никакого оружия, кроме коротких дубин и камней, которые лежали на дне плотов. Немедленно вслед за этим другой отряд, еще более значительный, приблизился в противоположном направлении и с подобным же оружием. Четыре ладьи, кроме того, быстро теперь наполнились туземцами, выскочившими из кустов при входе в бухту, и поспешно отплыли, дабы присоединиться к другим отрядам. Таким образом, в меньшее время, чем то, пока я рассказываю, и как бы волшебством, «Джэн» увидела себя окруженной огромною толпой головорезов, явно решившихся захватить ее во что бы то ни стало.

Что они должны были преуспеть в своем предприятии, в этом нельзя было сомневаться ни минуты. Как бы решительно ни защищались шесть человек, оставленных на судне, число их было слишком недостаточно, чтобы надлежащим образом воспользоваться пушками или каким бы то ни было способом выдерживать бой столь неравный. Я с трудом мог вообразить, чтобы вообще они оказали какое-нибудь сопротивление, но в этом я ошибся, ибо тотчас я увидел, что они поставили судно на шпринг и стали правым бортом к ладьям, которые были теперь от них на расстоянии пистолетного выстрела, плоты же находились приблизительно на четверть мили к наветренной стороне. По какой-то неведомой причине, но, самое вероятное, в силу того, что несчастные наши друзья пришли в волнение, увидев себя в таком безнадежном положении, выстрел был совершеннейшим промахом. Ни одна ладья не была задета, ни один дикарь не был ранен, прицел был слишком близок, и выстрел рикошетом пролетел над головами. Единственным действием было изумление по случаю неожиданного звука выстрела и дыма, причем изумление было столь чрезмерное, что в течение нескольких мгновений я ожидал от дикарей, что они оставят свои намерения и вернуться на берег; и вполне вероятно, что так бы они и сделали, если бы наши товарищи поддержали свой пушечный выстрел ружейными, в каковом случае, ввиду того что ладьи были теперь совсем близко, они не могли бы не произвести некоторого опустошения, достаточного по крайней мере для того, чтобы удержать эту ватагу от дальнейшего наступления, пока они не получили бы возможности произвести залп и в плоты. Но вместо этого они дали возможность ватаге, находившейся на ладьях, оправиться от паники, и те, осмотревшись, могли увидеть, что никакого ущерба им причинено не было, товарищи же наши тем временем побежали к левому борту, чтобы принять надлежащим образом плоты.

Выстрел с левой стороны оказал самое ужасающее действие. Залп картечью и цепными ядрами из больших пушек совершенно разрезал семь или восемь плотов и убил наповал, быть может, тридцать или сорок дикарей, между тем как по крайней мере сотня из них была брошена в воду, по большей части чудовищно раненные. Остальные, перепуганные до потери сознания, тотчас же начали поспешное отступление, не останавливаясь даже ни на минуту, чтобы подобрать своих изуродованных товарищей, которые плавали по всем направлениям, пронзительно кричали и вопили о помощи. Этот большой успех, однако, пришел слишком поздно, чтобы

послужить для спасения наших честных товарищей. Ватага с лодок была уже на борту шхуны, числом более чем полтораста, большей части из них удалось вскарабкаться на грот-руслени и абордажные сетки, прежде чем можно было приложить фитили к пушкам левого борта. Ничто не могло бы противостоять их звериному бешенству. Наши матросы были сразу застигнуты, захвачены, их затоптали ногами и в точном смысле мгновенно растерзали на куски.

Видя это, дикари на плотках оправились от своих страхов и большими стаями прибыли для грабежа. В пять минут «Джэн» превратилась в прискорбную картину хищения и бурного разгрома. Палубы были расщеплены и сорваны, снасти, паруса и все, что было движимого на деке, было разрушено как по волшебству. Между тем, толкая шхуну в корму, волоча ее с лодок и таща по сторонам, между тем как они плыли тысячами вокруг судна, эти злосчастные, наконец, притащили шхуну к берегу (канат соскользнул) и предоставили ее добрым заботам Ту-уита, который в продолжение всей схватки, как искусный генерал, сохранял свой безопасный и разведочный пост среди холмов, теперь же, когда победа была завершена в полное его удовольствие, снизошел до того, что со всех ног ринулся вниз со своими черношкурными воителями, дабы сделаться участником в дележе добычи.

То обстоятельство, что Ту-уит сошел вниз, дало нам возможность свободно покинуть наше убежище и осмотреть холм, находившийся по соседству с пропастью. Приблизительно в пятидесяти ярдах от ее зева мы увидели небольшой родник, водою которого мы погасили пожиравшую нас жгучую жажду. Недалеко от источника мы нашли несколько кустов вышеупомянутого большого лесного орешника. Попробовав орехи, мы нашли, что они вкусные и очень похожи по своему вкусу на обыкновенный английский орех. Мы немедленно наполнили ими наши шляпы, сложили их в рытвине и вернулись за новым запасом. В то время как мы спешно и деятельно собирали их, нас встревожил послышавшийся в кустах шорох, и мы уже были готовы укрыться потихоньку в наш тайник, как вдруг какая-то большая черная птица из разряда выпей, с силой трепыхаясь, медленно поднялась над кустами. Я был так изумлен, что не мог ничего предпринять, но у Питерса было достаточно присутствия духа, чтобы побежать и броситься на нее, прежде чем она успела ускользнуть, и схватить ее за шею. Судорожные ее усилия высвободиться и пронзительные крики были ужасающими, и мы даже хотели ее выпустить, а то этот шум должен был бы встревожить кого-нибудь из дикарей, которые могли еще подстергать по соседству. Наконец удар широкого ножа уложил ее на землю, и мы потащили ее в стремнину, поздравляя себя с тем, что во всяком случае мы обеспечились пищей на целую неделю.

Мы вышли снова, дабы осмотреться кругом, и дерзнули уйти на значительное расстояние вниз по южному склону холма, но не нашли ничего еще, что могло бы нам послужить пищей. Мы собрали поэтому целую кучу хвороста и вернулись назад, увидев одну или две большие ватаги туземцев, возвращавшихся к селению; они были нагружены добычей из разграбленного судна и, как мы опасались, могли бы нас увидеть, проходя под склоном холма.

Ближайшей нашей заботой было сделать наше убежище столь безопасным, как только это возможно, и, с этой целью, мы соответственным образом расположили некоторую часть хвороста над отверстием, о котором я раньше говорил, что мы через него видели обрывок голубого неба, достигши ровной плоскости из внутренней части пропасти. Мы оставили только очень небольшую щель, ровно настолько широкую, чтобы иметь возможность видеть бухту, не подвергаясь опасности быть увиденными снизу. Сделав это, мы поздравили себя с полной безопасностью нашего положения, ибо мы были теперь совершенно обеспечены от наблюдения до тех пор, пока мы пожелаем бы оставаться в стремнине и пока не дерзнули бы выйти на холм. Мы не могли заметить никаких следов, которые указывали бы, что дикари когда-нибудь заглядывали в эту впадину, но на деле, когда мы сообразили, что расселина, через которую мы ее достигли, произошла, по всей вероятности, только что, благодаря падению утеса, находившегося напротив, и что никакого иного пути достигь ее нельзя было усмотреть, мы не

столько радовались на мысль, что мы находимся в безопасности, сколько были испуганы, что у нас, пожалуй, не осталось никаких возможностей, для того чтобы сойти вниз. Мы решились исследовать основательно вершину холма, если нам представится для этого добрый случай. Тем временем мы наблюдали за дикарями через наше малое оконце.

Они уже совершенно окончили разгром судна и готовились теперь поджечь его. Вскоре мы увидели, что дым восходит огромными извивами от главного люка, и немного времени спустя густая громада пламени взметнулась из бака. Снасти, мачты и все, что оставалось от парусов, мгновенно загорелось, и огонь быстро распространился вдоль палуб. Все же великое множество дикарей продолжало оставаться там и сям вокруг, барабаня, как молотками, огромными камнями, топорами и пушечными ядрами по металлическим скрепам и другим медным и железным частям судна. На побережье бухты, а также в ладьях и на плотках, в непосредственной близости от шхуны, было в целом не менее десяти тысяч туземцев, да кроме того густые толпы тех, которые, будучи нагружены добычей, пробирались внутрь страны и на соседние острова. Мы ждали теперь катастрофы и не были обмануты. Прежде всего возник резкий толчок (который мы явственно почувствовали там, где мы находились, как если б мы слегка подчинились гальваническому току), но без каких-либо явных знаков взрыва. Дикари были видимо изумлены и прекратили на мгновение свою работу и свои вопли. Они готовились вновь приняться за то и за другое, как внезапно громада дыма выдохнула вверх из палуб, будучи похожа на черную тяжелую грозовую тучу, – потом, словно из чрева судна, вырызнул высокий ток яркого огня, по-видимому, на четверть мили вверх, потом наступило внезапное круговое распространение пламени, потом вся атмосфера, в одно-единственное мгновение, магически заполнилась диким хаосом из обломков дерева, металла и человеческих членов; и, наконец, возникло сотрясение в полнейшем своем бешенстве, оно порывисто сбilo нас с ног, меж тем как холмы грянули эхом и новой переключкой звуков эха в ответ на грохот, и густой дождь мельчайших обломков и обрывков порывисто рушился по всем направлениям вокруг нас.

Опустошение среди дикарей далеко превзошло наши крайние ожидания, и теперь они вполне пожалели спелую жатву, плоды своего вероломства. Быть может, целая тысяча их погибла от взрыва, между тем как по крайней мере такое же число их было безнадежно изуродовано. Вся поверхность бухты была буквально усеяна судорожно барахтающимися и утопающими несчастными, а на берегу обстояло даже и еще хуже. Казалось, они были до крайности ужаснуты внезапностью и полнотой своего поражения и не делали никаких усилий помочь друг другу. В конце концов, мы заметили резкую перемену в их поведении. Из полного оцепенения они, по-видимому, были сразу пробуждены до высочайшей степени возбуждения и начали дико метаться кругом, устремляясь к некоторому месту на побережье и убегая от него со странным выражением смешанных чувств ужаса, бешенства и напряженного любопытства, написанных на их лицах, причем изо всех сил они громко кричали: «Текели-ли! Текели-ли!»

Мы увидели теперь, как большая толпа направилась в холмы, откуда все они вернулись вскоре, неся с собой колья. Эти последние были донесены до того места, где давка была всего сильнее, толпа раздалась, и мы получили, таким образом, возможность увидеть предмет всего этого возбуждения. Мы заметили что-то белое, лежащее на земле, но не могли тотчас разведать, что бы это было. Наконец, мы увидели, что это был труп странного животного с алыми зубами и когтями, которое было поймано шхуной в море восемнадцатого января. Капитан Гай велел сохранить тело животного, в целях набить чучело и взять его с собой в Англию. Я помню, что он отдал некоторые распоряжения на этот счет как раз перед тем, когда мы высадились на остров, и животное было перенесено в каюту и положено в один из ларей. Оно было теперь брошено на берег силою взрыва; но почему оно возбудило такое напряженное внимание среди дикарей, этого постичь мы не могли. Хотя они толпились вокруг трупа на некотором от него расстоянии, ни один, по-видимому, не хотел приблизиться к нему вплоть. Те, которые были с кольями, воткнули их теперь в песок, образовавши вокруг животного круг, и едва только это

устройство окончилось, как все огромное множество ринулось вовнутрь острова с громкими пронзительными криками: «Текели-ли! Текели-ли!»

Глава двадцать третья

В продолжение шести-семи дней, непосредственно за этим последовавших, мы оставались в нашем тайнике на холме, выходя лишь в редких случаях, и то с величайшими предосторожностями, за водой и орехами. Мы устроили некоторого рода навес на ровной плоскости нашего тайника, снабдили его постелью из сухих листьев и поместили там три больших плоских камня, которые служили нам и очагом и столом. Огонь мы зажигали без затруднения, растирая один о другой два куса сухого дерева, один мягкий, другой твердый. Птица, которую мы так вовремя захватили, оказалась превосходной для еды, хотя несколько твердой. Это была не океанская какая-нибудь птица, но род выпи, с агатово-черным и сероватым оперением и весьма малыми крыльями сравнительно с ее величиной. Позднее мы увидели поблизости от стремнины еще три птицы того же самого разряда, они, как кажется, искали ту, которая попала нам в плен; но так как они ни разу не селились, у нас не было никакого случая поймать их.

Пока длилось питание мясом этой птицы, мы вовсе не страдали от нашего положения, но теперь она была целиком съедена, и сделалось безусловно необходимым, чтобы мы искали какой-нибудь еды. Орехи не могли утолять повелительных требований голода, они причиняли нам, кроме того, колики в желудке, а если мы ели их изобильно, то и сильнейшую головную боль. Мы заметили несколько больших черепаш около морского берега, к востоку от холма, и увидели, что ими легко было бы завладеть, если бы мы могли достичь до них, не будучи замечены туземцами. Было решено поэтому, что мы сделаем попытку сойти вниз.

Мы начали наше нисхождение по южному склону, представлявшему, казалось, наименьшие затруднения, но не прошли и ста ярдов, как наше поступательное движение (что мы и предвидели, судя по тому, какой все имело вид на вершине холма) было совершенно прервано рукавом ущелья, в котором погибли наши товарищи. Мы прошли теперь по краю его приблизительно на четверть мили, но снова были остановлены пропастью великой глубины и, не будучи способны продолжать наш путь по ее краю, были вынуждены вернуться по своим следам к главной стремнине.

Мы продвинулись к востоку, но в точности с подобным же успехом. После того как мы карабкались так около часа с опасностью сломать себе шею, нам стало ясно, что мы лишь сошли в обширный колодец из черного гранита, дно которого было покрыто тонкой пылью, и единственным выходом оттуда являлся тот шероховатый суровый путь, по которому мы сошли вниз. С трудом взобравшись вверх по той же самой дороге, мы попытались теперь пройти по северному краю холма. Здесь мы были должны применять наивеличайшие возможные предосторожности, продвигаясь вперед, ибо малейшая неосмотрительность целиком явила бы нас взорам дикарей, находившихся в селении. Мы ползли поэтому, опираясь на руки и на колени, а временами даже были вынуждены ложиться наземь всем телом и волочились вперед, цепляясь за кустарники. Едва мы продвинулись на небольшое расстояние таким тщательным способом, как достигли некоторой расселины, гораздо более глубокой, чем какая-либо из виданных нами доселе; она вела прямо к главному ущелью. Таким образом наши опасения вполне подтвердились, и мы были совершенно отрезаны от доступа к миру, находившемуся внизу. Совершенно истомленные нашими усилиями, мы проделали, как только могли, наш обратный путь к ровному месту и, бросившись на постель из листьев, спали сладким и крепким сном несколько часов. В течение нескольких дней после этих бесплодных розысков мы были заняты тем, что исследовали каждую часть вершины холма, дабы осведомиться касательно теперешних наших возможностей. Оказалось, что пищи здесь нет никакой, кроме зловредных орехов и прогорклой на вкус цинготной травы, которая росла на небольшом клочке земли, по размерам

не свыше четырех квадратных мер в шестнадцать футов, и, следовательно, вскоре она должна была быть исчерпана. Пятнадцатого февраля, насколько я могу припомнить, от нее не осталось ни листика, орехи же становились редки; положение наше поэтому вряд ли могло быть более плачевным¹².

Шестнадцатого мы опять обошли кругом стены нашей тюрьмы в надежде найти какую-нибудь дорожку, дабы ускользнуть, но безуспешно. Мы сошли также в расселину, в которой мы были разбиты, со слабой надеждой найти в этом горном желобе какое-нибудь отверстие, ведущее к главной стремнине. И здесь также мы были обмануты в своих ожиданиях, хотя нашли и захватили с собой один мушкет.

Семнадцатого мы вышли с твердым решением исследовать более тщательно пропасть из черного гранита, в которую нас привела наша дорога при первых розысках. Мы вспомнили, что мы глянули лишь беглым образом в одну из расщелин, находившихся по бокам этого колодца, и горели нетерпением исследовать ее основательно, хотя без надежды открыть здесь какое-либо отверстие.

Мы смогли без большого затруднения достичь дна впадины, как прежде, и были теперь сравнительно спокойными для более внимательного ее осмотра. Это было поистине одно из самых странных на вид мест, какие только можно вообразить, и мы с трудом могли поверить, чтобы это было произведением одной природы. Колодец, от восточного до западного своего края, был приблизительно пятьсот ярдов в длину, если бы все его извивы были выпрямлены; расстояние от востока к западу по прямой линии (как я должен предположить, ибо у меня не было средств точного измерения) было не более сорока-пятидесяти ярдов. При первом нисхождении в расселину, то есть на сто футов вниз от вершины холма, бока пропасти мало походили один на другой и, по видимости, никогда не были соединены, поверхность одной стороны была из мыльного камня, поверхность другой была из рухляка, с крупинками какого-то металлического вещества. Средняя ширина, или промежуточное пространство между двумя утесами, была здесь, вероятно, шестьдесят футов, но, по-видимому, здесь не было правильности в наложении. Однако же после перехода вниз за указанный предел промежуток быстро сокращался и склоны пропасти начинали идти параллельно, хотя на протяжении некоторого дальнейшего пространства они еще не сходились в своем веществе и в лике поверхности. По достижении пятидесяти футов от дна начиналась безукоризненная правильность. Склоны были теперь совершенно единообразны по веществу, цвету, боковому направлению, состояли они из очень черного и сияющего гранита, и расстояние между двумя склонами в любой точке было, если брать прямиком один склон от другого, как раз двадцать ярдов. Точное свойство наложения расселины будет наилучше понято при помощи рисунка, сделанного на месте; ибо у меня, к счастью, была с собой памятная книжка и карандаш, которые я с великим тщанием сохранял в течение долгого ряда последовавших приключений и благодаря которым я смог занести записи о многих вещах, каковые иначе ускользнули бы из моей памяти.

Эта фигура (смотри фигуру 1) дает общий очерк пропасти, без впаостей меньшего размера, коих было несколько по бокам, причем каждая впасть имела соответствующую выдающуюся часть напротив. Дно пропасти было покрыто на глубину трех-четырёх дюймов пылью почти неосязаемой, под которой мы нашли продолжение черного гранита. Направо, на нижнем крае, должно заметить видимость малого отверстия; это расщелина, на которую указывалось выше и более тщательное исследование которой, нежели то случилось прежде, было целью нашего вторичного посещения. Мы протеснились теперь в нее с силою, срубив целое множество ветвей терновника, загоразживавшего нам дорогу, и содвинув огромную кучу острых кремней, несколько похожих по своим очертаниям на наконечники стрел. Мы были обод-

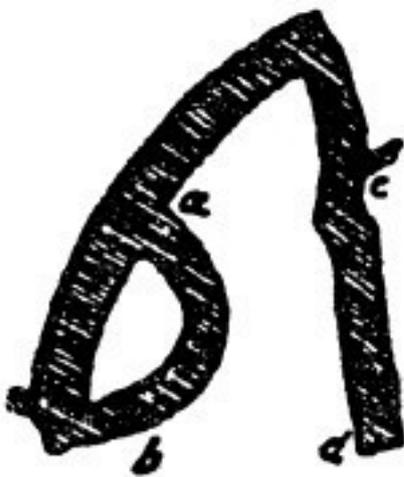
¹² Этот день сделался достопримечательным, ибо мы усмотрели на юге несколько огромных гирлянд сероватого пара, о котором я говорил ранее. – *Прим. авт.*

рены для продолжения замышленного, заметив некий малый свет, исходивший из самого дальнего оконца. Мы протеснились наконец вперед шагов на тридцать и увидели, что отверстие являло из себя низкий и правильно образованный свод, дно которого было усеяно тою же самой неосязаемой пылью, что и в главной пропасти. Сильный свет ударил теперь на нас, и, сделав резкий поворот, мы очутились в другой высокой горнице, во всех отношениях похожей на ту, из которой мы вышли, но более продольной. Общий ее вид здесь дан (смотри фигуру 2).

Фигура 1

Вся длина этой расселины, начиная с отверстия а и продолжая кругом по кривизне в до края d – пятьсот пятьдесят ярдов. В с мы открыли небольшое отверстие, подобное тому, через которое мы вышли из другой расселины, и оно, таким же образом, было загромождено терновником и целым множеством белых кремневых наконечников стрел. Мы пробили через нее наш путь и нашли, что в ней сорок футов длины и что она выходит в третью расселину. Эта последняя также была совершенно подобна первой, исключая продольного ее очерка, который был вот такой (смотри фигуру 3).

Фигура 2

Мы нашли, что вся длина третьей расселины триста двадцать ярдов. На точке а было отверстие около шести ярдов ширины, простиравшееся на пятнадцать футов в скалу, где оно кончалось рухляковым ложем, за пределами этого не было другой расселины, как мы ожидали. Мы уже готовы были оставить эту расщелину, куда проходил очень слабый свет, как вдруг Питерс обратил мое внимание на ряд странного вида зазубрин на поверхности рухляка, образовавшего завершение этого тупика. С небольшим усилием воображения левая, то есть самая северная, часть этих зазубрин могла быть принята за умышленное, хотя грубое, изображение человеческой фигуры, стоящей прямо с протянутой рукой.

Фигура 3

Остальные зазубрины носили также некоторое малое сходство с буквами некоего алфавита, и Питерс был склонен во всяком случае усвоить праздное мнение, что они были действительно таковыми. В конце концов я убедил его в его ошибке, обратив его внимание на пол расщелины, где среди пыли, кусок за куском, мы подобрали большие обломки рухляка, которые, очевидно, были сорваны каким-нибудь сотрясением с поверхности, где находились выемки, у которых были выступы, в точности подходившие к этим выемкам, что доказывало, что это было делом природы. Фигура 4 изображает точный снимок со всего.

Фигура 4

Убедившись, что эти своеобразные пещеры не доставляли нам никакого средства ускользнуть из нашей тюрьмы, мы направились назад, подавленные и павшие духом, к вершине холма. Ничего достойного упоминания не случилось за ближайшие двадцать четыре часа, кроме того, что, исследуя к востоку почву третьей расселины, мы нашли две треугольные ямы, очень глубокие и также с черными гранитными боками. В эти ямы мы не сочли надлежащим опускаться, ибо они имели вид простых природных колодцев без выхода. Каждая из них имела

приблизительно двадцать ярдов в окружности, а их очертания, так же как их положение относительно третьей расселины, показаны на фигуре 5.

Фигура 5

Глава двадцать четвертая

Двенадцатого числа этого месяца, увидев, что более совершенно невозможно питаться орехами, употребление которых причиняло нам самые мучительные страдания, мы решили сделать отчаянную попытку сойти с южного склона холма. Поверхность пропасти была здесь из самого мягкого мыльного камня, но она была почти отвесна на всем своем протяжении (по крайней мере в полтора фута глубины) и во многих местах даже сводчатая. После долгих исканий мы открыли узкую закраину приблизительно в двадцати футах под краем пропасти; на нее Питерс ухитрился вспрыгнуть, причем я оказал ему некоторую помощь при посредстве наших носовых платков, вместе связанных. С несколько большими затруднениями и я также спустился вниз, и нам стало видно тогда, что можно сойти вполне хорошо тем же способом, каким мы выкарабкались из расселины, когда мы были схоронены в ней падением холма, — то есть вырезая ступени на поверхности мыльного камня. Крайняя опасность и зависимость от случая при такой попытке вряд ли может быть представлена, но, так как ничего другого измыслить было нельзя, мы решились предпринять ее.

На закраине, в том месте, где мы стояли, росли орешники, и к одному из них мы прикрепили конец нашей веревки из носовых платков. Другой конец ее был обвязан вокруг пояса Питерса, и я спустил его вниз через край пропасти, пока платки не натянулись туго. Он начал теперь рыть в мыльнице глубокую яму (дюймов на восемь или на десять), скашивая уровень скалы сверху до высоты одного фута или около того, дабы иметь возможность, применяя рукоятку пистолета, вогнать в выровненную поверхность достаточно крепкий деревянный гвоздь. После этого я втянул его вверх приблизительно на четыре фута, он вырыл яму, подобную той, что была внизу, вогнал здесь, как и раньше, деревянный гвоздь и таким образом получил упор для рук и ног. Я отвязал платки от куста, бросил ему конец, он привязал его ко вбитой опоре, находившейся в верхней яме, и осторожно спустился вниз фута на три сравнительно с прежним своим положением, то есть до всей длины платков. Здесь он вырыл новую яму и вогнал другой деревянный гвоздь. Он подтянулся вверх теперь, чтобы дать ногам упор в только что вырезанной яме, держась руками за деревянный гвоздь, имевшийся сверху. Теперь было необходимо отвязать платки от верхней опоры с целью прикрепить их ко второй; и тут он увидел, что сделал ошибку, вырезая ямы на таком большом расстоянии одну от другой. Однако же после одной-двух безуспешных и опасных попыток дотянуться до узла (он держался левой рукой,

пока ему пришлось хлопотать над развязыванием узла правой) он наконец обрезал веревку, оставив шесть дюймов ее прикрепленной к опоре. Привязав теперь платки ко второй опоре, он сошел до места, находившегося под третьей, стараясь не сходить слишком далеко вниз. Таким способом (способом, которого никогда бы не измыслил я сам и который всецело возник благодаря находчивости и решимости Питерса) товарищу моему наконец удалось, там и сям пользуясь случайными выступами в утесе, благополучно достичь нижнего склона.

Прошло некоторое время, прежде чем я мог собраться с достаточной решимостью, чтобы последовать за ним; но наконец я попытался. Питерс снял с себя рубашку, прежде чем начал спускаться, она, вместе с моею, образовала веревку, необходимую для этого отважного предприятия. Бросив вниз мушкет, найденный в расселине, я прикрепил эту веревку к кустам и стал быстро спускаться вниз, стараясь силою моих движений прогнать трепет, который я не мог победить никаким другим образом. Это вполне отвечало необходимости при первых четырех-пяти шагах; но вот я почувствовал, что воображение мое становится страшно возбужденным от мыслей об огромной глубине, которую еще нужно пройти, и о недостоверных свойствах деревянных опор и ям в мыльнике, которые были единственною моею возможностью держаться. Напрасно старался я прогнать эти размышления и держать свои глаза упорно устремленными на плоскую поверхность утеса передо мной. Чем более серьезно я старался и усиливался не думать, тем более напряженными и живыми становились мои представления, тем более они были ужасающе четкими. Наконец настал перелом в мечте, такой страшный во всех подобных случаях, тот перелом, когда мы начинаем превосходить ощущения, с которыми мы будем падать, – рисовать самим себе дурноту, и головокружение, и последнюю борьбу, и полуобморок, и окончательную режущую пытку обрушивающегося нисхождение стремглав. И тут я увидел, что эти фантазии создают свою собственную существенность и что все воображаемые ужасы, столпившись, теснят меня в действительности. Я почувствовал, что колени мои с силою ударяются одно о другое, а пальцы постепенно, но достоверно отпускают свою хватку. В ушах у меня стоял звон, и я сказал: «Это звон моего смертного часа!» И тут меня совсем поглотило неудержимое желание глянуть вниз. Я не мог, я не хотел ограничивать мое зрение, держа свои глаза прикованными к утесу; и с безумным, неопределимым ощущением, ощущением наполовину ужаса, наполовину облегченного гнета, я устремил свои взоры далеко вниз, в глубину. В течение одного мгновенья пальцы мои судорожно цеплялись за точки опоры, между тем как вместе с этим движением слабейшая возможная мысль об окончательном спасении проплыла как тень в моем уме – в следующее мгновение вся душа моя была захвачена одним томительным желанием упасть; желанием, хотением, страстью, которой нет ни проверки, не удержу. Я сразу разжал свои пальцы и, полуотвернувшись от пропасти, краткий миг держался шатаясь против обнаженной ее поверхности. Но тут все в мозгу моем начало вертеться; какой-то пронзительный и призрачный голос резко закричал мне прямо в уши; какая-то темная дьявольская и мглистая фигура встала прямо подо мной; и, вздохнув, я упал вниз с разрывающимся сердцем и нырнул ей прямо в руки.

Я впал в обморочное состояние, и Питерс схватил меня, когда я падал вниз. Он заметил все мое поведение с того места у подошвы утеса, где он находился; и, видя неминуемую опасность, попытался внушить мне мужество всяческого рода ободрениями, какие только мог измыслить; но смятение ума было во мне так велико, что я вовсе не слышал того, что он говорил, и даже не сознавал, чтобы он что-нибудь мне сказал. Наконец, видя, что я шатаюсь, он поспешил взойти наверх ко мне на выручку и пришел как раз вовремя, чтобы меня спасти. Если б я упал всею силою моей тяжести, веревка из платков неизбежно порвалась бы и я рухнул бы в пропасть; теперь же ему удалось спустить меня с осторожностью, так что я мог без какой-либо опасности быть подвешенным до того, как очнулся. Это произошло приблизительно через четверть часа. Когда я оправился, трепет мой совершенно исчез; я чувствовал новое бытие и с некоторой дальнейшей помощью со стороны моего товарища благополучно достиг подошвы

утеса. Мы находились теперь недалеко от рытвины, которая оказалась для моих друзей могилой, и к югу от того места, где упал холм. Место это было своеобразно дикое, а вид его вызвал в моем уме описания, которые дают путники тех сумрачных областей, что отмечают местоположение низверженного Вавилона. Не говоря уже о развалинах разорванного утеса, представлявших хаотическую преграду для зрения в направлении к северу, почва во всех других направлениях была усеяна огромными насыпями, которые казались остатками каких-то гигантских построек, созданных искусством; хотя в отдельностях здесь нельзя было усмотреть никакого подобия искусства. Здесь изобиловали выгарки и большие бесформенные глыбы черного гранита, перемешанные с глыбами рухляка¹³. Те и другие были усеяны металлическими крупинками. Никаких следов растительности не было на всем зримом протяжении пустынного пространства. Виднелось несколько огромных скорпионов, виднелись также различные пресмыкающиеся, которых нельзя найти в других местах на высоких широтах.

Так как пища была непосредственным предметом наших исканий, мы решили направиться к морскому берегу, отстоявшему не более чем на полмили, в целях поохотиться на черепахах, из коих несколько мы заметили из нашего прибежища на холме. Мы продолжали идти и прошли ярдов сто, осторожно идя по извилистой дороге между огромных скал и насыпей, как вдруг при одном повороте за угол пять дикарей выпрыгнули на нас из небольшой пещеры и положили Питерса наземь одним ударом дубины. Когда он упал, все бросились на него, чтобы захватить свою жертву, и я имел время опомниться от моего изумления. Я еще держал мушкет, но стволы его так попортились от падения в пропасть, что я отбросил его в сторону, как орудие бесполезное, предпочитая довериться пистолетам, которые я тщательно соблюдал в порядке и держал наготове. С ними я устремился на нападавших и быстро выстрелил из одного и из другого. Два дикаря упали, а тот, который только что собирался пронзить Питерса копьем, вскочил на ноги, не выполнив своего намерения. Когда товарищ мой таким образом высвободился, у нас более не было затруднений. У него тоже были пистолеты, но он благоразумно не захотел ими воспользоваться, доверяясь огромной своей телесной силе, которая далеко превосходила силу любого человека из всех тех, кого мне приходилось видеть в жизни. Выхватив дубину у одного из павших дикарей, он выбил мозги всем трем оставшимся, убивая каждого мгновенно одним-единственным ударом своего оружия и вполне предоставляя нам быть владыками положения.

Так быстро промелькнули эти события, что мы едва могли верить в их действительность и стояли над телами умерших в некоторого рода глупейшем созерцании, как вдруг мы были возвращены к памяти звуками возгласов, раздавшимися в отдалении. Было ясно, что дикари были встревожены звуком выстрелов и что у нас мало было возможности оставаться не открытыми. Чтобы вновь взойти на утес, нам было бы необходимо идти в направлении возгласов; и даже, если бы нам удалось достичь основания утеса, мы никогда не могли бы взойти на него, не будучи замеченными. Положение наше было чрезвычайно опасное, и мы уже колебались насчет того, в каком направлении начать побег, как один из дикарей, в которого я стрелял и считал умершим, живо вскочил на ноги и попытался обратиться в бегство. Мы, однако, его захватили, прежде чем он успел отдалиться на несколько шагов, и готовились предать его смерти, как Питерс высказал мысль, что мы могли бы извлечь некоторую выгоду, принудив его сопровождать нас в нашей попытке ускользнуть. Мы поэтому потащили его с собой, давая ему понять, что мы его застрелим, если он окажет какое-нибудь сопротивление. В несколько минут он сделался совершенно покорным и бежал рядом с нами, меж тем как мы пробирались среди скал и направлялись к морскому берегу.

¹³ Рухляк был также черный, на самом деле мы не заметили на острове ни одного светло-цветного вещества какого бы то ни было разряда. – *Прим. авт.*

Доселе неровности почвы, по которой мы проходили, скрывали от нас море, и оно лишь время от времени возникало перед нашими глазами, и когда оно впервые по-настоящему предстало перед нами, до него было, быть может, двести ярдов. Когда мы выскользнули к открытой бухте, мы увидели, к великому нашему смутению, огромную толпу туземцев, выбегавших из селения и отовсюду на острове, они направлялись к нам с телодвижениями, указывавшими на крайнюю ярость, причем они выли как дикие звери. Мы уже готовы были повернуть назад и попытаться обезопасить наше отступление среди скалистой твердыни, как вдруг я увидел направленные носовой частью к берегу две ладьи за большой скалой, уходившей в воду. К ним мы побежали теперь изо всех сил и, достигнув их, увидели, что они были без присмотра и в них не было ничего, кроме трех больших черепах галапаго и обычного запаса весел для шестидесяти гребцов. Мы немедленно завладели одной ладьей и, принудив нашего пленника войти с нами, отплыли в море, налегая на весла изо всех сил.

Мы не отплыли, однако, более чем на пятьдесят ярдов от берега, как достаточно успокоились, чтобы понять тот великий промах, в коем мы были повинны, оставив другую ладью во власти дикарей, которые тем временем были не более чем на двойном расстоянии от бухты сравнительно с нами и быстро бежали, чтобы продолжать погоню. Времени терять было нельзя. Надежда наша в лучшем случае была весьма слабой, но другой надежды у нас не было. Очень было сомнительно, сможем ли мы, при крайнем напряжении сил, вернуться достаточно вовремя, чтобы предупредить захват другой лодки, но возможность все же еще была. Мы могли бы спастись, если бы нам это удалось, а не сделать такой попытки означало предназначить себя неизбежной гибели.

Ладья наша была так построена, что нос и корма были у нее одинаковы, и, вместо того чтобы повертывать ее кругом, мы просто переменили наше положение у весел. Как только дикари заметили это, они удвоили свои вопли, так же как и свою быстроту, и приближались теперь с невообразимой скоростью. Мы гребли, однако, со всей энергией отчаяния и прибыли к спорному месту прежде, чем кто-либо, кроме одного из туземцев, достиг его. Этот человек дорого заплатил за свое превосходное проворство: Питерс прострелил ему голову из своего пистолета, когда он приблизился к берегу. Передовые из остальной толпы были, вероятно, шагах в двадцати или тридцати, когда мы схватили ладью. Мы сперва попытались оттащить ее в глубокую воду, за пределы досягаемости дикарей, но увидели, что она слишком прочно закреплена, и, так как времени нельзя было терять, Питерс с помощью одного-двух тяжелых ударов прикладом мушкета раздробил значительную часть ее носа и одного из боков. После этого мы отплыли. Двое из туземцев тем временем уцепились за нашу лодку и упорно отказывались выпустить ее, пока мы их к этому не вынудили, расправившись с ними ножами. Мы были теперь на воле и направлялись в открытое море. Главная ватага дикарей, достигнув сломанной лодки, испустила самый потрясающий вопль бешенства и разочарования, какой только можно себе вообразить. Поистине, изо всего, что я мог усмотреть касательно этих негодяев, они, по-видимому, являли из себя самое злое, лицемерное, мстительное, кровожадное и совершенно дьявольское племя людей, когда-либо живших на поверхности земли. Ясно было, что нам не было бы пощады, если бы мы попались им в руки. Они сделали безумную попытку погнаться за нами на сломанной лодке, но, увидев, что это бесполезно, снова выразили свое бешенство в целом ряде отвратительных воплей и, горланя, ринулись в холмы.

Мы были теперь освобождены от немедленной опасности, но все же наше положение было в достаточной степени зловеще. Мы знали, что раньше у этих дикарей было в обладании четыре такие ладьи, и мы не знали тогда того, о чем позднее узнали от нашего пленника, а именно, что две ладьи разлетелись в куски при взрыве «Джэн Гай». Мы рассчитывали поэтому, что нас будут еще преследовать, как только враги наши смогут обежать вокруг бухты (расстояние в три мили), где лодки обыкновенно были закреплены. Опасаясь этого, мы приложили все старания к тому, чтобы оставить остров за нами, и быстро плыли, принудив пленника взять

весло. Приблизительно через полчаса, когда мы уплыли миль на пять или на шесть к югу, сделалось видно, как большая флотилия из плоскодонных лодок, или плотов, возникла, отплывая от бухты, в явном намерении нас преследовать. Но вот они повернули назад, отчаявшись нас догнать.

Глава двадцать пятая

Мы находились теперь в обширном и пустынном Полуденном океане, на широте, превышающей 84°, в хрупкой ладье и без каких-либо запасов, кроме трех черепах. Долгая полярная зима была, кроме того, конечно, уже недалеко, и сделалось необходимым, чтобы мы хорошенько обсудили, какое выбрать направление. Было шесть или семь островов на виду, принадлежащих к той же самой группе и отстоящих один от другого приблизительно на пять или шесть лиг, но ни к одному из них мы не имели никакого намерения дерзнуть приблизиться. Придя с севера на «Джэн Гай», мы мало-помалу оставили за собою наиболее суровые области льда – это, как бы ни мало это согласовалось с общепринятыми представлениями о Полуденных областях, было проверенной опытом достоверностью, которую нам было бы непозволительно отрицать. Пытаться поэтому вернуться назад было бы безумием, в особенности в такое позднее время года. Лишь одно направление, по-видимому, было оставлено для надежды. Мы решили смело править на юг, где было, по крайней мере, вероятие открытия новых земель и больше чем вероятие найти еще более кроткий климат.

Доселе мы видели, что Полуденный океан, так же как Северный, был отличительным образом свободен от яростных бурь и неумеренно бурных валов; но наша ладья была, даже и в наилучшем случае, очень хрупкая по своему строению, хотя и длинная, и мы ревностно принялись за работу с целью сделать ее настолько надежной, насколько это допускали находившиеся в нашем распоряжении ограниченные средства. Остов ладьи был не из чего лучшего, как из коры – коры какого-то неведомого дерева. Ребра были из гибкого ивняка, хорошо приспособленного для той цели, к которой он был применен. У нас было пятьдесят футов пространства от носа до кормы, ширина была от четырех до шести футов, глубина везде четыре фута с половиной – такие лодки значительно отличаются по очертаниям от лодок каких-либо других жителей Южного океана, о которых имеют сведения цивилизованные народы. Мы никогда не думали, чтобы они были изделием невежественных островитян, ими владевших, и несколько дней спустя узнали, расспрашивая нашего пленника, что они действительно были построены уроженцами группы островов, находившихся к юго-западу от той области, где мы нашли их, и что они случайно попали в руки наших варваров. То, что мы могли сделать для укрепления нашей лодки, было поистине очень мало. Несколько больших щелей было усмотрено около обоих концов, и нам удалось законопатить их кусочками шерстяной куртки. С помощью лишних весел, коих было большое количество, мы воздвигли некоторого рода сруб около носа, дабы преломлять силу возможных валов, которые стали бы грозить затопить нас с этой стороны. Мы установили также две весельные лопасти как мачты, поместив их одну против другой, по одной у каждого шкафута, и обойдясь, таким образом, без раины. К этим мачтам мы привязали парус, изготовленный из наших рубашек, – сделать нам это было довольно трудно, ибо в этом мы не могли добиться какой-либо помощи от нашего пленника, хотя он довольно охотно принимал участие во всех других работах. Вид холста, как казалось, взволновал его совершенно особенным образом. Его нельзя было заставить прикоснуться к нему или подойти близко, он дрожал, когда мы пытались его принудить к этому, и вскрикивал: «Текели-ли!»

После того как мы закончили наши приспособления для безопасности лодки, мы направили паруса к юго-юго-востоку, с целью обогнуть наиболее южный остров группы из бывших на виду. Сделав это, мы направили носовую часть лодки целиком к югу. Погода отнюдь не могла считаться неприятной. Все время держался очень тихий ветер с севера, море было глад-

кое и длился непрерывный дневной свет. Не было видно ни признака льда; я и не видел его, ни одного даже кусочка, после того как мы оставили параллель островка Беннета. Температура воды была поистине здесь слишком тепла, чтобы лед мог существовать в каком-либо количестве. Убив самую большую из наших черепах и получив из нее не только пищу, но и обильный запас воды, мы продолжали наш путь без какого-либо значительного приключения, быть может дней семь или восемь, в течение какого времени должны были продвинуться на большее расстояние к югу, ибо с нами постоянно шел попутный ветер и очень сильное течение непрерывно несло нас в том направлении, которому мы следовали.

*Марта 1-го*¹⁴. Различные необыкновенные явления указывали теперь, что мы вступаем в область новизны и чудес. Высокая горная цепь светло-серых паров возникала постоянно на южном горизонте, вспыхивая время от времени возвышенными полосами, то устремляясь стрелометно с востока на запад, то с запада на восток, и снова являя ровную и единообразную вершину, – словом, осуществляя все причудливые видоизменения северного сияния. Средняя высота этого испарения, как оно нам являлось с нашей точки, была приблизительно двадцать пять градусов. Температура моря, по-видимому, увеличивалась с минуты на минуту, и было очень явственное изменение в его цвете.

Марта 2-го. Сегодня повторным расспрашиванием нашего пленника мы добились того, что разузнали некоторые подробности касательно острова, где произошло избиение, его жителей и обычаев, – но как теперь я могу этим задерживать читателя? Я могу сказать, однако, что, как мы узнали, в группе было восемь островов, что они управлялись одним общим царем, имя его Тсалемон, или Псалемун, пребывал же он на одном из самых маленьких островов; что черные шкуры, образующие одеяния воинов, принадлежали некоторому животному огромных размеров, которое находилось только в долине около царского двора; что островитяне не изготовляли никаких других лодок, кроме плоскодонных паромов; четыре ладьи были всем, чем они обладали в этом роде, и им они достались совершенно случайно с некоторого большого острова на юго-западе; что имя нашего пленника – Ну-Ну и что он не имеет никакого сведения об островке Беннета; что название острова, который мы оставили, было Тсалал. Начало слов Тсалемон и Тсалал означалось продолжительным шипящим звуком, которому подражать мы нашли невозможным, даже после повторных попыток, и который был тождественен с криком черной выпи, каковую мы съели на вершине холма.

Марта 3-го. Теплота воды сделалась теперь поистине замечательной, а цвет ее претерпел быструю перемену – он более не был прозрачным, но молочной густоты и окраски. В непосредственной близости от нас вода была обычно гладкой, никогда она не была настолько взволнованной, чтобы подвергать опасности ладью; но мы часто испытывали изумление, замечая направо и налево, на различных расстояниях, мгновенные и пространственные волнения поверхности; как мы наконец усмотрели, им всегда предшествовали причудливые колебания в области испарения к югу.

Марта 4-го. Сегодня, с целью расширить наш парус, ибо ветер с севера значительно спадал, я вынул из кармана моей куртки белый носовой платок. Ну-Ну сидел совсем вплоть около моей руки, и, когда полотно случайно мелькнуло ему прямо в лицо, с ним сделались страшные судороги. Они сменились сонливостью и оцепенением и тихими бормотаниями: «Текели-ли! Текели-ли!»

Марта 5-го. Ветер совершенно утих, но было очевидно, что мы продолжаем спешно устремляться к югу под влиянием сильного течения. И теперь поистине было бы вполне разумно испытывать некоторую тревогу по поводу того, какой поворот принимают события, – но тревоги мы не чувствовали никакой. На лице Питерса не было никаких указаний на

¹⁴ По причинам очевидным я не могу в этих датах притязать на строгую точность. Они даны главным образом для ясности повествования, и как они были занесены в мои карандашные заметки. – *Прим. авт.*

что-либо подобное, хотя по временам оно принимало такое выражение, значение которого я не мог измерить. Подходила, по-видимому, полярная зима, но она приходила без своих ужасов. Я чувствовал онемение тела и духа – дремотность ощущения, – но это было все.

Марта 6-го. Серый пар поднялся теперь выше на несколько градусов над горизонтом и постепенно терял свой серый оттенок. Теплота воды была крайняя, даже неприятная для прикосновения, и молочный ее оттенок был более очевиден, чем когда-нибудь. Сегодня совсем близко около ладьи возникло сильное волнение в воде. Оно сопровождалось, как обычно, причудливым сверканием пара вверху, на самой его вершине, и мгновенным разделением его при основании. Тонкий белый прах, похожий на пепел, – но, конечно, не пепел – падал сверху на ладью и на широкое пространство воды, когда вспыхивание среди паров умирало и сотрясение затихало в море. Ну-Ну бросался тогда ничком на дно лодки, и никакие убеждения не могли побудить его подняться.

Марта 7-го. Сегодня мы спрашивали Ну-Ну, что побудило его земляков истребить моих товарищей; но он, по-видимому, был слишком захвачен страхом, чтобы дать нам какой-нибудь разумный ответ. Он продолжал упорно лежать на дне лодки и при наших повторных вопросах касательно побудительной причины делал лишь идиотские телодвижения, например, приподнимал свой указательный палец к верхней губе и обнажал зубы. Они были черны. Мы никогда до этого не видели зубов какого-нибудь из обитателей Тсалала.

Марта 8-го. Сегодня около нас проплыло одно из тех белых животных, явление которого в бухте Тсалала вызвало такое безумное волнение среди диких. Я хотел подцепить его, но вдруг на меня напала мгновенная рассеянность, и я этого не сделал. Теплота воды все увеличивалась, и рука не могла больше выдерживать ее. Питерс говорил мало, и я не знал, что думать об его апатии. Ну-Ну дышал, и только.

Марта 9-го. Все пепельное вещество непрерывно падало теперь вокруг нас, и в обширных количествах. Горная цепь испарений к югу поднялась волшебным образом над горизонтом и начала принимать более четкие очертания. Я ни с чем не могу этого сравнить, как с неким безграничным водопадом, безгласно катящимся в море с какого-то огромного и далекого оплота, находящегося в небе. исполинская завеса простиралась вдоль всей протяженности южного горизонта. От нее не исходило никакого звука.

Марта 21-го. Угрюмая темнота царилла теперь над нами – но из молочных глубин океана возникло лучистое сияние и прокралось вдоль боков лодки. Мы были почти целиком захвачены белым пепельным дождем, который оседал на нас и на ладью, но, падая в воду, в ней таял. Вершина водопада совершенно терялась в дымности и в пространстве. Но явно мы приближались к ней с чудовищной быстротой. По временам в ней были зримы широко зияющие, но мгновенные расселины, и из этих щелей, в которых был хаос устремленно порхающих и неясных образов, приходили стремительно рушащиеся и могущественные, но беззвучные ветры, взрывавшие в своем течении воспламененный океан.

Марта 22-го. Темнота существенно увеличилась, будучи лишь умягчаема блеском воды, отбрасываемым от белой завесы пред нами. Множество гигантских бледно-белых птиц непрерывно теперь улетали из-за паруса, и крик их был вечное «Текели-ли!», по мере того как они удалялись из области нашего зрения. Ну-Ну шевельнулся на дне ладьи, но, когда мы к нему прикоснулись, мы увидели, что дух его отошел. И теперь мы ринулись в объятия водопада, где разъялась расселина, чтобы приять нас. Но тут на нашем пути возник человеческий очерк, закутанный в саван, в размерах своих больший гораздо, чем какой-нибудь житель, живущий среди людей. И цвет его кожи в оттенке своем являл совершенную белизну снега.

ЗАМЕТКА

Обстоятельства, связанные с недавней внезапной и прискорбной кончиной мистера Пима, уже хорошо известны публике из ежедневных газет. Опасаются, что несколько послед-

них глав, которые должны были закончить его повествование и которые, в целях просмотра, были им задержаны, между тем как предыдущие были в печати, безвозвратно утрачены, благодаря несчастному случаю, при каком-то погребении и он сам. Может, однако, случиться, что это и не так, и записи его, ежели в конце концов они будут найдены, будут предложены вниманию публики.

Никакие средства не были оставлены неиспробованными, дабы так или иначе восполнить пробел. Джентльмен, имя которого упомянуто в предисловии и который, согласно утверждению, там сделанному, мог бы, как предполагали, его восполнить, отклонил от себя эту задачу – по причинам уважительным, связанным с общею неточностью подробностей, ему доставленных, и с его недоверием полной правде последних частей повествования. Питерс, от которого можно было бы ждать некоторых полезных сведений, еще жив и находится в Иллинойсе, но доселе с ним не удалось повстречаться. Позднее он может быть найден, и, без сомнения, он доставит данные для заключения рассказа мистера Пима.

Утрата двух или трех заключительных глав (ибо их было лишь две или три) заслуживает тем более глубокого сожаления, что они, в этом не может быть никакого сомнения, содержали данные касательно самого полюса или, по крайней мере, областей, находящихся в непосредственной с ним близости; и кроме того, утверждения автора относительно этих областей могут быть вскоре проверены или же опровергнуты правительственной экспедицией, ныне готовящейся, в Южный океан.

Относительно одного отрывка повествования вполне уместно сделать несколько замечаний, и сочинителю этого приложения доставит большое удовольствие, если то, что он может здесь сказать, окажется способным в какой-нибудь мере усилить достоверность столь примечательных страниц, здесь ныне напечатанных. Мы намекаем на расщелины, найденные на острове Тсалал, и на фигуры, которые целиком находятся на страницах..... и....

Мистер Пим дал изображение расселин без изъяснений, и он решительно говорит о выемках, найденных на краю самой восточной из этих расселин, утверждая, что они имеют лишь причудливое сходство с алфавитными буквами и, словом, что они положительно не суть таковы. Это утверждение сделано с такою простотою и в подкрепление его приводится некое доказательство столь убедительное, то есть то обстоятельство, что найденные среди праха выдающиеся обломки вполне подходили к выемкам на стене, что мы вынуждены верить в полную серьезность утверждений пишущего; и никакой разумный читатель не мог бы предположить ничего иного. Но так как обстоятельства, связанные со всеми фигурами, чрезвычайно своеобразны (особенно ежели сопоставить их с утверждениями, делаемыми в основном повествовании), вполне благоуместно сказать слово-другое относительно их всех – тем более что данные обстоятельства, без сомнения, ускользнули от внимания мистера По.

Фигура 1, фигура 2, фигура 3 и фигура 5, если соединить их одну с другою в том самом порядке, какой представляют расселины, и если лишить их малых боковых ходов, или сводов (которые, как надо припомнить, служили лишь средством сообщения между главными горницами и совершенно отличались по характеру), образуют слово эфиопского корня

– корня «быть тенистым», откуда все производные, изображающие тень или темноту.

Касательно выражения «левая или самая северная» из зазубрин в фигуре 4, более чем вероятно, что мнение Питерса было справедливым и что кажущаяся иероглифичность была действительно произведением искусства и должна была изображать человеческую форму. Очертание находится перед читателем, и он может усматривать или не усматривать указываемое сходство; но остальная часть выемок, во всяком случае, доставляет сильное подтверждение мысли Питерса. Верхний ряд, очевидно, есть корень арабского слова «быть белым», –

АЛО

– откуда все производные, означающие блистательность и белизну. Нижний ряд не так сразу заметен. Буквы несколько изломаны и разъединены, тем не менее нельзя сомневаться, что в совершенном своем состоянии они образуют целиком слово –

П&УРНС

– «Область Юга». Надо заметить, что эти истолкования подтверждают мнение Питерса относительно «самой северной» из фигур. Протянутая рука устремлена к югу.

Заключения, подобные этим, открывают широкое поле для умозрения и волнующих догадок. Их нужно было бы, может быть, рассматривать в связи с некоторыми из наиболее слабо очерченных событий повествования; хотя, зримым способом, эта цепь связи отнюдь не полна. «Текели-ли!» был крик испуганных туземцев Тсалала, когда они увидели труп белого животного, выловленного в море. Таково было также трепещущее восклицание тсалальского пленника, когда он увидел белые предметы, находившиеся в обладании мистера Пима. Таков был также крик быстро пролетающих белых и гигантских птиц, которые изошли из паробразной белой занавеси юга. Ничего белого не было в Тсалале, равно как и при дальнейшем плавании к области, находившейся за пределом.

Не невозможно, что слово «Тсалал», наименование острова расселин, при внимательном филологическом расследовании может указать или на некоторую связь с самыми расселинами, или на некоторые отношения к эфиопским буквам, так таинственно начертанным в их извилинах.

«Я вырезал это в холмах, и месь моя на прах в скале».

Жюль Верн

Ледяной сфинкс

Часть первая

Памяти Эдгара По

Моим американским друзьям

I

Острова Кергелен

Несомненно, ни один человек на свете не поверит моему повествованию под названием «Ледяной сфинкс». И все-таки его надо, по-моему, предложить на суд публики. Пусть она сама решает, верить ему или нет.

Прежде чем начать рассказ о столь невероятных и ужасающих приключениях, следует сказать, что трудно представить себе менее подходящее для человека место, чем острова Запустения – так их нарек в 1779 году капитан Кук. Что ж, я пробыл там несколько недель и могу утверждать, что они вполне заслуживают грустного наименования, которое присвоил им знаменитый английский мореплаватель. Острова Запустения – этим все сказано...

Я знаю, что составители географических карт придерживаются названия «Кергелены», которым они обычно обозначают этот архипелаг, расположенный на 49°54' южной широты и 69°6' восточной долготы. Оправданием им служит то обстоятельство, что первым обнаружил эти острова в южной части Индийского океана французский барон Кергелен. Произошло это в 1772 году. Барон, командовавший эскадрой, вообразил тогда, что открыл новый континент, омываемый антарктическими морями; но уже следующая экспедиция заставила его понять свою ошибку: то был всего лишь архипелаг. Если кого-нибудь интересует мое мнение, то название «острова Запустения» – единственное, которое подходит для этой россыпи из трехсот островов и островков, затерянных среди бескрайних океанских просторов, где шумят, не переставая, бури южных широт.

И все же на этих островах живут люди, и 2 августа 1839 года исполнилось ровно два месяца с тех пор, как благодаря моему присутствию в гавани Рождества общее количество европейцев и американцев, представляющих собой основное ядро здешнего населения, увеличилось на одну душу. Хотя, по правде говоря, я стал с нетерпением дожидаться первого же случая покинуть эти места, как только закончил геологические и минералогические изыскания, которые и стали причиной моего появления здесь.

Гавань Рождества расположена на самом крупном острове архипелага, имеющем площадь 4500 квадратных километров, что в два раза меньше площади Корсики. Это довольно-таки удобный порт, где можно становиться на якорь в нескольких морских саженях от берега. Обогнув с севера мыс Франсуа, на котором возвышается Столовая гора высотой в 1200 футов, отыщите глазами базальтовую гряду, в которой природа проделала широкую арку. Устремив через нее свой взор, вы заметите тесную бухту, защищенную многочисленными островками от бешеных западных и восточных ветров. Это и есть гавань Рождества. Теперь ваш корабль может направляться прямо туда, забирая чуть вправо. На стоянке можно ограничиться одним

якорем, что предоставляет свободу для разворота и прочих маневров – во всяком случае, пока бухту не затянет льдами.

Кстати, на Кергеленах насчитывается сотни других фиордов. Берега здесь извилисты, как истрепанные края юбки на нишенке, особенно те, что обращены на север и на юго-восток. Прибрежные воды кишат островками разной величины. Вулканическая почва состоит из кварца с примесью голубоватого камня. С наступлением лета камни покрываются зеленым мхом, серыми лишайниками, явнотрачной растительностью и неприхотливыми камне-ломками. Единственный здешний кустарник, напоминающий по вкусу горчайшую капусту, не встретишь ни в одной стране мира.

Здесь в привеликом множестве водятся королевские и разные прочие пингвины, которые расхаживают, поблескивая желтыми и белыми грудками, откидывая назад глупые головки и размахивая крыльями, напоминающими опущенные рукава, и походят издали на монахов, вереницами шествующих вдоль могильных плит.

Добавлю, что на Кергеленах находят убежище тюлени, нерпы и морские слоны, охота на которых составляла в те времена основу оживленной торговли, благодаря чему на архипелаг частенько заплывали корабли.

В один прекрасный день я прогуливался в порту, когда меня нагнал хозяин гостиницы, где я расположился, и сказал:

– Если я не ошибаюсь, вы у нас засиделись, мистер Джорлинг?

Это был высокий полный американец, обосновавшийся здесь уже 20 лет назад и владевший единственной гостиницей в порту.

– Вообще-то да, мистер Аткинс, – отвечал я, – если вас не обидит такой ответ.

– Ни в коем случае, – отозвался славный малый. – Как вы догадываетесь, я привык к таким ответам, подобно тому, как скалы мыса Франсуа привыкли к океанским волнам.

– И отражаете их, подобно им...

– Вот именно! В тот самый день, когда вы высадились в гавани Рождества и остановились у Фенимора Аткинса, под вывеской «Зеленый баклан», я сказал себе: «Через две недели, а то и всего через одну, моему постояльцу наскучит здесь, и он пожалеет, что приплыл на Кергелены...»

– Нет, почтенный Аткинс, я никогда не жалею о содеянном!

– Хорошая привычка!

– Кстати, на ваших островах я обнаружил немало любопытного. Я бродил по холмистым плато, обходил торфяники, продирался через жесткие мхи, чтобы раздобыть интересные образцы минералов и горных пород. Я участвовал в охоте на нерпу и тюленя, бывал на птичьих базарах, где мирно соседствуют пингвины и альбатросы, что показалось мне весьма примечательным явлением. Время от времени вы потчевали меня блюдом из буревестника, приготовленным вами собственноручно, которое оказалось вполне съедобным – при условии, если у едока хороший аппетит. Наконец, я встретил в «Зеленом баклане» великолепный прием, за который не устаю благодарить вас... Но, если я умею считать, минуло уже два месяца с того дня, когда трехмачтовое чилийское судно «Пенас» высадило меня в разгар зимы в гавани Рождества...

– ... и вам не терпится оказаться снова в вашей, то есть нашей стране, мистер Джорлинг, – закончил за меня мой собеседник, – снова увидеть Коннектикут и Хартфорд, нашу столицу...

– Без всякого сомнения, почтенный Аткинс, ибо вот уже три года я скитаюсь по миру...

Пришло время остановиться, пустить корни...

– Хм, когда появляются корни, – подхватил американец, подмигнув, – то недолго и отраслить ветки!

– Совершенно справедливо, почтенный Аткинс. Однако у меня нет семьи, и вполне вероятно, что на мне прервется наш род. В сорок лет мне уже вряд ли взбредет в голову отращивать ветки, вы же, мой дорогой хозяин, уже сделали это, ибо вы – настоящее дерево, да еще какое...

– Дуб – даже, если хотите, из породы каменных.

– Вы правильно поступили, подчинившись законам природы. Раз природа снабдила нас ногами, чтобы мы ходили...

– То она не забыла и про место, которым пользуются для сидения! – закончил за меня с громогласным смехом Фенимор Аткинс. – Именно поэтому я очень удобно уселся в гавани Рождества. Кумушка Бетси подарила мне двенадцать ребятишек, а они в свою очередь поражают меня внуками, которые станут цепляться за мои ноги, как котятка...

– Вы никогда не вернетесь на родину?

– Что бы я там делал, мистер Джорлинг? Нищенствовал? Напротив, здесь, на островах Запустения, где мне ни разу не пришлось ощутить пустоту, я добился достатка для себя и своего семейства.

– Несомненно, почтенный Аткинс, и мне остается только поздравить вас, раз вы живете счастливо. И все же не исключено, что в один прекрасный день у вас возникнет желание...

– Пустить корни в иную почву? Куда там, мистер Джорлинг! Я же говорю, что вы имеете дело с дубом. Попробуйте-ка пересадить дуб, вросший по середину ствола в гранит Кергелен!

До чего приятно было слушать этого достойнейшего американца, отлично прижившегося на архипелаге и приобретшего отменную закалку благодаря здешнему неуютному климату! Он обитал здесь со всем своим семейством, напоминая жизнерадостных пингвинов, – радушной матушкой и крепышами-сыновьями, пышущими здоровьем и не имеющими ни малейшего понятия об ангине или несварении желудка. Дела у них шли на славу. В «Зеленый баклан», ломящийся от товаров на любой вкус, заглядывали моряки со всех судов – и китобойных, и всех прочих, – которые бросали якоря у берегов Кергелен. Здесь они пополняли запасы жира, сала, дегтя, смолы, пряностей, сахара, чая, консервов, виски, джина, виноградной водки. Кроме того, в гавани Рождества просто не было другой гостиницы и другой таверны. Что до сыновей Фенимора Аткинса, то они трудились плотниками, мастерами по парусам, рыбаками, а в теплый сезон промышляли ластоногих в самых узких расселинах прибрежных скал. Славные парни, без лишних причитаний покорившиеся своей судьбе...

– Да и вообще, почтенный Аткинс, скажу напоследок, что я счастлив, что побывал на Кергеленах. Я увезу отсюда приятные воспоминания, – сказал я. – Однако я с радостью снова вышел бы в море...

– Ну-ну, – ответствовал этот доморощенный философ, – немного терпения! – Никогда не следует торопить час расставания. И не забывайте: хорошие деньки обязательно вернутся. Недель через пять-шесть...

– Пока же, – перебил я его, – горы и долины, скалы и берега покрыты толстым слоем снега, и солнце бессильно проникнуть сквозь туман, тянущийся до самого горизонта...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.